

На правах рукописи

ТАУНЗЕНД Ксения Игоревна

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПЕРЕВОДОВ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ**
**/на материале ранних английских переводов
латинского сочинения Боэция “Об утешении философией”/**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
профессор М.Я. Цвиллинг

Москва 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Лингвистическая прагматика в парадигме языкознания и теории перевода	9
1.1. Междисциплинарный характер исследований в сфере лингвистической прагматики	9
1.2. Прагматика перевода	21
Глава 2. Лингвокультурологический аспект английских переводов античных латинских текстов	41
2.1. Специфика переводов с латинского на разных исторических этапах развития английского языка и культуры	41
2.2. Лингвокультурные особенности латинского оригинала Боэция “Об утешении философией”	59
Глава 3. Прагматический аспект ранних английских переводов латинского сочинения Боэция “Об утешении философией”	78
3.1. Христианизация языческого оригинала в переводе короля Альфреда	83
3.2. Перевод как источник творчества Джеффри Чосера	100
3.3. Перевод как особый вид литературного творчества эпохи английского Ренессанса	147
3.4. Филологический перевод королевы Елизаветы I как форма аристократического досуга	191
Заключение	218
Библиография	224
Цитируемая литература и принятые сокращения	233
Приложение.....	235

Введение

Вторая половина XX века ознаменовала собой общую тенденцию к интеграции гуманитарных познаний в современной науке в целом и в лингвистике в частности. Это стало возможным благодаря комплексному подходу к центральному объекту исследования в языкознании – языку, выходу за пределы рассмотрения его как знаковой системы *sui generis* и изучению языка как деятельности людей в познании и преобразовании мира. Результатом явилось расширение объекта исследования путем включения в него целого спектра феноменов и фактов, охватывающих языковые проявления человеческой личности и общества, и, как следствие, разработка междисциплинарных направлений исследования, таких как психолингвистика, социолингвистика, паралингвистика, прагмалингвистика, теория дискурса и т.д. И в этой связи лингвистическое переводоведение оформилось в самостоятельную дисциплину и получило стремительное развитие как изучающее межъязыковую коммуникацию во всей совокупности собственно языковых и экстралингвистических факторов. При этом в теории перевода было доказано и научно обосновано, что прагматические аспекты, охватывая весь процесс и результат межкультурной коммуникации, доминируют над различными другими аспектами собственно лингвистического характера. Через призму прагматики в современном переводоведении рассматриваются как сам процесс перевода, так и его результат, а также различные теоретические вопросы (проблема переводимости, установление эквивалентности оригинала и перевода, определение понятия “перевод” и другие).

Однако, несмотря на очевидный приоритет прагматического подхода в изучении различных сторон переводческой деятельности, его применение в переводоведении обнаруживается в основном при синхронном рассмотрении современных переводов. В диахроническом измерении прагматические аспекты учитываются недостаточно, и в противоположность научно обоснованным теоретическим положениям о

главенстве прагматики предпочтение отдается текстологическим и лингвосемиотическим аспектам перевода. В результате игнорирование таких прагматических факторов, как мировоззрение и фоновые знания получателей перевода, господствовавшая литературная и переводческая традиция, этап развития и возможности языка перевода по отношению к языку оригинала, приводит к односторонности заключений и оценок исторических переводов, выполненных на ранних этапах развития национального языка и культуры. Наблюдаемое применение современных критериев оценки к переводам ранних эпох, отказ от рассмотрения их в культурно-историческом контексте создания не только умаляет ту роль, которую данные переводы выполнили в истории своей нации, но и сужает область их изучения, искажает реальные факты и тем самым обедняет диахронические исследования в переводоведении (см. примеры критики ранних переводов: Семенец, Панасьев, 1989; Ellis, 1989; Machan, 1989; Riddehough, 1946; Tatlock, 1950).

Подобное различие в подходах к рассмотрению современных и исторических переводов, где в случае первых изучаются прагматические аспекты всех элементов цепи межъязыковой коммуникации, а в случае последних – наоборот – лингвистические стороны исследуются вне коммуникативной ситуации эпохи их создания, приводит к противопоставлению синхронного и диахронного ракурсов в переводоведении. В то время как современная теория языка опровергает такое противопоставление двух подходов как нецелесообразное и препятствующее адекватному пониманию и характеристике обеих систем, их взаимного обогащения и пополнения. Такое состояние исследований переводов в истории указывает на необходимость проверки и подтверждения ведущей роли прагматических аспектов текста и перевода в диахроническом измерении, что определяет актуальность настоящей работы.

В этой связи при проведении данного исследования изучение каждого из ранних переводов проводилось с учетом культурно-исторического контекста эпохи, породившей его, а также различных языковых и экстралингвистических фактов, важных с точки зрения прагматики перевода. В соответствии с этим цель данной диссертации заключается в определении на диахронической шкале характера зависимости результата перевода от прагматических факторов его создания.

Поставленная цель достигается путем решения следующих задач:

- характеристика различных прагматических факторов, влияющих на процесс и результат перевода;
- выявление и описание лингвокультурных особенностей переводов античных авторов на разных исторических этапах английского языка;
- определение переводческой стратегии авторов отдельных исторических переводов;
- исследование культурно-исторического контекста создания конкретных переводов и выделение экстралингвистических фактов и явлений, важных с позиций прагматики;
- установление роли различных прагматических аспектов перевода в диахронии.

Научная новизна диссертации состоит в том, что:

- диахроническое исследование ранних переводов проводится в комплексном рассмотрении коммуникативной ситуации их создания;
- на основании изучения прагматических аспектов предлагается собственное заключение о результате конкретных исторических переводов;
- выделяется ведущая роль прагматики перевода в диахроническом измерении.

Материалом для данного исследования послужили ранние английские переводы одного латинского оригинала. Путем использования минимального количества исходных текстов была предпринята попытка

некоторого ограничения в рассмотрении лингвосемиотических, текстологических и лингвокультурологических сторон текстов для выделения прагматических аспектов переводов, так как весь спектр влияния переводов античных авторов на развитие английского национального языка и культуры невозможно охватить в одном исследовании.

В диссертации проводится анализ древне-, средне- и ранненовоанглийских переводов латинского художественного сочинения. Объем исследуемого материала составляет примерно 30 авторских листов. За основу был взят перевод античного нерелигиозного прозаического текста. Поэтические, религиозные и научные латинские оригиналы и их переводы, а также средневековая латинская литература остаются за рамками данной работы, как представляющие отдельные сферы переводческой деятельности.

На различных стадиях работы в соответствии с поставленными задачами применялись следующие методы:

- сопоставительный анализ текстов оригинала и переводов;
- описательно-аналитический метод необходимый для обзора критики переводов, а также культурно-исторических фактов, повлиявших на процесс и результат перевода;
- сравнительно-исторический метод;
- элементы контрастивного анализа латинских и английских лексических единиц и грамматических конструкций;
- элементы контекстологического анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в предпринятой автором попытке распространения современного лингвопрагматического подхода к изучению межъязыковой коммуникации на исследование исторических переводов, что развивает диахроническое направление в переводоведении и представляет собой некоторый вклад как в сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание, так и в теорию перевода.

Практическая ценность настоящей работы определяется тем, что ее выводы могут найти применение в теоретических курсах по языкознанию и истории перевода, а также на занятиях по истории английского языка и культуры.

В соответствии с поставленной целью и способами ее достижения выбрана структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка цитируемых источников и принятых сокращений и приложения.

Во введении приводится обоснование выбора темы настоящего исследования, ее актуальность и научная новизна, рассматриваются материал и методы, использованные в работе, отмечаются ее теоретическая и практическая значимость.

В главе 1 рассматриваются принципы, категории и объекты изучения лингвистической прагматики, их междисциплинарный статус и роль в процессе коммуникации. Отдельно разбираются концепции переводоведения о влиянии прагматических факторов на процесс и результат перевода, а также на критерии оценки его качества.

Глава 2 посвящена описанию и анализу лингвокультурологических особенностей английских переводов античных авторов на разных исторических этапах развития национального языка и культуры. С учетом выявленной специфики проводится лингвопрагматический анализ латинского оригинала Боэция “Об утешении философией” применительно к потенциальной возможности его перевода на английский язык.

Основной задачей главы 3 является изучение разных переводов данного латинского сочинения на древне-, средне- и ранненовоанглийский, выявление переводческой стратегии каждого конкретного перевода и определение на основе выявленной стратегии и культурно-исторического контекста эпохи наличия экстрапереводческой сверхзадачи. Исследование ранних английских переводов с учетом прагматических целей их создания

завершается диахроническим обобщением о приоритете прагматических аспектов перевода не только на синхронной, но и на диахронной оси.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования.

Библиография содержит перечень использованной литературы, включающий 107 наименований.

В списке цитируемой литературы и принятых сокращений приводится указание изданий текстов оригиналов и переводов, отдельных художественных произведений, а также словарей и энциклопедических изданий как источников цитат для материала исследования.

В приложении в виде таблицы представлены для иллюстрации краткие отрывки латинского оригинала и соответствующих частей текстов всех исследуемых переводов с подстрочником на русском языке.

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА В ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

1.1. Междисциплинарный характер исследований в сфере лингвистической прагматики

Изучение прагматики выделилось в отдельную область сравнительно недавно, однако это не означает, что вопросы, решаемые в процессе прагматического исследования, оставались вне поля зрения ученых предшествующих поколений. Еще в эпоху греко-римской античности риторика, составлявшая неотъемлемую часть образования тогда, ставила перед собой задачу достижения целенаправленного и эффективного воздействия речи на слушателей. Ярким примером того стали блестящие выступления Марка Туллия Цицерона (106 – 43), а также его теоретические рассуждения на эту тему, изложенные в трактатах по истории и теории ораторского искусства - “Об ораторе” (55), “Оратор” (46), “Брут” (46). Средневековые теории языка также прямо или косвенно касались вопросов риторики, которая в некотором роде являлась прототипом прагматики до XX века. Знаковая теория Ф. де Соссюра (1857 – 1913) определила семиотический подход к языку, что повлекло за собой разработку вопросов семантики. Однако вскоре возникла необходимость ограничить и упорядочить описания значений слов и высказываний, что стало возможно при введении понятия контекста. Таким образом, бурное изучение семантики помогло выделить прагматику в отдельное направление исследования. В 30-х годах XX века Ч. У. Моррис ввел сам термин (от греческого *pragmatas* – дело, действие), сделав его частью своей семиотической теории, где прагматика была отделена от семантики и синтактики, как изучающая отношение знаков к их интерпретаторам. “Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть и всех) знаков

являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков” [Моррис, 1983. с. 63]. Как отдельная область лингвистических исследований прагматика окончательно сформировалась в 60-х - начале 70-х годов XX века под воздействием теории речевых актов Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серла, З. Вендлера, и других, а также работ Г. П. Грайса, Л. Линского, П. Ф. Стросона (см. библиографию).

Круг вопросов, которые охватывает прагматика, достаточно широк: от анализа употребления отдельных слов или даже морфем, например, интерпретация дейктических слов (“тогда”, “там” и т. д.) и индексальных компонентов (значение приставок в глаголах “приезжать”, “подъезжать”), до изучения дискурса, который предполагает “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания” [Арутюнова, 1990. с. 136]. Этот широкий спектр вопросов объединяется наличием общих категорий и объектов прагматического анализа, где центральным понятием является речевой акт или акт коммуникации, который подразумевает присутствие следующих компонентов:

1. субъект речи или отправитель;
2. адресат речи или получатель;
3. высказывание или текст, как продукт речевого акта;
4. цель коммуникации, которая достигается при соответствии коммуникативного эффекта высказывания коммуникативной интенции отправителя;

5. контекст или коммуникативная ситуация, включающая в себя фоновые знания коммуникантов, отношения между ними, время, место, условия общения.

Основной задачей прагматики является изучение взаимодействия всех вышеперечисленных элементов коммуникации в процессе речевого акта. Такая цель прагматического анализа открыла совершенно иной угол рассмотрения проблем, изучавшихся различными разделами языкознания, и выявила сферы соприкосновения лингвистики с другими гуманитарными дисциплинами, развивая тем самым синтетический подход к языку. “Выдвинув в качестве объединяющего принцип употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях и прагматической компетенции говорящих, прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории и типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики, психолингвистики, теории дискурса и других, с которыми прагматика имеет обширные области пересечения исследовательских интересов” [Арутюнова, 1990. с. 390].

Перечислив основные объекты прагматического исследования и обозначив прагматику как междисциплинарную сферу исследований, объединяющую языкознание и другие гуманитарные науки, необходимо подробнее остановиться на том, какие конкретно аспекты изучает прагматика в данных компонентах речевого акта.

Субъектом речи может быть автор как устного, так и письменного текста. Для прагматического анализа важно то, что каждого отправителя характеризует наличие определенной коммуникативной интенции для достижения конкретной цели, в соответствии с чем субъект речи мобилизует свои лингвистические и экстралингвистические ресурсы, которые активно взаимодействуют на уровне дискурса. “В разных дискурсах язык используется для выражения особой ментальности и

создания особой языковой картины мира. (...) Из существующих моделей в дискурсе выбираются наиболее прагматически подходящие, соответствующие общему замыслу речи, а при необходимости создаются и новые” [Кубрякова, 2003. с. 7]. Отбор автором необходимых ему средств языка в определенной ситуации общения дает адресату возможность понять коммуникативную интенцию отправителя и адекватно отреагировать на нее. Цель коммуникации будет достигнута, когда коммуникативный эффект воздействия на адресата соответствует коммуникативной интенции субъекта речи. При этом следует отметить, что коммуникативная интенция формируется до момента создания текста, и в ее формировании важную роль играет установка на конкретного или потенциального получателя. Однако, как подчеркивает Дж. К. Адамс, анализируя прагматическую структуру художественного текста, получателем может стать иной адресат, чем тот, кого имел в виду субъект речи. В качестве примера он приводит опубликованную для широкого круга читателей переписку Набокова с Уилсоном, где, согласно схеме Дж. К. Адамса, прагматическая структура данных писем может быть представлена следующим образом [Adams, 1985]:

Набоков. (письмо). Уилсон. читатель

а. (текст). пп. ч.

а – автор; пп – предполагаемый получатель; ч – читатель.

В подобном случае Дж. К. Адамс указывает на разницу в восприятии и интерпретации текста Уилсоном и широким кругом читателей. Первоначально читатель здесь не являлся частью коммуникативной ситуации, поэтому, будучи включенным в нее, он рассматривает переписку Набокова и Уилсона как бы со стороны, и, следовательно, чтобы адекватно воспринимать текст, читатель должен интерпретировать не только письмо Набокова, но и предполагаемое восприятие его Уилсоном, исходя из более широкого контекста своих знаний. Сам Уилсон, напротив, являлся участником коммуникативной ситуации с самого начала, и, поэтому его

интерпретация текста была нацелена на раскрытие коммуникативной интенции Набокова, которая сформировалась с установкой лишь на Уилсона как предполагаемого получателя. Необходимо также отметить, что в подобной схеме читатель может воспринимать текст как художественное произведение, в то время как для получателя он таковым не является. Подобная смена функции текста обусловлена изменением прагматической ситуации, так как при неизменности самого продукта или речевого акта она совершается в сознании и восприятии разных адресатов. Как следствие, разные функции текста активизируют разные аспекты его языка: рассматривая данное письмо как художественное произведение, читатель будет ориентироваться в первую очередь на его форму, как выполняющую эстетическую функцию в литературе. Таким образом, прагматическая функция текста является одним из определяющих факторов, который доминирует над различными аспектами. Неслучайно Е.С. Кубрякова исходит из функционального подхода в выделении типов дискурса: “Типы дискурсивной деятельности мы и считаем целесообразнее всего изучать с функциональной точки зрения, а такому всестороннему видению дискурса способствует когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания, ориентирующаяся на познание и описание языка в двух его центральных функциях – когнитивной и коммуникативной, дискурсивной, но при обязательном учете их взаимосвязи и взаимодействия” [2003. с. 8]. Так как материалом для нашего исследования было выбрано литературное произведение и его переводы, нам представляется целесообразным подробнее остановиться на рассмотрении художественного дискурса.

Составляя прагматическое описание художественного текста, Дж. К. Адамс использует вышеупомянутое различие между читателем и предполагаемым получателем для введения и обоснования понятия “внедренный контекст” (embedded context). По его мнению, художественный текст, обладая всеми свойствами дискурса, отличается от нехудожественного намеренным действием автора по внедрению

художественного контекста с фиктивным рассказчиком и слушателем в коммуникативную ситуацию между собой и читателем. Таким образом, при создании художественного произведения автор вкладывает свои слова в уста рассказчика, которого он сам и создает. Поскольку данный рассказчик является частью вымышленной коммуникативной ситуации, у него обязательно есть вымышленный слушатель, так как мир художественного произведения не может вступать в контакт напрямую с реальным миром. Итак, в художественном произведении, как указывает Дж. К. Адамс, существует две ситуации общения: одна – реальная, между автором и читателем; другая – вымышленная, между фиктивным рассказчиком и слушателем, при этом последняя находится внутри первой и образует внедренный контекст. Схематически прагматическая структура художественного текста представлена так: $a \{ p \text{ (текст) } c \} ч$, где a – автор; p – рассказчик; c – слушатель; $ч$ – читатель [Adams, 1985]. Данная структура сознательно задается автором, так как она является неотъемлемой частью художественного произведения и определяет его. Необходимость внедренной коммуникативной ситуации подтверждается еще и тем, что мир вымысла и реальный мир не могут пересекаться, а, следовательно, даже конкретные топографические названия приобретают вымышленный характер, если туда попадают вымышленные персонажи. Дж. К. Адамс в данном случае приводит пример с двумя разными Бейкер стрит: первая – реальная, по которой ходят современные британцы и ходили их предки в XIX веке; вторая – созданная Конан Дойлом, по которой ходил Шерлок Холмс. Существовая в отдельных как бы мирах, две коммуникативные ситуации связаны единой прагматической структурой, которая определяет отношения между всеми участниками коммуникации, а именно между автором и фиктивным рассказчиком и слушателем с одной стороны, а также читателем и вымышленными персонажами с другой. При этом рассказчик и слушатель могут либо явно присутствовать в тексте, либо находиться как бы за кадром, однако наличие их, по мнению Дж. К. Адамса, обязательно,

так как подобная прагматическая структура объединяет различные по жанру произведения, как использующие язык для создания художественных образов. “Хотя возможности в художественном произведении кажутся безграничными – говорящие животные, ментальная телепатия, сверхъестественные существа – изображение подобного мира ограничено рамками прагматической структуры. А так как художественное произведение есть лингвистическое изображение мира художественных образов (но не сам этот мир), то должен быть использован некий язык, естественный или искусственный, который сможет понять хотя бы один человек. В практических целях художественное произведение обычно создается на естественном языке и имеет много потенциальных читателей, но так как произведению необходим по крайней мере один реальный читатель в реальном мире, автор вынужден придерживаться определенных правил употребления языка” [Adams, 1985. с. 23 – перевод наш К.Т.]. Такие правила исходят из области не только логики, грамматики и семантики, но и прагматики, так как, имея конкретную коммуникативную интенцию, автор ставит своей главной целью достижение определенного эффекта воздействия на читателя в данном случае посредством художественных образов. При этом подобный прагматический механизм взаимодействия автора и читателя будет также распространяться на акты коммуникации между фиктивными рассказчиком и слушателем, то есть несмотря на то, что внедренный контекст является вымышленным, он должен быть основан и развиваться согласно реальным законам прагматики, единым для всех участников коммуникации, иначе адекватная интерпретация произведения читателем будет невозможна. Изучение процесса восприятия текста адресатом также попадает в сферу прагматического исследования, однако чтобы объяснить некоторые аспекты интерпретации, необходимо обратиться к понятию “прагматическое значение” и к тем компонентам речевого акта, которые с ним связаны.

Изучая язык в его употреблении в конкретных коммуникативных ситуациях, прагматика провела грань между понятиями “предложение” и “высказывание”. Первое относится к области грамматики и семантики и в своей структурно-семантической схеме отражает общее содержание понятий и концепций, т.е. уровень сигнификата. В то время как “семантический анализ высказывания предполагает обращение к контексту, ситуации, фоновым знаниям говорящих. В высказывании языковая семантика сливается с прагматикой” [Гак, 1990. с. 90 – подчеркнуто нами К.Т.]. Таким образом, отличительной особенностью высказывания является его ориентация на участников коммуникации и ситуацию общения, что в свою очередь “актуализирует значение языковых единиц” и создает конкретно-контекстуальный смысл [Комиссаров, 2002. с. 58]. Так, предложение “дверь заперта” будет иметь общее значение для всех носителей русского языка, однако конкретно-контекстуальный смысл аналогичного высказывания будет различен, если его произносит стюардесса, обращаясь к капитану авиалайнера, или люди в горящем здании и т.д. Именно такое прагматическое значение Г. П. Грайс назвал значением говорящего. На уровне дискурса отношения когерентности между высказываниями попадают в область прагматического исследования, так как данные отношения формируются на основе фоновых знаний коммуникантов. При этом следует отграничить когерентность текста от когезии, которая является маркированным выражением связности текста (причинное значение союза “так как” и т.д.). Когерентность, напротив, немаркирована и определяется общим контекстом. К примеру, вопрос “Вам налить?” и ответ “Спасибо. Я за рулем” будут когерентны лишь при наличии фоновых знаний о правилах поведения водителя. В подобных случаях, когда говорящие имеют в виду больше, чем произносят, в задачу прагматического анализа входит не только выявить подтекст высказываний, но и объяснить адекватную интерпретацию текста адресатом. Впервые в истории прагматики подобную задачу попытался решить Г. П. Грайс,

сформулировав известный принцип кооперации (Cooperative Principle), по которому отправитель продуцирует свое высказывание, а получатель интерпретирует его из стремления понять друг друга т.е. сделать данный акт коммуникации успешным. В свою очередь подобное стремление к взаимной кооперации помогает говорящим активизировать фоновые ресурсы и знания языка для достижения совместной цели. Согласно Г. П. Грайсу, принцип кооперации включает в себя следующие максимы:

I. Максима количества информации:

1. Сделай свое высказывание настолько информативным насколько требуется;
2. Не делай свое высказывание более информативным чем требуется.

II. Максима качества (правдивости) высказывания:

1. Не говори того, что ты считаешь ложным;
2. Не говори того, что ты не можешь доказать.

III. Максима релевантности: Не отходи от темы.

IV. Максима манеры речи:

1. Избегай неясности выражения;
2. Избегай двусмысленности;
3. Будь логичен;
4. Излагай по порядку. [Leech, 1983. – перевод наш К.Т.]

Таким образом, при интерпретации высказывания адресат исходит из предположения, что субъект речи учитывал данный принцип кооперации с его максимами при продуцировании текста. Основываясь на законах логического мышления, принцип кооперации является негласным соглашением между коммуникантами. Однако прагматика не может быть сведена к логике, так как имеет дело не только с общими объективными положениями, но скорее с конкретными субъективными коммуникативными ситуациями. К примеру, исходя из художественно-эстетических установок и определенной традиции литература модернизма намеренно пренебрегает этими максимами.

Возвращаясь к вышеизложенной прагматической структуре художественного произведения, следует подчеркнуть, что несмотря на отдельные исключения данный принцип кооперации является важным элементом при интерпретации текста читателем, так как последний закономерно предполагает, что не только автор учитывал его при написании произведения, но и вымышленные рассказчик и слушатель строят свои речевые акты также согласно этому принципу.

Однако вряд ли одного принципа кооперации достаточно для описания комплексного механизма порождения и восприятия высказывания в определенной коммуникативной ситуации. Поэтому позднее другой выдающийся исследователь в области прагматики Дж. Н. Лич попытался дополнить теорию Г. П. Грайса, введя принципы вежливости, иронии, а также определив способы взаимодействия данных принципов. Такое дополнение стало немаловажным, так как Дж. Н. Личу удалось доказать, что принципы прагматики носят иной характер, чем правила языка или законы логики, а именно:

- а) Принципы / максимы применяются по-разному в разных коммуникативных ситуациях;
- в) Принципы / максимы применяются в разной степени, а не просто присутствуют или отсутствуют в речи;
- с) Принципы / максимы могут противоречить друг другу;
- д) Принципы / максимы могут пересекаться, не отрицая того рода деятельности, который они контролируют. [Leech, 1983. с. 8 – перевод наш К.Т.].

Из этого следует, что законы и положения прагматики имеют скорее дескриптивный, чем прескриптивный характер, в отличие от правил грамматики, фонетики и т.д., а также что они в значительной степени зависят от целей и задач конкретного речевого акта в конкретной ситуации общения.

Еще одно важное явление, которое по-разному рассматривается семантикой и прагматикой, относится к понятию пресуппозиций. Возникнув в философской логике, термин “пресуппозиция” стал использоваться лингвистической семантикой для обозначения семантического компонента предложения, “который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте” [Падучева, 1990. с. 396]. С точки зрения семантики, суждение Р будет пресуппозицией предложения S, если при ложности Р предложение S становится ни истинным, ни ложным, т.е. теряет свой смысл. Так, “предложение “Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США” семантически аномально, поскольку в его смысл входит в качестве пресуппозиции ложное суждение “Нью-Йорк – столица США”. (...) Предложение “Филипп знает, что столица США – Вашингтон” является истинным или ложным в зависимости от географических познаний Филиппа, а предложение с ложной пресуппозицией не может быть ни истинным, ни ложным, поскольку оно бессмысленно” [Падучева, 1990. с. 396]. В разряде семантических пресуппозиций / презумпций¹ выделяют категориальные, экзистенциальные, фактивные пресуппозиции, однако все они призваны обусловить осмысленность и истинность значения. Таким образом, являясь компонентом смысла, семантические пресуппозиции необходимы для адекватного восприятия текста адресатом. А включение в диапазон изучения коммуниканта и его интерпретацию высказывания раздвигает границы логики и семантики, открывая область прагматики. Поэтому термин “пресуппозиция” используется также и в прагматическом анализе. Итак, Р будет прагматической пресуппозицией высказывания S, если в связи с нейтральным употреблением S (не ироничном, не демагогическом и т.д.) Р должно быть обязательно известно как субъекту речи, так и адресату. Это означает, что прагматические пресуппозиции

¹ Согласно Е.В. Падучевой термины “пресуппозиция” и “презумпция” являются взаимозаменяемыми [Арутюнова, Падучева, 1985; Падучева, 1990].

составляют фоновые знания участников коммуникации и являются неотъемлемым элементом интерпретации текста. В широком смысле такие фоновые знания коммуникантов включают сведения о культурно-историческом контексте конкретной эпохи, определенные факты бытия социума, события, связанные с созданием того или иного текста и, возможно, биографию создателя и т.д. В совокупности со знанием языка такие фоновые знания создают предпосылки для “предпонимания” текста (Г. Г. Гадамер) или “предзнания” (Е. С. Кубрякова), которые в свою очередь являются условием формирования нового знания. “Иными словами, понимание любого текста, а специального – в особенности, невозможно без наличия какого-либо “исходного”, “первичного” знания, на основании которого и осуществляется указанный процесс” [Дроздова, 2003. с. 61]. Таким образом, прагматические пресуппозиции, образуя фоновые знания субъекта и адресата речи, являются важным компонентом успешной коммуникации, что связывает область лингвистической прагматики с областью герменевтики в сфере изучения интерпретации текста. Это, безусловно, расширяет область исследования и делает подход к вопросам о презумпциях в речи более комплексным.

Итак, затрагивая области семантики, грамматики, логики, стилистики и других дисциплин, прагматика выделилась в самостоятельную отрасль благодаря тому, что определила принципиально иной подход к категориям и объектам лингвистического анализа, а именно поставила в центр своего внимания реальный акт коммуникации в его совокупности. Такая позиция прагматики тесно связывает ее как с языкознанием, так и с другими гуманитарными науками, что открывает широкую перспективу для комплексного изучения всех аспектов развития языка и общества. “Область лингвистической прагматики не имеет четких контуров. Основную заслугу прагматики можно видеть в том, что она ввела в научный обиход большое количество фактов, дотоле либо отвергнутых, либо вовсе не замеченных лингвистикой. Более того, она придала этим фактам теоретический статус,

продемонстрировав их объяснительную силу по отношению к тем явлениям, которые входят в компетенцию лингвистики. Без прагматической теории (или теорий) факты обыденного общения оставались бы разрозненными явлениями повседневной жизни” [Арутюнова, Падучева, 1985. с. 41]. Пролитывая новый свет на изучение коммуникации в целом, прагматика стала неотъемлемой частью в анализе перевода и переводческой деятельности, как более разветвленного и многоступенчатого процесса межкультурной коммуникации.

1.2. Прагматика перевода

Выделение лингвистической прагматики в отдельную междисциплинарную область исследований, произошедшее во второй половине XX века, не случайно совпало хронологически с выдвижением переводоведения из “периферийной отрасли литературно-лингвистических исследований, за которой далеко не всеми признавалось даже право на самостоятельное существование, до широко разветвленного междисциплинарного научного направления” [Цвиллинг, 1999. с. 32]. Формирование этих новых дисциплин было обусловлено общей тенденцией в языкознании, обозначившей отход от рассмотрения языка “в себе и для себя” (Соссюр) и изучение его как деятельности людей с включением в объект исследования различных лингвистических и экстралингвистических аспектов вербальной коммуникации. Благодаря такому подходу и перевод стал рассматриваться лингвистами не только как текст, но как неотъемлемый результат сложного многоступенчатого процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации. Подобный ракурс изучения перевода обозначил важность исследования психологических, социокультурных, лингвопрагматических сторон переводческой деятельности, наряду с изучением собственно языковых аспектов процесса и результата перевода. Именно такой интегрированный подход к

рассмотрению практических и теоретических вопросов переводоведения, где лингвистические и прагматические ракурсы являются тесно взаимосвязанными и неотделимыми друг от друга, способствовал стремительному развитию теории перевода. В будущем подобный “живой синтез взаимопроникающих и взаимооплодотворяющихся подходов”, по мнению М.Я. Цвиллинга, “позволит стимулировать синтезирование всего релевантного для переводоведения знания, рассредоточенного по разным направлениям и дисциплинам, способствовать его углубленному творческому освоению, без чего невозможно формирование новых поколений переводоведов, перед которыми в современном мире открываются увлекательнейшие перспективы, связанные с решением такой глобальной задачи как оптимизация человеческого общения” [1999. с. 36-37].

Эволюция определения самого понятия “перевод” отражает как различные тенденции в развитии переводоведения, так и важность лингвопрагматического подхода в формировании основ теории перевода. Так, предложенная Л.А. Бархударовым чисто лингвистическая дефиниция перевода как замены плана выражения при сохранении плана содержания является скорее оценочным описанием хорошего перевода, чем определением понятия “перевод”. Хотя такой лингвистический подход к переводу подчеркивает важную роль языковых факторов, он не может быть всеобъемлющим, так как делает центральным объектом своего внимания только тексты оригинала и перевода, оставляя за рамками исследования такие важные факторы, как коммуникативная интенция автора и переводчика, ее реализация в речи, широкий прагматический контекст ситуации общения и т.д. Таким образом, узко-лингвистическая дефиниция перевода не может отражать все стороны этого явления, так как сущность перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации всегда включает прагматический аспект. С другой стороны, возникло и чисто прагматическое описание перевода, как расширяющего прагматику

оригинала, где, согласно А. Нойберту: “С прагматической точки зрения процесс перевода означает расширение аудитории или, еще точнее, установление потенциальных отношений между говорящими на исходном языке и языке перевода, а не между исходным языком (или текстом) и языком (или текстом) перевода” [указ. соч. с. 192]. Однако, хотя безусловная значимость подобного определения заключается в выделении прагматики исходного и конечного текстов и рассмотрении перевода через призму такого прагматического фактора, как аудитории ИЯ и ПЯ, дефиниция А. Нойберта является недостаточно четкой, так как в указании на “установление потенциальных отношений между говорящими” на разных языках не учитываются роль и действия переводчика, а также собственно лингвистическая сторона происходящей коммуникации. Основываясь на том, что “отличительным признаком перевода является его предназначение, его особая цель служить полноправной коммуникативной заменой оригинала”, В. Н. Комиссаров обозначил телеологический подход к определению перевода, когда “перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему” [2002. с. 52-53]. Здесь сразу необходимо отметить, что термин “текст” понимается чисто в прагматическом ключе как продукт речевого акта, который, как известно, является центральным объектом исследования в прагматике. Также рассмотрение перевода как процесса и результата создания текста включает в себя анализ не только готового текста, но и самой переводческой деятельности, а любая языковая деятельность прагматична по своей природе, так как всегда имеет исполнителей или коммуникантов, реализующих определенную цель в конкретной речевой ситуации. Включение в определение перевода понятия “предназначение” указывает на функциональный подход к главному объекту исследования в переводоведении и соответствует общей тенденции функционализма как

одному из основных направлений развития современной науки вообще [Кубрякова, 1994; 2003].

Являясь частью межъязыковой коммуникации, переводческая деятельность охватывает самые разные виды языкового посредничества, такие как аннотация, пересказ, реферат и т.д. Однако именно указанное В. Н. Комиссаровым функционирование в качестве полноправной замены оригинала выделяет собственно перевод среди различных типов адаптивного транскодирования. Традиционно межъязыковая коммуникация в виде собственно перевода включает в себя два речевых акта, где второй представляет собой как бы проекцию первого в культуре другого языка. При более детальном описании это означает, что один речевой акт совершается автором с учетом предполагаемого получателя оригинала на исходном языке (далее ИЯ), а другой – переводчиком, воспроизводящим оригинал на языке перевода (далее ПЯ), с учетом получателя перевода. Схематически А.Д. Швейцер представляет это так [1985. с. 146]:

О – отправитель текста на ИЯ; **Т** – текст на ИЯ; **П** – получатель текста на ИЯ; **П¹** – переводчик-получатель; **О¹** – переводчик-отправитель текста на ПЯ; **Т¹** – текст на ПЯ; **П²** – получатель текста на ПЯ.

Приведенная выше схема отражает сущность переводческой деятельности, так как, с одной стороны, демонстрирует двухуровневый характер перевода, что отличает его от других речевых актов; с другой стороны, схема является прагматической, так как она учитывает коммуникантов с их фоновыми знаниями, широким контекстом речевой ситуации, а также прагматическую мотивацию отправителей при создании текста и их установку на получателей. Данные элементы не представлены в схеме явно, но, безусловно, присутствуют при анализе прагматических отношений, возникающих во всех звеньях этой цепи.

Однако не все отношения в этой схеме между знаками и их интерпретаторами относятся к области перевода. Так, первая часть цепи

$$\begin{array}{ccccc} & & \blacktriangleright & & \Pi \\ \text{О} & \rightarrow & \text{Т} & \blacktriangleleft & \Pi^1 \end{array}$$

может быть схематичным изображением любого речевого акта, где отношения между составляющими исследуются как часть лингвистической прагматики, независимо от теории перевода. Механизм прагматического взаимодействия компонентов речевого акта на данном отрезке был детально рассмотрен в предыдущем разделе. То же самое можно было бы сказать про вторую часть цепи $\text{О}^1 \rightarrow \text{Т}^1 \rightarrow \Pi^2$, где текст перевода построен согласно нормам ПЯ и является вполне естественным, законченным отрезком речи, который мог бы независимо возникнуть на ПЯ, и тем самым обрести все те же прагматические отношения, характеризующие первую часть цепи или любой акт коммуникации. “Тот факт, что текст ПЯ нельзя определить как перевод, то есть нельзя судить о его происхождении, лишь скрывает самое важное в данной связи: перевод обладает как бы автономной грамматикой и семантикой, но свою прагматику он заимствовал из прагматики текста ИЯ” [Нойберт, 1978. с. 192 – подчеркнуто нами К.Т.]. Иначе говоря, с точки зрения прагматики перевода самым важным является тот факт, что прагматические отношения в цепи первичной коммуникации на ИЯ при посредничестве переводчика как бы проецируются на цепь вторичной коммуникации на ПЯ. Безусловно, термин “проекция” является условным. Подробно анализируя прагматику перевода, А.Д. Швейцер указывает, что прагматические отношения, возникающие в коммуникативной ситуации на ИЯ, воспроизводятся в речевом акте на ПЯ, но уже в модифицированном виде, так как не бывает двух абсолютно идентичных актов коммуникации. К примеру, коммуникативная интенция отправителя при создании текста на ИЯ, характеризующая прагматические отношения звена $\text{О} \rightarrow \text{Т}$, и возникшая с учетом получателя (Π) на ИЯ, модифицируется в звене $\text{О}^1 \rightarrow \text{Т}^1$, поскольку переводчик-отправитель текста на ПЯ мог воспринять

интенцию автора только как получатель готового текста на ИЯ, через его коммуникативный эффект. И далее, учитывая авторскую интенцию и предполагаемый коммуникативный эффект текста, переводчик-отправитель создает текст на ПЯ с установкой на получателя перевода (P^2), что в совокупности и составляет коммуникативную интенцию переводчика. Подобные модификации прагматических отношений происходят не только из различия культур ИЯ и ПЯ, но и из разницы в восприятии текста оригинала получателя на ИЯ и переводчиком-получателем, который сразу оценивает его применительно к культуре ПЯ, стремится выявить коммуникативную интенцию автора на основе функциональных доминант текста для последующей прагматической адаптации его при переводе. Таким образом, “процесс перевода обнаруживает двойную прагматическую ориентированность. С одной стороны, он осуществляется в рамках межъязыковой коммуникации и поэтому ориентирован на оригинал. В этом плане его прагматическая задача заключается в том, чтобы обеспечить максимальную близость между оригиналом и переводом. С другой стороны, он представляет собой конкретный акт речи на ПЯ, который прагматически ориентирован на конкретного Рецептора и определенные условия и обстановку” [Комиссаров, 1980. с. 107].

Подобная зависимость прагматики перевода от прагматики оригинала требует ответа на вопрос об их сопоставимости вообще или о ее нижней границе. Иными словами это означает решение проблемы переводимости с позиций прагматики, так как грамматическое и семантическое соответствие двух текстов на двух языках еще не является достаточным основанием для утверждения о переводимости исходного текста. Если процесс перевода предполагает наличие определенных коммуникативных интенций и достижение конкретной цели в отношении получателей перевода, то вопрос о переводимости должен обязательно иметь прагматическое измерение, показывая насколько осуществление подобных намерений и целей возможно или невозможно. Так, А. Нойберт справедливо относит вопрос

переводимости к прагматике перевода и отмечает, что “проблемы переводимости возникают не из-за степени отступления от прагматических отношений, а из-за отсутствия общих точек соприкосновения, то есть фактора внелингвистического *per definitionem*” [указ. соч. с. 197]. Исходя из этого он выделяет 4 типа текстов, которые, обладая, по его мнению, различной степенью переводимости, соответствуют 4-м типам перевода. Первый тип объединяет тексты, цели которых апеллируют к одним и тем же потребностям и интересам получателей ИЯ и ПЯ. Это рекламные объявления, научно-техническая литература и т.д. Второй тип включает тексты, затрагивающие интересы только получателей ИЯ, и, следовательно, учитывающие фоновые знания культуры ИЯ. Это местная пресса, законы, общественно-политическая, экономическая литература и т.д. Третий тип охватывает художественную литературу, которая, с одной стороны, отражает национальную специфику, но, с другой стороны, опирается на общечеловеческие интересы и ценности. И, наконец, четвертый тип составляют тексты, специально созданные для перевода с учетом получателей ПЯ. Это литература для зарубежных стран. Как видно из приведенной выше классификации, выделение типов основано на степени заинтересованности в восприятии текста у получателей из разных культур. Опираясь на данный прагматический критерий, А. Нойберт определяет степень переводимости как принципиальную возможность осуществления перевода и утверждает, что из 4-х типов наибольшей переводимостью отличаются первый тип текстов, а затем четвертый. Автор считает переводимость третьего типа текстов возможной, хотя и ставит под сомнение передачу формы текста, которая играет важную роль особенно в лирике. И, наконец, второй тип текстов, по мнению А. Нойберта, нельзя перевести, если не перестроить подобный текст под типы первый или четвертый. Основанием для такого утверждения автор считает отсутствие общих точек соприкосновения в интересах получателей ИЯ и ПЯ. Подобная классификация представляет интерес как пример переводческой типологии

текстов, опирающейся на прагматическую ориентацию разных текстов. Однако спорной представляется сама попытка разрешения проблемы переводимости на основе общности интересов или точек соприкосновения аудиторий ИЯ и ПЯ. Достижение одинаковой заинтересованности читателей оригинала и перевода “не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и перевода и ряда других причин” [Комиссаров, 2002. с. 136]. Здесь следует вспомнить, что прагматическая мотивация адресата в получении информации может присутствовать в любом акте коммуникации как одноязычной, так и межъязыковой, при этом ее наличие и степень мотивированности будут зависеть от ряда экстралингвистических факторов. Так, к примеру, научно-технический текст, входящий, согласно А. Нойберту, в первый тип текстов и обладающий наибольшей степенью переводимости, может быть одинаково неинтересен и непонятен как аудитории ИЯ, так и аудитории ПЯ, не имеющей соответствующих знаний, квалификации в данной области. Чтобы адекватно воспринять содержание научного текста “предпосылочная база знаний реципиента / адресата текста” должна включать: 1) знание самого языка (языковая компетенция; общенаучная, частноотраслевая терминология); 2) представления о научном стиле (логика изложения и аргументации, типы связей и отношений между основными понятиями); 3) экстралингвистические знания (знания о самой предметной области и общефоновые знания) [Дроздова, 2003. с. 62-66]. Таким образом, в случае одноязычной коммуникации аудитория рецепторов научного текста будет состоять из реципиентов, обладающих указанной “предпосылочной базой знаний” и не обладающих таковой, и, соответственно, у первых данная коммуникация состоится, а у вторых – нет (без предварительной адаптации текста, переработки его в научно-популярный текст и т.д.). То же можно сказать и об аудитории ПЯ, с единственной разницей, что “предпосылочная

база знаний” реципиентов на ПЯ не включает языковую компетенцию ИЯ, но на восполнение этого пробела и направлена деятельность переводчика как языкового посредника. В итоге перевод научно-технического текста будет адекватно воспринят получателями на ПЯ, обладающими “предпосылочной базой знаний”, и едва ли будет понятен рецепторам, не обладающим таковой. Из этого следует, что переводимость текста должна рассматриваться как потенциальная возможность осуществления коммуникации, т.е. любой одноязычный коммуникативный акт может быть воспроизведен (с лингвистическими и экстралингвистическими видоизменениями) в цепи вторичной коммуникации, а необходимость такого прагматического фактора, как учет фоновых знаний получателей будет присутствовать в коммуникации как на ИЯ, так и на ПЯ. Применительно к классификации А. Нойберта это означает, что выделенные им типы текстов будут различаться не по степени переводимости, но по характеру прагматической адаптации к культуре ПЯ. Так, получатель перевода текста второго типа, который, по мнению А. Нойберта, в прагматическом отношении непереволим, сможет адекватно воспринять содержание законодательного акта или статьи местной прессы, созданных изначально только для аудитории ИЯ, при условии наличия необходимой прагматической адаптации текста перевода к фоновым знаниям получателя в культуре ПЯ. При этом мотивация в получении информации у адресатов ИЯ и ПЯ действительно будет различной: первые будут рассматривать текст предположительно с практической стороны, а вторые – с познавательной. Однако из этого отнюдь не следует, что адекватный перевод не может быть выполнен, поскольку прагматический потенциал оригинала вполне может быть воспроизведен в модифицированном виде в цепи вторичной коммуникации. Таким образом, с точки зрения прагматики любой текст является переводимым, хотя в каждом переводе неизбежны изменения, вызванные его прагматической адаптацией.

Затронув вопрос о прагматическом потенциале текста, следует остановиться подробнее на проблеме воспроизведения его при переводе. Любое высказывание, порождаемое в процессе коммуникации, обладает “способностью оказывать на читателя или слушателя определенное прагматическое воздействие (иначе: коммуникативный эффект)”, характер которого определяется следующими факторами: 1) содержание высказывания; 2) его языковая форма; 3) воспринимающий рецептор с его представлениями и отношением к внешнему миру [Комиссаров, 2002. с. 153]. При этом такое прагматическое воздействие или коммуникативный эффект не означает реакцию рецептора или в случае переводческого акта достижение одинаковой реакции на перевод и на оригинал у обеих групп получателей. Сам термин “реакция”, имея тесную связь с бихевиористской теорией, может ввести в заблуждение в рамках прагматики, которая никогда не опиралась на данную теорию, так как акт коммуникации не требует незамедлительных действий или реакции, т.е. прагматический эффект не локален. “Таким образом, прагматика текста, фигурирующая при его составлении, выраженная в нем, может быть нейтрализована или может оставаться скрытой. Это очень характерно для использования языка человеком – и тем самым характерно для прагматики – что, по-видимому, за исключением прямых команд, значения лишь накапливаются и интерпретируются, люди говорят друг с другом, пишут, читают, но немедленной (или хотя бы прямо следующей) реализации намерений и целей не бывает” [Нойберт, 1978. с. 194]. Итак, коммуникативный эффект высказывания есть прагматическое воздействие, “определяемое содержанием и формой высказывания”, которое “может реализоваться не полностью или вообще не реализоваться по отношению к какому-то типу рецептора. Таким образом, можно говорить, что высказывание обладает прагматическим потенциалом, который по-разному реализуется в конкретных актах коммуникации” [Комиссаров, 2002. с. 135]. Из этого следует, что если в цепи первичной коммуникации, где текст порождается

автором с установкой на потенциального адресата, прагматический эффект воздействия данного высказывания будет различен в зависимости от типа рецептора, его фоновых знаний, отношений между коммуникантами и других экстралингвистических факторов, то в двухъязычной цепи коммуникации при переводе достижение одинакового воздействия на рецептора оригинала и рецептора перевода будет не всегда возможно, особенно в случае когда перевод выполняется в иной исторический период или иной культурной среде. Однако, как указывалось ранее, достижение подобного одинакового воздействия не является задачей перевода, но перевод, как всякий акт коммуникации, ориентирован на “достижение желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизводя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его” [Комиссаров, 2002. с. 136. – подчеркнуто нами К.Т.]. Для нашего исследования переводов, выполненных в разные исторические периоды при огромном разрыве в уровне развития культуры ИЯ и ПЯ, подобное указание на наличие самостоятельной цели каждого перевода как отдельного коммуникативного акта представляется чрезвычайно важным. При этом цель перевода может заключаться как в наиболее точном воспроизведении оригинала, так и в решении каких-то экстралингвистических, экстрапереводческих задач, не подразумевающих точное воспроизведение оригинала и зависящих от широкого прагматического контекста создания перевода. Однако в обоих случаях цель перевода определяет переводческую стратегию по ее реализации и таким образом влияет на весь процесс и результат перевода.

Итак, любой текст, созданный автором для достижения конкретной коммуникативной цели, обладает определенным прагматическим потенциалом, который реализуясь в реальном акте коммуникации, несет в себе прагматическую информацию данного высказывания. Понятие “прагматическая информация” пересекается с понятием “прагматическое значение”, если речь идет о связном высказывании или тексте, однако

выделение его на уровне отдельных языковых знаков представляется спорным. Как отмечалось выше, отбор средств выражения как автором, так и переводчиком-отправителем определяется прагматическими факторами. Однако известно, что языковые знаки могут обладать стилистическим, эмоциональным, образным и другими значениями независимо от того выступают ли они в контексте высказывания или отдельно, т.е. в сознании коммуникантов за знаком уже может быть закреплено определенное оценочное значение - коннотация, которое, следовательно, является прагматически ориентированным по своей природе. Кроме этого, как указывалось ранее, любая интеллектуальная информация, заложенная в тексте, или план содержания также прагматичны, поскольку порождаются с намерением передачи конкретному адресату или группе адресатов для достижения определенной цели коммуникации. “Особое выделение прагматических значений нецелесообразно еще и потому, что оно препятствует осознанию того факта, что учет прагматического аспекта необходим при описании любого типа значения слова. Отношение пользующихся языком к отдельным знакам может выражаться не только через эмоциональные, стилистические или образно-метафорические компоненты значения знака, но и непосредственно входить в описание денотата. Известно, что в языке есть слова “высокие” и “низкие”, “хвалебные” и “ругательные” [Комиссаров, 1980. с. 103]. Таким образом, прагматическая информация, извлекаемая из текста получателем, передается не на уровне отдельных слов, а в контексте общего значения, поэтому передача коммуникативного эффекта заключается в предоставлении возможности извлечь прагматическую информацию, как часть общей информации, передаваемой текстом. Подобное замечание представляется весьма существенным, потому что, хотя невозможно четко выделить прагматическую часть содержания из совокупности значений текста, оценка перевода очень часто опирается на его прагматическое соответствие оригиналу, а именно может ли получатель на ПЯ сделать те же

выводы из текста, что и получатель на ИЯ, передает ли текст перевода соответствующие эмоциональные характеристики оригинала и т.д.

Здесь следует отметить, что критерии оценки перевода основаны на его прагматической природе, так как исходят из того, что перевод – это вид человеческой деятельности, качество и эффективность которой могут быть оценены с самых разных сторон. В связи с этим, по мнению М. Я. Цвиллинга и Г. Я. Туровера, “приходится вводить в единую шкалу достаточно разнородные факторы”, т.е. при оценке качества перевода “приводятся к общему знаменателю лингвистические, прагматические и прочие критерии, из равнодействующей которых и складывается оценка” [Цвиллинг, Туровер, 1978. с. 6].

Это выдвигает на первый план самый важный вопрос прагматики перевода – вопрос о принципах и механизме установления эквивалентности между оригиналом и переводом. Эквивалентность двух текстов неслучайно стоит в центре прагматического анализа перевода, так как достижение ее невозможно без учета и сохранения при переводе прагматических аспектов оригинала. Ряд исследователей указывают на необходимость выделения различных уровней эквивалентности, где каждый уровень подразумевает сохранение определенного инварианта содержания оригинала, поскольку, как известно, текст представляет собой многомерную структуру, объединяющую разные лингвистические и экстралингвистические аспекты на основе прагматики. Действительно, эквивалентность сама по себе является понятием мало информативным, так как обязательно требует указания, что сопоставляется с чем и по каким критериям. Выделение же уровней, со своей стороны, подразумевает отдавание приоритета одному из них перед другими согласно определенному принципу.

Так, А. Д. Швейцер предлагает семиотическую типологию уровней эквивалентности при переводе, построенную на основе трех типов отношений в семиозисе, выделенных одним из основателей прагматики Ч. У. Моррисом: синтактика – отношение “знак: знак”; семантика – отношение

“знак: референт”; прагматика – отношение “знак: интерпретатор”. Исходя из этого А. Д. Швейцер составляет иерархию уровней эквивалентности оригинала и перевода, поднимаясь последовательно от низшего уровня к высшему: 1. синтаксический; 2. семантический (компонентный и референциальный); 3. прагматический. Соответственно синтаксический уровень предполагает сохранение синтаксического инварианта оригинала при переводе, то есть субституцию одних единиц плана выражения вместо других. Семантический уровень предполагает сохранение семантического инварианта и включает компонентный и референциальный подуровни, где первый подразумевает эквивалентность сем, а второй – тождественность референциального смысла при различии семантических компонентов. И, наконец, прагматический уровень, находясь на высшей ступени данной иерархии, означает передачу прагматической информации оригинала в переводе, что включает различные приемы прагматической адаптации к иной культуре, такие как опущения, добавления, перефразирование, сноски, примечания и т. д., которые трудно регулировать правилами из-за индивидуального, избирательного характера их применения. Как верно отмечает А. Д. Швейцер, “прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности” [1985. с. 86]. Особенно важно подчеркнуть, что типология А. Д. Швейцера построена таким образом, что каждый уровень предполагает наличие эквивалентности на всех вышестоящих уровнях, то есть эквивалентность на компонентном, к примеру, уровне влечет за собой эквивалентность на референциальном и прагматическом уровнях. Схематически автор представляет это в виде таблицы [Швейцер, 1985. с. 87]:

Уровень эквивалентности		Тип инварианта			
		синтаксический	компонентный	референциальный	прагматический
Синтаксический		+	+	+	+
Семантический	Компонентный	-	+	+	+
	Референциальный	-	-	+	+
Прагматический		-	-	-	+

Как показывает приведенная таблица, сохранение прагматического инварианта оригинала обязательно на любом уровне эквивалентности, в то время как прагматическая эквивалентность может оказаться достаточной сама по себе, независимо от наличия / отсутствия эквивалентности на других уровнях. Это еще раз подтверждает главенствующее положение прагматики в установлении эквивалентности оригинала и перевода.

Иной подход к описанию уровней эквивалентности характеризует теорию В. Н. Комиссарова, однако и здесь прагматическим факторам отводится ведущая роль. Данная типология не является иерархией, а последовательно описывает пять уровней эквивалентности [Комиссаров, 1990]:

- 1) первый тип эквивалентности означает передачу той части содержания оригинала, которая несет в себе цель коммуникации. При этом операции, выполняемые для достижения эквивалентности первого типа, нельзя свести к определенным правилам или формулам, так как тексты оригинала и перевода почти не имеют ничего общего в своем составе и структуре, однако принципиально важным здесь является обеспечение такой же роли перевода в коммуникации на ПЯ, какую выполняет оригинал на ИЯ.

- 2) второй тип эквивалентности означает как достижение одинаковой цели коммуникации, так и отнесенность к идентичной внеязыковой ситуации, под которой понимается совокупность объектов, описываемых в сообщении. Иными словами, перевод второго типа эквивалентности не только передает функцию оригинала, но и логически связан с ним через указание на ту же ситуацию, которая отражена в оригинале.
- 3) третий тип эквивалентности включает два предыдущих, но отличается от них тем, что перевод здесь сохраняет способ описания ситуации оригинала, то есть не просто указывает на тот же спектр внеязыковой деятельности, а привлекает общие понятия при отсутствии семантического и синтаксического параллелизма. “Сохранение способа описания ситуации подразумевает указание на ту же ситуацию, а приравнивание описываемых ситуаций предполагает, что этим достигается и воспроизведение цели коммуникации оригинала” [Комиссаров, 1990. с. 62].
- 4) четвертый тип эквивалентности сохраняет основные три компонента предыдущих уровней: цель коммуникации, указание на ситуацию, способ ее описания; и добавляет к ним передачу синтаксического инварианта оригинала, то есть перевод содержит синтаксические структуры, аналогичные структурам оригинала, что способствует более полной передаче содержания исходного текста.
- 5) пятый тип эквивалентности обозначает максимально достижимую близость оригинала и перевода. Здесь помимо параллелизма синтаксических структур важнейшим компонентом является наиболее возможная общность сем отдельных единиц в оригинале и в переводе. Безусловно, абсолютное тождество двух текстов нереально ни в каком случае, и достижимая степень близости будет зависеть от ряда факторов, таких как норма и узус ИЯ и ПЯ, цели перевода, мастерство переводчика и т.д.

Итак, как следует из предложенной В. Н. Комиссаровым типологии уровней эквивалентности, такой прагматический аспект текста, как цель коммуникации является стержнем при установлении эквивалентных отношений любого типа, так как сохранение цели коммуникации стоит на первом месте, и затем каждый последующий тип неизменно включает в себя этот прагматический компонент. Таким образом, обе вышеизложенные типологии уровней эквивалентности оригинала и перевода, представленные А. Д. Швейцером и В. Н. Комиссаровым, ясно и справедливо показывают, что прагматика является ядром эквивалентности вообще, и тем самым регулирует как оценку результата перевода по степени соответствия оригиналу, так и сам процесс, подчиняя своим принципам все переводческие трансформации. В качестве примера подобного влияния прагматических аспектов можно привести некоторые результаты исследования Ю. Э. Дороховой о выборе переводческого соответствия в современных переводах. Здесь представляет интерес выявленная зависимость “количества отклонений от словарных соответствий от принадлежности текста к функциональному стилю или определенному жанру и индивидуальной стратегии переводчика” [Дорохова, 2002. с. 158]. Упомянутая стратегия, определяемая и реализуемая переводчиком в тексте, обусловлена целью коммуникации, которая составляет неотъемлемую часть прагматического уровня любого высказывания.

Однако при оценке перевода нельзя исключить такой фактор, как цель создания самого перевода, поскольку целью перевода не всегда является достижение максимальной эквивалентности оригиналу. Изучение истории переводческой деятельности показывает, что требования, которые предъявлялись к переводу в разные эпохи, были весьма различны, а иногда диаметрально противоположны, и, как следствие, не всегда означали точное, близкое следование оригиналу. В своем исследовании И. И. Чиронова убедительно демонстрирует, что “в настоящее время семантико-структурный параллелизм между ИТ и ПТ рассматривается как основа

эквивалентности перевода, поскольку одним из главных нормативных требований к тексту перевода является достижение максимальной замещающей способности ПТ” [указ. работа. с. 150-151]. Таким образом, достижение максимальной эквивалентности оригиналу является современным требованием и критерием оценки качества перевода, а в диахроническом измерении при различных нормативных подходах чрезвычайно важным представляется рассмотрение перевода как самостоятельного коммуникативного акта, протекающего в конкретной культурно-исторической ситуации и имеющего свою особую цель. Подобная цель, с одной стороны, носит экстралингвистический характер, но с другой стороны, затрагивает интересы прагматики, как междисциплинарной сферы, включающей лингвистические и экстралингвистические компоненты. Цель перевода включает мотивацию переводчика как отправителя текста на ПЯ и, будучи прагматическим фактором, она может подчинять себе другие компоненты содержания текста, как показывают типологии уровней эквивалентности. Такая цель перевода носит название “прагматической сверхзадачи” и бывает продиктована политическими, экономическими, религиозными, дидактическими стремлениями, влиянием литературной традиции и т.д. “Возможность существования таких целей связана с двойственным характером процесса перевода, который, с одной стороны, является центральным этапом межъязыковой коммуникации, а, с другой, - реальным коммуникативным актом на ПЯ. В этом процессе переводчик выступает в двойной роли: собственно переводчика и Источника, порождающего текст на ПЯ для последующего использования этого текста в определенных целях” [Комиссаров, 1980. с. 109]. Поэтому для оценки подобных переводов, выполненных согласно определенной прагматической сверхзадаче, В. Н. Комиссаров ввел понятие “прагматическая ценность”, которое означает, что с учетом конкретной цели перевод может быть признан верным, правильным, если он соответствует поставленной

сверхзадаче, даже в ущерб близости оригиналу. Введение термина “прагматическая ценность” представляется особенно важным и необходимым при изучении случаев диаметрального различия культур ИЯ и ПЯ, переводов, выполненных в иные, чем оригинал, исторические эпохи и особенно в донациональный период развития ПЯ.

Итак, в завершении главы 1 можно сделать следующие выводы:

- ◆ выделение лингвистической прагматики как направления исследований связано с ее междисциплинарным характером, что способствует всестороннему рассмотрению речевой деятельности в совокупности с ее участниками, механизмами их сознания, а также целым спектром лингвистических и экстралингвистических факторов ситуации общения. Подобный ракурс исследований приводит к интеграции всего релевантного для лингвистики знания в изучении самых разных аспектов коммуникации.
- ◆ если сфера исследований лингвистической прагматики охватывает все возможные отношения человеческой личности / общества и языка, то применительно к процессу перевода это означает, что прагматика перевода включает все аспекты использования текста перевода человеком, т.е. самим переводчиком, предполагаемыми получателями перевода, социумом ПЯ и т.д.
- ◆ рассмотрение перевода как акта межъязыковой коммуникации требует неременного учета такого важного прагматического фактора как цель коммуникации, которая может определяться как личностью самого переводчика, так и широким контекстом переводческого акта, исторической эпохи, конкретной традицией и т.д.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ АНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ ТЕКСТОВ

2.1. Специфика переводов с латинского на разных исторических этапах развития английского языка и культуры

Традиционно в истории английского языка выделяют три основных периода:

- ❖ древнеанглийский 5 век – 1066 г. (Норманнское завоевание);
- ❖ среднеанглийский 1066 – 1475 гг. (выход в свет первой печатной книги в издательстве Кэкстона);
- ❖ новоанглийский 1475 – настоящее время, который включает ранненовоанглийский 1475 – 1660 гг., период нормализации языка 1660 – 1800 гг. и современный английский [Rastorguyeva, 1983].

Данное деление опирается на поворотные моменты в истории Англии, оказавшие немалое влияние на развитие языка и культуры, однако даты отграничения периодов по историческим событиям приняты условно, так как язык едва ли переходит от одной стадии развития к другой в течение одного или нескольких лет.

Применительно к данному исследованию переводов с латинского языка на древне-, средне- и ранненовоанглийский следует остановиться на рассмотрении письменной речи, так как история языка и перевода располагает более или менее достоверными данными на основе письменных текстов, датируемых с момента возникновения древнеанглийской письменной традиции в VIII веке. Поэтому, анализируя развития языка на разных этапах, мы будем иметь в виду развитие литературного языка, который, безусловно, использовался для перевода античных латинских авторов. “Принято оценивать литературный язык как одну из форм существования языка, отличающуюся, прежде всего, степенью

обработанности, что влечет за собой отбор тех языковых форм, которые существуют в данный период исторического развития языка. Жесткость принципов подобного отбора целиком зависит от временного отрезка истории этого языка и определяется не столько его внутренними, структурными характеристиками, сколько социально-историческими условиями, в которых осуществляется коммуникация на данном языке” [Ярцева, 1985. с. 3]. Исходя из этого, мы постараемся обозначить те особенности переводов с латинского, которые, возможно, повлияли на отбор языковых форм для развития литературного английского языка, благодаря тому сопоставительному анализу средств двух языков, который неизбежен при переводе. В. Н. Ярцева совершенно справедливо рассматривает перевод “как стимул для осознанного отбора и оценки ресурсов родного языка” [Ярцева, 1985. с. 86]. Для этого необходимо рассмотреть те культурно-исторические факторы, которые определяли роль латинского и английского языков на протяжении всей истории Англии, а также отношение и подход к переводу на разных этапах, влияние на него литературной традиции, личности самого переводчика и т.д. Однако вначале следует сделать оговорку, что речь пойдет в основном о переводе нерелигиозных прозаических текстов художественной литературы, так как материалом для данного исследования было выбрано латинское художественное произведение и его переводы.

Для ранних этапов развития любого языка характерно отсутствие литературной нормы и ее кодификации, что естественно не могло не отразиться на практике перевода, делая его зависимым от диалекта переводчика или школы писцов. Древнеанглийский период развития языка оставил нам необыкновенно большое для столь отдаленного отрезка времени наследие как в форме переводов с латинского, так и в виде различных прозаических, поэтических произведений, хроник, законодательных актов и т.д. При этом важно заметить, что становление и развитие литературы большинства языков начиналось с развития

поэтических жанров, и древнеанглийский здесь не является исключением. Характерными чертами древнеанглийской поэзии были аллитерация, наличие сложных слов, архаизмов, украшательных синонимов, определенного рода поэтической лексики. Возможно, также, что древнеанглийская поэзия была представлена различными жанрами, с исчезновением которых исчезли и отличающие их языковые признаки. Хотя выделение различных поэтических жанров в эту эпоху не представляется столь существенным, поскольку основная жанрово-стилистическая дифференциация проходила по линии поэзия / проза. Применительно к прозаическим переводам следует отметить, что бурное развитие поэтических жанров по сравнению с древнеанглийской прозой, а также отсутствие единой литературной нормы существенно осложняли практику прозаического перевода. С другой стороны, если поэзия, возникшая задолго до появления письменной традиции, основанная большей частью на удобстве запоминания (с чем и связана ее основная характерная черта – аллитерация), развивалась в устной речи, то перевод прозаических текстов, появившийся у большинства народов с принятием христианства и обусловленный вначале необходимостью переводов религиозных сочинений, мог существовать только в письменной речи и в условиях отсутствия литературной нормы мог являться стимулом нормирования письменного языка. С этой точки зрения переводческая школа короля Альфреда оказала огромное влияние на развитие литературного языка и культуры Древней Англии. Как известно, языком школы короля Альфреда был уэссекский диалект, на основе которого сформировалось наддиалектное литературное койне. Большинство исследователей единодушно во мнении, что именно уэссекский диалект и был равен древнеанглийскому литературному языку, хотя нам представляется более точным утверждение В. Н. Ярцевой о том, что литературный язык Англии IX века имел в своей основе уэссекский диалект, но не был равен ему. Сразу оговоримся, что документально нельзя подтвердить ни одно утверждение, ни другое, так

как современная филология не располагает образцами живой речи носителей уэссекского диалекта того периода, чтобы судить о различии устного и письменного языка. Однако даже письменные источники, составленные на данном диалекте, содержат много инодиалектизмов, так что весьма вероятно, что именно смешанный характер языка литературы Уэссекса способствовал развитию на его основе общедиалектного койне. При этом, безусловно, важную роль сыграло наличие на уэссекском диалекте обширной оригинальной литературы, самого известного на тот период кружка переводчиков при дворе короля Альфреда, развитой традиции в центрах писцов. Вполне естественно, что через перевод с латинского именно этот диалект пополнялся новыми понятиями, заимствованиями, семантическими кальками, все это развивало его и также способствовало формированию литературного койне. Хотя оценивать литературный язык Англии IX века с точки зрения современных критериев невозможно, так как тот язык не являлся еще общенациональным, поскольку и сама нация находилась в процессе формирования в древнеанглийский период. Однако нам кажется вполне правомерным утверждение о том, что в IX – X веках в Англии существовал не просто язык литературных памятников, но литературный язык с различными жанрами и стилями, который использовался во многих сферах письменной коммуникации. В этом вопросе нельзя не согласиться с анализом В. Н. Ярцевой, который “сводится к признанию существования в древнеанглийский период (точнее – в IX – X вв.) литературного языка, доказательство чего мы видим: 1. в общности основных языковых показателей для всех жанров древнеанглийских памятников; 2. в употреблении этого же типа языка в переводах с латинского; 3. в существовании традиции в центрах культуры и письменности; 4. в органическом слиянии многих разнодиалектных по происхождению форм в памятниках письменности, отражающих то, что можно назвать обычным, а не “высоким” стилем языка” [Ярцева, 1985. с. 32]. Как показывает

приведенное выше заключение, анализ языка переводов с латинского выступает одним из первоочередных критериев оценки состояния языка на данный период, так как на стадии отсутствия единой литературной нормы, а также расцвета поэзии при слабом развитии литературы в прозе перевод с латинского являлся одним из средств нормирования письменного языка.

Норманнское завоевание (1066 г.) условно отделяет древнеанглийский период от среднеанглийского, однако данное историческое событие, будучи фактором внелингвистическим, оказало огромное влияние на языковую ситуацию в Англии последующих веков. Лингвистическим следствием Норманнского завоевания стало утверждение франко-английской диглоссии в стране, когда французский язык стал употребляться в государственной и правовой сферах. Это существенно повлияло на положение латинского языка и его роль в английском обществе, так как приток французской лексики ослабил, по выражению О. Есперсена, естественное сопротивление английского языка иноязычному влиянию и тем самым облегчил проникновение всех других заимствований [Секирин, 1964]. Отличительной чертой процесса заимствования в среднеанглийский период стало проникновение латинизмов в язык двумя путями: непосредственно из латинских источников или через французский язык, что объясняет появление значительного количества этимологических дублетов в этот период.

Вопрос о заимствованиях представляет интерес для данного исследования, так как латинские слова могли войти в состав языка, в том числе и через письменную речь, немалую часть которой составляли переводы. Наглядный пример привнесения заимствований в язык через переводы с латинского представляет сравнение оригинальных произведений и переводов, выполненных одним и тем же автором. Знаменитый представитель среднеанглийского периода, великий поэт Джеффри Чосер (1340 – 1400) своими оригинальными произведениями внес существенный вклад в развитие английского литературного языка. Одной из главных

заслуг Чосера является его преданность и любовь к родному языку и, как следствие, создание на нем бессмертных произведений национальной литературы, в то время как большинство современных ему поэтов в эпоху господства французского и латинского языков во многих культурных сферах считали английский язык недостойным выражения возвышенных понятий и чувств. Хотя следует признать, что в результате Норманнского завоевания и подчиненного положения английского языка последний был действительно обеднен средствами выражения абстрактных понятий и обобщений, что создавало определенные трудности для поэтического творчества. Сам Джеффри Чосер прекрасно осознавал это и выражал сожаления еще в ранних своих поэмах. Тем не менее, в последние годы своей жизни в правление короля Генриха IV он ввел понятие “King’s English” (королевский английский), желая тем самым упрочить позиции национального языка, освободив его от излишних иноязычных элементов, которыми злоупотреблял предыдущий король Ричард II. Как показывают данные сравнительных исследований творчества великого английского поэта и его современников Виклифа, Гауэра, Лидгейта, Чосер сознательно отказывался от латинизмов в своих произведениях, но при переводе это ему не всегда удавалось [Mersand, 1939. с. 45-53]. “Невозможно переоценить значение переводов различного рода для английской прозы. Чосеру было тесно в колее чужих мыслей, но сложное для перевода “Об утешении философией” Боэция показало его собственные затруднения с философскими терминами, большинство из которых ему пришлось заимствовать” [Partridge, 1969. с. 83 – перевод наш К.Т.].

Различие словарного состава оригинальных и переводных работ ясно выступает в трудах Вильяма Кэкстона (1422 – 1491), английского первопечатника и переводчика-просветителя, деятельность которого как бы завершает среднеанглийский период развития языка. По наблюдению ряда исследователей, собственный стиль В. Кэкстона отличается простотой и незамысловатостью, в то время как в его переводных работах много

заимствований из латыни, неологизмов, либо недавно вошедших в язык, либо впервые введенных самим переводчиком [Семенец, Панасьев, 1989; Ярцева, 1985]. “Остается открытым вопрос: почему Кэкстон это делал? Потому, что не было подходящих слов в английском языке того времени, или, как думают некоторые филологи, потому, что Кэкстон торопился скорее перевести и издать произведение и не думал о его филологической обработке. Могут быть обе причины. Ясно все же, что если бы понятия, выраженные в переводимом тексте, имели бы устойчивые употребительные слова, передающие их в английском языке, т.е. сразу приходили на ум переводчику, то проблема перенесения слова из языка подлинника не могла бы возникнуть” [Ярцева, 1985. с. 146-147]. Итак, при несомненно большом влиянии латинского языка на английскую лексику переводы сыграли важную роль в пополнении словарного состава заимствованиями из латыни, что в свою очередь способствовало обогащению и дальнейшему развитию национального литературного языка.

Однако влияние переводов с латинского не ограничивалось лишь пополнением определенных лексических сфер, но что особенно важно распространялось также на развитие синтаксических конструкций среднеанглийского языка. Здесь многие исследователи выделяют следующие элементы английской грамматики, которые могли возникнуть благодаря влиянию латыни: конструкции *Complex Object (Accusativus cum Infinitivo)* и *Complex Subject (Nominativus cum Infinitivo)*, абсолютная причастная конструкция (*Ablativus Absolutus*), соблюдение последовательности времен (*Consecutio Temporum*), употребление настоящего исторического (*Praesens Historicum*) и т.д. Несмотря на распространенность мнения о появлении подобных конструкций в языке под влиянием латинского, мы все же склонны разделить подход В. Н. Ярцевой и некоторых других исследователей к синтаксической структуре, как более “непроницаемой” для иноязычных влияний, чем лексика. Вероятно, что тенденции к развитию подобных конструкций зародились в

глубокой древности, а влияние переводов с латинского лишь ускорило их развертывание, так как в текстах переводов того времени данные грамматические факты действительно были более частотны, чем в оригинальных произведениях. Иными словами, если бы данные латинские конструкции были бы абсолютно чужды языку перевода, то они едва ли бы смогли задержаться в нем, соответственно адаптация их к грамматическому строю английского языка свидетельствует о том, что они не вступали в противоречие с внутренними тенденциями развития синтаксиса ПЯ. Таким образом, в среднеанглийский период переводы с латинского выступали как средство обогащения словарного состава ПЯ заимствованиями и семантическими кальками, а также как своеобразный “ускоритель” процесса развертывания синтаксических конструкций.

Указывая на пополнение словаря и развитие грамматического строя языка под влиянием переводов, не следует забывать, что данные процессы имели место благодаря необходимости сопоставления средств двух языков при переводе в поисках наиболее эквивалентных путей выражения, что является неотъемлемой частью любого процесса перевода. Результатом подобного сопоставительного анализа на ранних этапах развития ПЯ, как правило, являлось заимствование или калькирование слова, а иногда и целой конструкции в виду отсутствия адекватного соответствия в воспринимающем языке. Однако такое положение ПЯ не было постоянным, что подтверждают определенные периоды интенсивного заимствования, словно волнами накатывавшиеся на историю английского литературного языка.² В последствии данная заимствованная лексика или более частотное употребление конкретных синтаксических конструкций становились принадлежностью определенного стиля литературного языка. И здесь нельзя не отметить роль переводов с латинского в развитии стилевой

² Подобные периоды более интенсивного заимствования в процессе языковых контактов были характерны для разных языков и связаны как с историческими фактами (завоевания, вторжения, распад государств и т.д.), так и с оживлением переводческой деятельности. Ср., например, волны

дифференциации ПЯ. Подтверждением этого является, к примеру, употребление парных синонимов в английском языке, возникшее в среднеанглийский период в переводах с латинского для раскрытия значения вновь заимствованного слова при помощи его синонима из исконного языка или уже ассимилированного заимствования. “То, что подобные парные синонимы были вызваны стремлением истолковать наилучшим образом содержание подлинника, доказывается тем обстоятельством, что этот прием применялся при переводе и без непосредственного заимствования нового слова. При переводе латинского текста “Polichronicon” Тревиза (1387 г.) передает лат. *morem* “по обычаю” как *usage and manere*, лат. *lingua* “язык” как *language and tonge*, лат. *ex commixtione* “в смешении” как *comuxtioun and mellynge*. Нетрудно видеть, что только в последнем случае взято и латинское слово, в остальных на первый план выступает именно прием перевода парными синонимами. Следовательно, новым для языка является не только появление конкретного фразеологизма, состоящего из двух слов, но и образование самого структурного типа парных синонимов” [Ярцева, 1985. с. 124-125]. Употребление парных синонимов активно использовал В. Кэкстон в своих как переводных, так и оригинальных работах. В ранненовоанглийский период манера “парности” синонимов стала еще более распространенной, а в произведениях Диккенса это выступает уже чисто как стилистический прием. Аналогично развивалось употребление пространного перефразирования как манеры повествования. Здесь следует особо отметить влияние переводов с латинского не только на формирование отдельных приемов, но и на развитие жанрово-стилистической дифференциации языка в целом. По заключению многих исследователей, тяжеловесный или, наоборот, небрежный стиль некоторых писателей ранненовоанглийского периода начинает отличаться обработанностью и легкостью в их переводных работах, что подсказывает мысль о том, что

персидских, греческих, латинских, арабских, тюркских заимствований в некоторых арамейских языках; приток арабской лексики в берберо-ливийские языки в X – XI вв. [Heath, 1994].

образцы ясного и отточенного прозаического стиля латинских подлинников могли указать тот путь, по которому следовал переводчик [Семенец, Панасьев, 1989].

В новоанглийский период наметилась еще одна тенденция воздействия переводов с латинского на развитие литературного английского языка, когда в процессе перевода заимствовалось не само слово, а новое значение ранее заимствованного слова. Это можно проиллюстрировать на примере из перевода сочинения Цезаря “Записки о гражданской войне”, выполненного Клементом Эдмундесом в 1609 году:

NE: Money was required from Municipal townes. (Edmundes, 20)

L: ... pecunia a municipiis exiguntur. (Caesar, 12)

Прилагательное “municipal” уже существовало в английском, но в другом значении: “1) pertaining to the internal affairs of a state as distinguished from its foreign relations /1540/; 2) pertaining to the local self-government or corporate government of a city or town /1600/” (OED). А как римскую реалию в значении “of or pertaining to a municipium, provincial” (OED) с пометкой “Roman Hist” словарь фиксирует его в источнике от 1618 года. Другой пример из области религиозной лексики, обнаруженный в переводе труда Кальвина “Основание христианской религии”, выполненном Томасом Нортоном в 1578 году:

NE: But as the experience teacheth that God hath sowen seed of religion... (Norton, 7)

L: ... semen ... inditum esse experientia testatur. (Calvin, 4)

Слово “experience” уже давно было известно англичанам XVI века в нескольких значениях: “1) the action of putting to test, trial /1388/; 2) proof by actual trial, practical demonstration /1391/; 3) the actual observation of facts or events, considered as a source of knowledge /1377/” (OED). В переводе оно заимствует значение религиозного термина: “in religious use: a state of mind or feeling part of inner life” (OED). В словаре же данное значение впервые зафиксировано намного позже, в 1674 г. Как показывают приведенные

выше примеры, переводы с латинского, выполненные в новоанглийский период, пополняли язык не столько собственно заимствованиями, но расширением семантики уже имевшихся в языке слов.

Таким образом, важной особенностью переводов с латинского в эпоху формирования и развития английского национального литературного языка было обширное влияние, которые данные переводы оказывали на становление различных аспектов ПЯ. В древнеанглийский период перевод античных латинских авторов способствовал:

- нормированию письменной речи;
- формированию на базе уэссекского диалекта наддиалектного литературного койне;
- развитию прозаических жанров древнеанглийской литературы.

В среднеанглийский период переводы стали служить источником проникновения в язык собственно заимствований и семантических калек, для толкования которых переводчики начали употреблять синонимы исконно германского происхождения или пространное перефразирование, что впоследствии переросло в определенные стилистические приемы, характерные для английской прозы. Не менее важным было влияние переводов с латинского в области синтаксиса в этот период, где перевод выступил в роли своеобразного “ускорителя” заложенных в языке тенденций развития грамматического строя. В новоанглийский период влияние переводов по-прежнему распространяется на развитие жанрово-стилистической дифференциации языка, а также на пополнение словаря, которое теперь уже осуществляется в основном за счет расширения семантики заимствованных ранее слов. Как следует из сказанного, на всех этапах становления и развития национального литературного языка переводы с латинского оказывали самое разностороннее влияние на формирование различных аспектов английской речи.

Однако важно отметить, что вышеуказанное воздействие переводов на язык было бы невозможно без того особого положения, которое занимала

латынь в английском обществе на протяжении столетий. Во-первых, латинский был языком церкви, и это сразу обеспечило ему главенствующее привилегированное положение в религиозном сознании средневековья. “Как в прежние времена военную, так теперь Рим удерживал религиозную империю в Европе, но его деспотизм со всеми отрицательными сторонами был все же единственным связующим звеном среди многих народов и единственным средством распространения, как впрочем, и сохранения цивилизации. Его факел, возможно, испускал копоть вместе с тем светом, который он нес повсюду; его пламя, возможно, не было ослепительно ясным; но все же без него мир, вероятно, оставался бы долгие годы в кромешной тьме. Если бы Рим не был столь деспотичным в своей вере, его влияние стало бы, без сомнения, менее действенным; религия Рима была, по существу, цивилизованным завоевателем, который покорила варварские народы и дал им в обмен на первобытную свободу благодать мира и просвещения” [Soane, 1969. с. 427 – 428 – перевод наш К.Т.]. Здесь следует особенно подчеркнуть, что, несмотря на то, что уровень образованности в целом и знание латыни в частности не всегда были высоки в Англии, роль латинского как языка церкви обеспечивала ему тот идеологический авторитет, который отчасти определял влияние переводов с латинского на развитие ПЯ. Данный фактор, несомненно, оказывал воздействие на отношение и установку переводчика, что в свою очередь сказывалось на конечном тексте.

Помимо религиозного авторитета латинский язык обрел привилегированное положение и в светских кругах, как принадлежащий более развитой культуре античного мира. Как известно, на ранних этапах своего развития английское общество заимствовало не только слова, но и сами понятия. Такое огромное различие культуры античности и новых, в недалеком прошлом варварских народов становилось особенно выпуклым в процессе перевода, когда сопоставление двух языков переводчиком выявляло не только расхождения в средствах выражения двух языков, но и

лакуны в знаниях, истории и опыте воспринимающей культуры. Благодаря превосходству той культуры, частью которой она являлась, латынь выступала как язык науки, а также философской и дидактической литературы. Эпоха Возрождения еще более возвысила положение латыни в английском обществе и еще раз указала на значение латинского не только как языка церкви, но как неотъемлемой части богатого античного наследия. Известно, что на протяжении столетий все научные и философские диспуты велись на латинском языке. Данный факт, а также обилие переводной литературы в разных областях науки и само латинское происхождение большей части терминологической лексики в этой сфере ясно показывают тот научный авторитет, каким обладала латынь в Англии.

В добавлении к этому следует отметить, что латинский язык обладал также лингвистическим авторитетом, что особенно проявилось в новоанглийский период в эпоху нормализации 1660 – 1800 гг. Именно в это время, когда окончательно оформившаяся как единое целое нация имела общенациональный литературный язык, возникло само понятие литературной нормы, и как следствие появилась проблема ее оценки. Здесь наметились две основные тенденции: одна исходила из позиций метафизики и логики о том, что язык должен быть нормирован согласно схеме универсальной латинской грамматики; другая настаивала на том, что любой живой язык, даже обработанный, представляет собой комплексное сочетание различных людских привычек к употреблению языка, социальной и исторической вариативности. Сторонники данной тенденции призывали к установлению литературной нормы на основе изучения узуса. Однако для нашего исследования важно само появление первой тенденции выработки литературной нормы, так как это служит доказательством того лингвистического авторитета, каким обладала латынь через тысячу лет после заката античности. “Следует помнить, что, начиная с “Грамматики” Эльфрика, написанной им для древнеанглийского языка, и дальше в течение всего средневековья образцом считались латинские грамматики Присциана,

а преподавание самого латинского языка в школе тем более укрепляло престиж латинской грамматической схемы. Борьба английских грамматистов с этой схемой во многом определила пути развития и становления литературных норм для английского языка в XVI - XVII веках” [Ярцева, 1985. с. 147]. Важно отметить, что ни один другой язык не играл такой роли в жизни английского общества, как латинский. Даже французский после Норманнского завоевания занимал более ограниченные сферы функционирования, так как в течение почти 100 лет после 1066 г. письменный латинский, а не французский стал вытеснять английский, доказательства чего мы видим в том, что большинство законов, хартий, завещаний и других документов либо составлялось на латинском, либо переводилось на него. Лишь после XIII века французский стал также выступать как язык официальных документов. Что касается других языков, то надо указать, что отдельные переводы выполнялись и с греческого, и с арабского (например, еще Беда Достопочтенный /679 - 735/ переводил с греческого толкования отдельных книг Священного Писания; в XII веке некий Аделярд из Баты переводил с арабского астрономические и математические трактаты, а клирик Роббер де Ретин в то же время перевел Коран на латынь), но такие переводы носили спорадичный нерегулярный характер и, безусловно, не могли претендовать на то уникальное положение, какое занимала латынь [Семенец, Панасьев, 1989]. Итак, в английском языковом сознании латинский язык обладал религиозным, научным и лингвистическим авторитетом, что во многом обеспечило то влияние, какое переводы латинских подлинников оказывали на развитие национального литературного языка на протяжении всей его истории.

Рассмотрев подробно особую значимость латыни в Англии, а также взаимодействие латинского и английского языков в ходе развития последнего, необходимо остановиться на отношении к самому переводу и переводческой деятельности на разных этапах, так как достаточно очевидно, что большинство переводов осуществлялось именно с латинского

языка. Невозможно говорить о теории перевода в донациональную эпоху, Средние века или даже в новоанглийский период. Из истории языка и литературы до нас дошли лишь отдельные высказывания о переводе таких выдающихся деятелей, как король Альфред, Чосер, Кэкстон и др. Иногда эти размышления о переводе представляют собой целые программные прологи, но все же они не обнаруживают в себе единого систематического подхода и должного уровня анализа для развития в теорию перевода. Однако исследования переводов ранних периодов показывают, что особенно в Средние века существовали две основные традиции, которые условно называют “цицеронова” и “иеронимова” [Ellis, 1989]. Марк Туллий Цицерон, блестящий римский оратор, изложил свои взгляды на перевод в сочинении “О лучшем роде ораторов”, где автор сообщает, что взял на себя труд перевести наиболее известные речи двух различных между собой, но весьма выдающихся греческих ораторов – Эсхина и Демосфена. При этом Цицерон говорит, что в процессе перевода действовал не как переводчик, но как оратор: “Ea igitur omnia sententiis iisdem, et earum formis, tamquam figuris, verbis ad nostram consuetudinem aptis: in quibus non verbum pro verbo necesse habui reddere, sed genus omnium verborum vimque servavi. Non enim ea me annumerare lectori putavi oportere, sed tamquam appendere.” /... (переводил) теми же высказываниями и их формами, словно фигурами, словами, привычными к нашему употреблению, в которых я не имел необходимости передавать слово в слово, но сохранил род всех слов и силу. Ведь я полагал, что я должен не отсчитывать их читателю, но как бы отвешивать/ [Cicero, 1814. с. 375 – перевод наш К.Т.]. Традиционно принято приводить данное высказывание Цицерона для иллюстрации его позиции отказа от буквализма, с чем нельзя не согласиться. Однако, говоря о традиции перевода, для нас больший интерес представляет та часть его высказывания, где он противопоставил оратора переводчику, как обладающего бóльшим мастерством и знанием в переводческой деятельности; это означает, что только хороший переводчик может называться оратором. И здесь интересно

показать, как Цицерон понимал роль и задачу оратора, а следовательно, и задачу переводчика: “и будут называться все ораторы, как живописцы сейчас называются, даже плохие: не родами между собой, но способностями отличаются” [там же. – перевод наш К.Т.]. Сравнивая ораторов, а значит, и хороших переводчиков, с живописцами, Цицерон стремится подчеркнуть творческий характер деятельности в обоих случаях. Не отрицая творческого подхода и там, и там, заметим, что художник обычно изображает свое видение, оратор выражает свою идею, в то время как переводчик должен исходить из текста оригинала и стремиться адекватно изложить его на ПЯ. Из этого несложно сделать вывод о том, что Цицерон рассматривал перевод как творческое соперничество переводчика-оратора с автором оригинала [Ellis, 1989]. Отсюда в Средние века цicerонова традиция в переводе подразумевала стремление некоторых переводчиков переделать оригинал, украсить его в соответствии с эстетическими воззрениями своей эпохи.

Иероним Стридонский (348 – 420), выдающийся эрудит своего времени, получил блестящее классическое образование в Риме, имел церковный сан и прославился своими переводами на латынь Нового Завета, который он частично перевел, а частью отредактировал, и Ветхого Завета, который он заново перевел полностью с древнееврейского. После смерти он был канонизирован церковью, и его перевод Евангелия до сих пор используется на литургии там, где богослужение ведется по-латински. Как видно из сказанного, по сравнению с Цицероном и его языческим мировоззрением Иероним был носителем христианской философии, из чего и исходило его отношение к переводческой деятельности, как к смиренной передаче божественной мудрости. В понимании Иеронима и отцов церкви роль перевода заключалась в указании на ту высшую Истину, которая стояла за текстами, как оригинала, так и перевода. Отсюда, следуя иеронимовой традиции в переводе, многие переводчики Средних веков рассматривали себя лишь как смиренных писцов. Однако не следует

сводить разницу между этими двумя традициями перевода к противопоставлению

вольного и буквального переводов.³ На самом деле Цицерон не проповедовал вольность в обращении с оригиналом, но по его собственному утверждению, переводил “теми же высказываниями и их формами, словно фигурами” (см. выше). В свою очередь Иероним считал буквализм в переводе серьезным недостатком и открыто разделял позицию Цицерона, что переводить надо “не по счету, но как бы по весу”. В своих “Письмах к Памахию о лучшем способе перевода” он писал: “Я не только сознаюсь, но и заявляю во всеуслышание, что при переводе с греческого, исключая Священное Писание, где и самый порядок слов есть тайна, я передаю не слово словом, а мысль мыслью. И в этом я имею наставником Туллия... Не время теперь говорить, сколько он в них опустил, сколько добавил, сколько изменил, чтобы своеобразие чужого языка выразить через своеобразие своего. Для меня довольно авторитета самого переводчика...” [цит. по: Семенец, Панасьев, 1989. с. 88]. Итак, по существу различие между Цицероновой и иеронимовой традициями заключалось в философском воззрении на процесс перевода, которое уходило своими корнями в языческое и христианское мировоззрение. Цицерон исходил из положения риторики, где слову отводилась большая роль в воздействии на слушателя, а, следовательно, переводчик-оратор мог соперничать с автором в выборе средств языкового выражения. В мировоззрении Иеронима на слушателя должна была воздействовать божественная мудрость, а, следовательно, переводчик должен был точно и привычно для читателя изложить текст, чтобы не препятствовать созерцанию Истины. Очевидно, что данные две традиции перевода, берущие свое начало одна – от лучшего ритора и

³ По вопросу указанных оценочных терминов мы разделяем точку зрения И.И. Чироновой о наличии корреляции между “буквальным и вольным методами перевода, с одной стороны, и основными переводческими стратегиями – поэлементным переводом и трансформацией – с другой”, в результате чего “теряет логическое основание противопоставление этих методов как абсолютных и взаимоисключающих друг друга, поскольку они соответствуют двум нейтральным

оратора античного мира, другая – от канонизированного церковью священнослужителя и переводчика-эрудита, определили специфику не только ряда переводов конкретных эпох, но и способствовали росту авторитета и значимости переводов с латинского в сознании английского общества.

Однако есть еще один аспект, без которого, с нашей точки зрения, невозможно до конца понять специфику переводов античных авторов. Говоря о переводах с латинского в древне-, средне- и ранненовоанглийский периоды, следует помнить, что это была не просто иная традиция, манера перевода, но и принципиально другое отношение к переводческой деятельности в отличие от более позднего времени. Известно, что на ранних исторических этапах письменный перевод не являлся ни профессией, ни постоянным источником дохода; он был скорее необходимостью, порождаемой чаще основным родом занятий. Как следствие этого, переводчики естественно не имели ни специальной подготовки в этой области, ни образцов или моделей перевода. Все эти факторы уже ставят переводы ранних этапов на иной уровень, едва ли сопоставимый с современным. Но важно то, что сам акцент как бы ставился не на процесс перевода и его результат, но скорее на личность переводчика, которая в условиях отсутствия единых языковых и переводческих норм должна была внести свое начало, проложить свой путь и тем самым оставить свой неповторимый след в истории языка и культуры. Поэтому любое исследование переводов ранних эпох должно обязательно учитывать этот главный гуманистический аспект. “В то время как исследователи наших дней с большей готовностью рассуждают о переводческой деятельности или переводе, инстинктивно помещая современное переводоведение в систему координат объективных процессов и результатов, исследования средневековых переводов определенно полны живых людей: принцев в

изгнании, придворных поэтов, предателей, ожидающих казни, многочисленных монахов и священнослужителей, не столь многочисленных монахинь, таинственных отшельников и многих других переводчиков, которые остаются личностями в истории, даже если их имена неизвестны” [Рум, 1996. с. 89-90. – перевод наш К.Т.].

2.2. Лингвокультурные особенности латинского оригинала Боэция “Об утешении философией”

Сочинение Боэция “Об утешении философией” было взято нами потому, что, во-первых, этот оригинал является в своем роде уникальным по количеству переводов, выполненных с него в течение 1000 лет после его создания. Как известно, в Средние века произведение Боэция переводили: на древневерхненемецкий – Ноткер и на средневерхненемецкий – Петер фон Кастль; на французский – Жанн де Мен, Пьер де Пари, Фре Рено и два неизвестных автора; на итальянский – Альберте дела Пьяджентина и др.; на греческий – Максим Планид; на испанский – Фра Антонио Гинебрета. На русский язык сочинение Боэция (или Боэтия, как транслитерировал русский переводчик) было переведено уже в Новое время, а именно в 1794 г., учителем Закона иеромонахом Феофилактом (Русановым) для Корпуса Чужестранных Единоверцев в Санкт-Петербурге. История английского языка сохранила для нас переводы, выполненные в IX веке королем Альфредом, в XIV веке Чосером, в XV веке Уолтоном, в XVI веке Колвилем и королевой Елизаветой I. Помимо этого история языка сохранила факты создания других переводов этого же произведения, которые не дошли до наших дней. Самый последний из английских переводов с латинского оригинала был выполнен в США в 1943 г. Итак, труд Боэция “Об утешении философией” представляет значительный интерес как одно из немногих сочинений, с которого выполнено большое количество переводов на

протяжении всей истории английского языка, и, как следствие, это дает чрезвычайно богатый материал для развития диахронного подхода в теории перевода. Во-вторых, данный оригинал входит в выбранную нами для исследования группу текстов, а именно является нерелигиозным прозаическим (хотя с отдельными поэтическими вставками) художественным произведением, так как, как указывалось выше, перевод религиозных и поэтических текстов характеризуется рядом особенностей, выделяющих эти тексты в отдельные группы. И, наконец, в-третьих, хотя оригинал и был написан в переходный период от античности к средневековью, язык этого сочинения все же представляет собой блестящий образец скорее классической, чем средневековой латыни, при чем это можно сказать не только о языке и стиле, но и о тематике и общей идейной направленности произведения. Как и за счет чего сочинению Боэция “Об утешении философией” удалось сбалансировать на повороте истории от одной эпохи к другой и удовлетворять интересы диаметрально различных народов и культур, мы постараемся показать в процессе нашего исследования.

Мы начнем изучение с рассмотрения данного оригинала и ситуации его создания, чтобы попытаться раскрыть коммуникативную интенцию автора, заданный им коммуникативный эффект своего текста и его установку на получателя с учетом культуры ИЯ. Все это необходимо нам для того, чтобы проследить, как преломлялись данные прагматические факторы при переводе в разные эпохи под влиянием прагматики перевода. Кроме этого мы постараемся выделить те лингвистические и экстралингвистические моменты в тексте оригинала, которые могли представлять потенциальную трудность при переводе на английский язык в связи с особенностями мировоззрения и культуры античного мира.

Аниций Манлий Северин Боэций (475 – 525) по общему признанию был справедливо назван “последним римлянином”, которого знаменитые классики эпохи расцвета Римской империи признали бы за своего

современника. Родился он, как предполагают, в Риме или его окрестностях в знатной семье Флавия Манлия Боэция, который в 487 году стал консулом, но, вероятно, вскоре после этого скончался, так как сам Боэций был передан на воспитание в другую знатную семью Квинта Аврелия Меммия Симмаха. Среди знаменитых предков этого рода был дед Аврелия, тоже Симмах, который в середине IV века открыто противостоял императору, настаивая на восстановлении алтаря богини победы в Риме. Здесь интересен не столько сам факт, сколько то, что он символизировал твердую уверенность в превосходстве идеалов и ценностей Римской империи, которые культивировались в роде Симмахов и в последующих поколениях. Боэций глубоко уважал и почитал принявшую его семью и, как показывают его сочинения, разделял ее взгляды. Впоследствии он женился на дочери Аврелия Симмаха Рустициане и имел двух сыновей Аниция Манлия Северина Боэция и Квинта Аврелия Меммия Симмаха. Предполагают, что он долгое время учился в Афинах, хотя достоверных данных на этот счет нет. Однако всем известно, что он прекрасно владел греческим языком и был глубоко увлечен греческой литературой. В правление императора Теодорика, короля остроготов, Боэций был избран консулом в 510 году. Сам император уважал и благоволил ему и даже имел Боэция своим близким другом. У своих современников он также был в большом почете как большой эрудит и, безусловно, талантливый человек. К примеру, огромный авторитет средневековья и даже Нового времени, автор латинской грамматики Присциан отзывался о Боэции, как о достигшем самых высот порядочности и образованности. Как известно, Боэций был не только хорошим консулом и отличным знатоком греческого языка и культуры, но и обладал глубокими познаниями во многих, совершенно различных областях науки. Так, император поручал ему наладить чеканку монет. Затем во время посещения Рима Гунибальдом, королем бургундов, Теодорик привел своего гостя к Боэцию, который продемонстрировал им созданные своими руками различные механизмы и среди них солнечные и

водяные часы. Иностраннный монарх был настолько поражен, что Теодорик приказал Боэцию изготовить точные копии их и отправить Гунибальду в качестве подарка. И, наконец, по просьбе другого монарха, короля франков, Кловия Боэций выбирал музыканта, способного петь и играть на лире. Из всех этих фактов несложно сделать вывод, что Боэций был высочайшим эрудитом своего времени, олицетворявшим собой все достижения античности, что снискало огромный интерес к его личности и его работам в эпоху Возрождения, а затем Просвещения.

Будучи приверженцем философии Платона и Аристотеля и стремясь по возможности объединить их, Боэций поставил себе целью в течение жизни перевести с греческого на латынь все работы Аристотеля и все диалоги Платона, так как он полагал, что доступность трудов двух великих философов для современников поможет возродить былой дух и славу соотечественников. Это еще раз подтверждает, что в основе мировоззрения Боэция лежали идеалы Римской республики, перекликавшиеся с идеями Платона о государстве, о свободном выборе и правах личности. Хотя Боэций так и не успел осуществить до конца поставленную перед собой задачу, его переводы трудов Аристотеля служили одним из основных источников знаний по философии в Средние века.

По признанию самого Боэция, самым счастливым годом его жизни был 522-й, когда оба его сына, хотя еще очень молодые, одновременно были избраны консулами. В сочинении “Об утешении философией” он с упоением вспоминает тот день, когда толпа сенаторов под общее ликование народа провожала обоих его сыновей от дома до здания сената. Однако вскоре после этого наступил переломный момент в судьбе Боэция: по ложному навету он был обвинен в государственной измене, лишен положения и имущества, сослан, а затем заключен в тюрьму и казнен. Не остается сомнений в том, что обвинение действительно было ложным, основанным по большей части на зависти к заслугам и славе Боэция, но стечение обстоятельств в совокупности с убеждениями самого “последнего

римлянина” привели к столь трагическому исходу. В последние годы правления императора Теодорика против Боэция выступили три обвинителя, которые в недалеком прошлом сами были уличены во взяточничестве и злоупотреблении своим служебным положением. Они оклеветали Боэция, утверждая, что он участвовал в заговоре против Теодорика, стремился сохранить целостность Сената, чтобы сделать из Римского государства свободную республику, и что для осуществления этого он вступил в переписку с византийским императором Юстинианом. Именно последний фактор способствовал укреплению подозрений Теодорика, так как Византия была ортодоксальной монархией, а Теодорик был арианином и поэтому опасался предательства со стороны своих ортодоксальных подданных. Боэций открыто отрицал наличие какого-либо заговора с его участием, а письма к Юстиниану назвал подделкой, что, судя по всему, было действительно так. Однако он не стал отрицать, что выступал за единство Сената и всегда мечтал о возрождении былых прав и свобод в Римском государстве, хотя прекрасно понимал, что при сложившихся исторических условиях это было невозможно. Может быть, такое принятие Боэцием одного пункта доноса на него и решило его судьбу, хотя невиновность его была очевидна. По приказу Теодорика он был осужден и сослан в Падую, где был заключен в тюрьму. Именно во время своего заключения, за полгода до смерти Боэций написал свое знаменитое сочинение “Об утешении философией”. В 525-м году император приказал казнить Боэция, а затем и его тестя Симмаха. Вскоре после этого скончался сам Теодорик, и, как свидетельствуют его современники, перед смертью император сильно мучился совестью и раскаивался в гибели невинных, верных ему людей.

Однако история личности Боэция на этом не заканчивается. Два или три века спустя религиозное сознание Средних веков стало рассматривать кончину Боэция как мученичество за веру. Этому способствовал еще и тот факт, что в этот период было распространено несколько трактатов

религиозного содержания, авторство которых некоторые исследователи относят к личности Боэция, хотя данный факт до сих пор является спорным. Как косвенное подтверждение авторства Боэция была предложена биография “последнего римлянина”, написанная его современником и видным государственным деятелем того периода Кассиодором. Обнаруженная в середине XIX века эта биография сообщала, что семья, где родился Боэций, была христианской уже около 100 лет к тому времени, и это было воспринято как некое доказательство христианской позиции самого автора. Не стоит сомневаться в том, что, будучи разносторонне образованным человеком, Боэций, конечно, был прекрасно знаком с христианскими догматами, что, с другой стороны, отнюдь не доказывает наличие или отсутствие его личной веры. Трактат о единстве Троицы был отнесен к его имени не случайно: ведь, как известно, Арий и его последователи на основании законов человеческой логики ставили под сомнение вечность и нераздельность Божественной Троицы, что и составило сущность арианской ереси, и, следовательно, Боэций, как полагали, не только своей мученической кончиной, но и своими трактатами отстаивал истинную веру. Нередки стали и его жизнеописания, где авторы подробно описывали те мучения, которыми подвергся Боэций перед смертью. Некоторые даже утверждали, что у него была жена-христианка по имени Элпис, которая сочиняла церковные гимны, что, конечно, лишено всякого основания. Но для религиозного мировоззрения средневековья казалось совершенно очевидным то, что Аниций Манлий Северин Боэций невинно пострадал от руки еретика-арианина, исповедуя истинную веру. Стали быстро появляться рассказы о чудесах, совершенных им после смерти и, наконец, Боэций был канонизирован церковью под именем святого Северина. Та башня в Падуе, где он находился в заточении, стала священным местом. А в 996 году папа Отто III распорядился перенести мощи святого Северина из мест захоронения в церковь святого Августина в великолепную мраморную гробницу, на которой впоследствии папа

Сильвестр II составил подобающую надпись. Итак, как видно из приведенных фактов, церковный авторитет Боэция в религиозном сознании средневековья был совершенно очевиден.

Скорее же всего, как нам кажется, Аниций Манлий Северин Боэций отнюдь не был ревностным христианином, что доказывает хотя бы тот факт, что сочинение “Об утешении философией”, в авторстве которого никто не сомневается, написанное за полгода до казни, не содержит ни одного упоминания о Христе или даже намека на христианство вообще, но, напротив, наполнено языческими образами. Что же касается упомянутых выше христианских трактатов, то, если даже и признавать их авторство за Боэцием, это опять-таки не доказывает его личной веры. Как известно, конец V – начало VI века был непростым периодом в истории церкви, наполненным противоречиями между различными течениями. Особенно остро это проявлялось в Римском государстве, во главе которого стоял император-арианин Теодорик, имевший много ортодоксальных подданных. Так что, возможно, Боэций и написал ряд работ не для проповеди христианства, но направленных на примирение противоречий и достижение общественного согласия, что, принимая во внимание его видное положение, могло быть вполне естественно. А предание о жене-христианке по имени Элпис основано на неправильной интерпретации отрывка из сочинения “Об утешении философией”. Однако, как мы указывали вначале, чтобы попытаться понять мотивацию, понимание и подход переводчиков Средних веков и начала Нового времени, необходимо оставить в стороне современные исследования и критерии.

Так вот тогда перед нами предстает, пожалуй, один из уникальных фактов, когда история безусловно незаурядной талантливой личности совмещает в себе несовместимое, а именно вмещает в себя два принципиально различных мировоззрения: языческое и христианское, при этом являясь высшим образцом в обеих ипостасях: как античный ученый-эрудит, писатель и “последний римлянин” эпохи Республики, и как

канонизированный церковью святой. Следует помнить, что даже во времена Боэция уровень знания потомков великих римлян стал резко падать, тем более не стоит удивляться невысокой образованности у новых народов на заре их развития. И здесь фигура Боэция с познаниями почти во всех областях от механики до музыки, его переводы и оригинальные произведения представляли неисчерпаемый клад знаний на протяжении ряда столетий. С другой стороны, благодаря своему церковному авторитету святого личность Боэция с ее достижениями не вступала в противоречие с религиозным сознанием Средних веков, но даже вызвала к себе еще больший интерес у разных слоев общества. Нам представляется, что именно благодаря такому авторитету, сочетавшему в себе высоту классической римской образованности и глубину христианской веры, трудам Боэция удалось привлечь к себе постоянное внимание и удовлетворить интересы принципиально различных эпох и цивилизаций.

Принимая к сведению широкий контекст жизни Боэция, обратимся теперь к анализу его сочинения “Об утешении философией”. Произведение состоит из 5-и книг и построено так, что стихотворные части, так называемые метры, чередуются с прозой. В поэтических вставках Боэций использовал около 26-и различных размеров, но большая часть метров позаимствована им из трагедий Сенеки. (Britannica). В прозаических отрезках нередко встречаются черты поздней латыни: опущение конечного “m” в некоторых падежных формах имен или отглагольных имен, что в данный период было проявлением глубоких изменений, происходивших в системе склонения, которая из шести падежей классической латыни сокращалась до трех (Nominativus, Accusativus, Ablativus) в поздней латыни. Хотя в тексте Боэция мы в полном объеме встречаем все падежные формы в их привычном употреблении, все же некоторые формы обнаруживают происходившую в языке того времени тенденцию, например: “Mors hominu felix ...” (Boethius, lib. I m. i) т.е. “смерть тех людей счастлива ...”, где вместо “hominum” формы генитива множественного числа 3-го согласного

склонения мы видим “*hominu*”; или “*ad efficiendu vero praemiis incitari*” (Boethius, lib. I pr. iv) т.е. “побуждаться к выполнению же наградами”, где вместо “*ad efficiendum*” формы accusativa герундия мы встречаем “*ad efficiendu*”. Вероятно, под влиянием подобных изменений в системе склонения окончание номинатива и accusativa множественного числа мужского/ женского родов 3-го склонения “*es*” нередко в тексте Боэция встречается в форме “*eis*”, например “*Et flenteis oculos claudere saeva negat*” (lib. I m. i) т.е. “и жестокая отказывается закрыть рыдающие очи”, где вместо “*flentes*” формы accusativa множественного числа причастия настоящего времени 3-го гласного склонения мы встречаем “*flenteis*”. С другой стороны, текст “Об утешении философией” изобилует различными формами конъюнктива (в одном лишь первом отрезке прозы из 46 личных форм глагола 14 являются формами конъюнктива), что было совсем нехарактерно для поздней латыни V – VI веков н.э. Это еще раз показывает, что автор действительно стремился сохранить и передать всю былую красоту и стройность языка своих предков, но под влиянием времени и действующих языковых тенденций полностью осуществить эту задачу было невозможно. Однако в целом язык сочинения Боэция отличается всеми богатствами и достоинствами классической римской литературы. Недаром современник Боэция епископ Эннодий писал про него, что “он превзошел красноречие древних, подражая ему”. (Britannica – перевод наш К.Т.).

В плане содержания сочинение “Об утешении философией” носит автобиографический характер и представлено в форме диалога Боэция с самой философией, утешающей и укрепляющей его в период тяжелых жизненных испытаний.

Первая книга повествует о том, как страдающему в заключении Боэцию является Философия в виде необыкновенной полуземной, полубожественной женщины; она упрекает его за то, что в горе он впал в отчаяние, и позволил страстям возобладать над разумом, автор обращается к ней, как к своей давней наставнице и излагает ей всю историю доноса на

него, рассказывает о своих добрых делах на посту консула и взывает к справедливости; Философия решает излечить его от страданий и в расспросах начинает осматривать как врач состояние его души. Она обнаруживает, что Боэций верит в Бога, управляющего всем, но не знает самого себя, и от этого происходит его внутренняя слабость. Во второй книге Философия приглашает к Боэцию Фортуна, которая перечисляет ему все те дары, что он получил от нее в своей жизни, а затем переходит к тем невзгодам, которые тоже пришли к автору через нее. Здесь Боэций понимает, насколько переменчива Фортуна, и что едва ли возможно полагать свое счастье в ней. В третьей книге Философия обещает возвести его к истинному счастью, которое может быть только в Боге: так как Бог⁴ есть высшее благо, а высшее благо есть истинное счастье, значит, Бог есть истинное счастье. Философия стремится показать Боэцию, что реального зла не существует, потому что Бог всемогущ, и Он не желает существования зла, а, следовательно, зло не существует. В четвертой книге Боэций задается вопросом, почему же все-таки есть злоба в мире, и добродетель часто страдает, а порок награждается. Философия продолжает убеждать его, что на самом деле не бывает безнаказанного порока и вознагражденной добродетели. Исходя из этого, она истолковывает ему смысл провидения и судьбы и подводит к тому, что в конечном итоге любая доля хороша. Последняя пятая книга посвящена обсуждению вопроса о совместимости свободы человеческой воли и всеведения Бога. Путем раскрытия Божественной сущности, автор пытается показать, что эти две доктрины вполне совместимы: Бог остается всеведущим созерцателем событий и Его вездесущее вечное предвидение обуславливает итог человеческих дел, награждая добрых и наказывая злых.

Итак, на примере своей собственной жизни Боэций касается вопросов философии и религии. Как было указано выше, сочинение “Об утешении философией” хотя и не вступает в явное противоречие с христианством, все

же напрямую никак не соотносится с его догматами и, скорее, развивает идеи философии Платона. С другой стороны, несмотря на явный религиозно-философский уклон, это произведение можно вполне назвать художественным, так как автор излагает свои идеи в широком образном контексте, используя все богатства литературного языка. Возвращаясь к прагматической структуре художественного текста, предложенной Дж. К. Адамсом (см. предыдущую главу), следует отметить, что структура сочинения "Об утешении философией" соответствует вышеописанной структуре художественного произведения. Так как здесь присутствует внедренный контекст с Философией как вымышленным персонажем, которая, будучи фиктивным слушателем, может беседовать только с фиктивным Боэцием-рассказчиком. И по замыслу автора его коммуникативная интенция должна передаваться читателю и производить на последнего определенный коммуникативный эффект именно через этот вымышленный контекст. При этом, безусловно, созданные Боэцием образы несут в себе эстетическую функцию, как впрочем, и язык, использованный для их создания, чтобы ярче и живее представить свои идеи читателю, или иными словами достичь желаемого коммуникативного эффекта.

Однако для нашего исследования особенно важно рассмотреть сочинение "Об утешении философией" как бы через призму процесса перевода, т.е. указать, что могло быть легким или трудным для переводчика. И здесь необходимо начать с коммуникативной интенции автора, которая является неотъемлемым элементом любого акта коммуникации и определяет выбор языковых средств. В основу коммуникативной интенции автора положен пример его собственной жизни, на котором он строит философское рассуждение о непреходящем значении добродетели, мудрости, познания Истины в сравнении с тленностью богатства, званий, удовольствий, почестей. Мы можем предположить, что для английского переводчика Средних веков, эпохи Возрождения или Нового времени

⁴ В контексте сочинения Боэция имеется в виду единый Бог в философии Платона.

передача подобной коммуникативной интенции автора при переводе не должна была вызвать затруднений, так как сама идея Боэция принадлежит к общечеловеческим ценностям и могла быть воспринята как в английском христианском обществе, так и в римском языческом мире. Однако способы передачи автором подобной коммуникативной интенции в оригинале не всегда могли быть также применимы в переводе. Во-первых, Боэций в своем рассуждении опирается на автобиографический материал, что, безусловно, требовало от переводчика определенной прагматической адаптации: например, введения в текст перевода краткого описания жизни автора и затем, возможно, отдельных примечаний или сносок, поясняющих историю доноса на него. Но если вспомнить, что особенно в сознании Средних веков личность Боэция обладала большим церковным авторитетом, и более распространенными и общепринятыми были его жизнеописания как мученика за веру, то становится очевидным, что подлинная история деятельности Боэция на посту консула и подробности доноса на него могли быть нерелевантны в широком контексте мировоззрения английского общества того времени. Следствием этого могла быть трудность в прагматической адаптации перевода, когда переводчик не может в необходимом объеме воспроизвести историю жизни Боэция и вынужден прибегать к опущениям.

Во-вторых, как было указано выше, автор представляет свое философское рассуждение в художественной форме и стремится передать свою коммуникативную интенцию посредством создаваемых им образов. При этом потенциальная сложность при переводе может заключаться в том, что эти образы были взяты автором из римской языческой мифологии, а значит, были не только незнакомы, но и чужды английскому христианскому сознанию. Насколько важны данные образы в достижении желаемого автором коммуникативного эффекта, и какую большую роль они играют в общем контексте сочинения, мы надеемся показать на примерах. Первая книга “Об утешении философией” представляет здесь наибольший интерес,

так как в ней Боэций вводит необходимые ему мифологические персонажи и образы для дальнейшего развертывания всей сюжетной линии произведения. Так, к примеру, Боэций описывает явление ему Философии:

<p>...adstitisse mihi supra verticem visa est mulier reverendi admodum vultus, oculis ardentibus et ultra communem hominum valentiam perspicacibus, colore vivido, atque inexhausti vigoris... Vestes erant tenuissimis filis, subtili artificio, indissolubilique materiae perfectae; quas uti post eadem prodente cognovi, suis manibus ipsa texuerat. Quarum speciem, veluti fumosas imagines solet, caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat. Harum in extremo margine P, in supremo T vero legebatur intextum. Atque inter ultrasque litteras, in scalarum modum, gradus quidam insigniti videbatur, quibus ab inferiore ad superius elementum esset adscensus. (Boethius, lib. I pr. i).</p>	<p>...мне показалось, что над моей головой стояла женщина с лицом, внушающим большое уважение, с очами сверкающими и пронизательными сверх общей природы людей, полными жизни и неисчерпаемой энергии... Одежды ее были из тончайших нитей, мастерства изысканного и неразрывного от свойства ткани, которые, как я узнал после этого, она сама соткала своими руками. Какой-то густой туман уже покрыл нечто из забытого прошлого, и вид одежд ее словно дымные образы был. На нижнем крае их вплетение P, а на верхнем – T читалось. И среди находящихся по ту сторону букв, показалось, что в виде лестницы были заметны некие ступени, которыми он был возведен от более низкой к более высокой стихии. (перевод наш – К.Т.)</p>
---	--

Как описывает Боэций, по внешнему виду Философия чем-то напоминала одну из римских богинь. При этом по замыслу автора прекрасные одежды, сотканные своими руками, означали все те идеи, теории и построения, которыми Философия озаряла своих верных учеников и последователей –

великих греческих философов, о чем дальше повествует автор. Изображение буквы “Р”, вплетенное в одеяние из философских умозаключений, символизировало собой “практику” или эмпирический опыт, т.е. то знание, которое достигается в результате физического восприятия объектов и явлений, а также повседневного жизненного опыта. Расположение этого символа на нижнем крае одежд Философии указывало на то, что эмпирическое познание стоит в самом начале пути к высшей Истине. Изображение буквы “Т”, вплетенное в верхний край одежд символизировало собой “теорию” или созерцание разумом метафизических обобщений, недоступных опытному познанию. Расположение теоретического знания наверху указывало на то, что всякий, стремящийся к достижению высшей Истины, должен подняться от эмпирического опыта до теоретического познания, мира идей и философских умозаключений. Поэтому перед Боэцием оказалась лестница, как он описывает, по которой он был возведен к высшим стихиям Философии. Итак, по замыслу автора образ явления Философии Боэцию имеет в общем контексте сочинения не только художественно-эстетическую функцию, но и несет в себе определенную аллегорическую нагрузку. Как показывает приведенный пример, эпизод содержит большое количество символов, которые являются частью концепции автора и играют важную роль в передаче коммуникативного эффекта. С одной стороны, в процессе перевода на английский в различные исторические периоды данный символизм было трудно сохранить, так как своими корнями он уходил в национальную мифологию и культуру оригинала и при сохранении в переводе требовал разъяснения и обилия сносок, что, конечно, сделало бы текст перевода тяжеловесным и непростым для восприятия. С другой стороны, английские переводчики едва ли могли опустить символизм Боэция из-за важной денотативной и коннотативной функции, которую он выполняет. Конечно, в каждом отдельно взятом случае переводческое решение о способе передачи того или иного фрагмента определялось более высоким уровнем задач и

общей стратегии перевода. Однако, как было сказано выше, здесь мы попытаемся показать специфику оригинала с точки зрения возможности ее передачи в переводе.

Важно подчеркнуть, что такое образное описание, насыщенное глубоким подтекстом, как в эпизоде явления Философии Боэцию, является далеко не единственным во всем произведении, но, напротив, иллюстрирует подход автора и его манеру изложения. Для сравнения приведем другой пример непосредственно из диалога Боэция и Философии:

<p>Ecce mihi lacerae dictant scribenda Camenae, Et veris elegi fletibus ora rigant. (Boethius, lib I. m. i)</p> <p>...Quae ubi poeticas Musas vidit, nostro assistenteis toro, fletibusque meis verba dictanteis, commota paullisper, ac toruis inflammata luminibus, Quis, inquit, has scenicas meretriculas ad hunc aegrum permisit accedere? quae dolores eius non modo nullis foverent remediis, verum dulcibus insuper alerent venenis? Hae sunt enim, quae infructuosis affectuum spinis, uberem fructibus rationis segetem necant, hominumque menteis faciunt morbo, non liberant. ...Nunc vero Eleaticis, atque Academicis studiis attigistis enutritum. Sed abite potius Seirenes usque in exitium dulces, meisque eum Muis curandum, fanandumque</p>	<p>И вот истерзанные Камены диктуют мне то, что должно быть написано. И орошают лики горькими рыданиями элегий.</p> <p>...Когда она (Философия) увидела поэтических муз, стоящих рядом с нашим ложем и диктующих слова моим стенаниям, она, немного рассерженная и сверкающая жестокими глазами, сказала: “Кто позволил, чтобы эти театральные блудницы подошли к этому больному? Те, которые скорби его не только не исцеляют никакими средствами, но даже сверх того кормят сладкими ядами? Ведь они есть те, кто бесплодными терзаниями чувств губит плодородное поле разума и делает умы людей безумными, отнюдь не освобождает их. ...Теперь же занятиями в Элее и</p>
--	---

relinquit. His ille chorus increpitus, dejecit humi maestior vultum, confessusque rubore verecundiam, limen tristis excessit. (Boethius, lib I pr. i)	в Академии вы были вскормлены. Но отойдите лучше, сладкие Сирены, в самую погибель и оставьте его моим Музам для заботы и посвящения. Тогда этот кричавший хор (Камен) опустил в землю печальный взор и покрасневший от стыда, скорбный вышел за порог (перевод наш – К.Т.).
---	---

В данном эпизоде поэтические музы или Камены символизируют собой душевные страсти и эмоции, которые, как указывает Философия, мешают человеку подниматься по ступеням философского созерцания происходящих событий. В описании Боэция эти музы наделены всеми человеческими свойствами: они плачут, говорят, ходят и даже краснеют от стыда, что вполне соответствовало римской мифологии. Однако следует помнить, что мифология относится к той части фоновых знаний, которая является специфичной и индивидуальной для каждой отдельной культуры, поэтому передача мифологических образов в переводе сопряжена с особыми трудностями. Перевод же данного текста еще более осложнялся тем, что создаваемые автором образы не просто являются мифологическими персонажами, но и выступают как важная составляющая денотативного и коннотативного значения сочинения. При этом важно подчеркнуть, что тот символизм, который стоит за данными образами, не был индивидуально авторским, но также принадлежал общему контексту античной римской культуры. Прагматическая адаптация перевода осложнялась еще и тем, что оба компонента образа: мифологический и символичный – были тесно связаны друг с другом. Поэтому если предположить, что переводчик мог упростить образ поэтических муз лишь до их символа, т.е. эмоций и страстей, что, с одной стороны, передавало бы мысль автора, но, с другой стороны, это повлекло бы за собой нарушение сюжетной линии произведения, т.е. был бы опущен весь мифологический персонаж и его

действия, так как один только символ не может ходить, говорить и т.д. Таким образом, одна из основных сложностей для перевода сочинения “Об утешении философией” заключалась в комплексном характере создаваемых автором образов, которые, во-первых, были взяты Боэцием из античной римской мифологии и, следовательно, требовали необходимой прагматической адаптации к культуре ПЯ; и, во-вторых, сочетали в себе определенные символы, используемые автором для раскрытия своего замысла и передачи коммуникативной интенции.

Перечисляя потенциальные сложности для перевода данного произведения, следует отдельно подчеркнуть обширное привлечение Боэцием культурно-специфических элементов. На примере приведенных выше отрывков оригинала ясно показано, что немалую часть семантики текста составляют различные реалии римской цивилизации. Среди них можно выделить отдельные группы культурных понятий, относящихся к различным сферам:

- ✓ мифологические реалии, такие как “poeticae Musae”, “Camenae”, “Seirenes”, “Lares”, “Fortuna”;
- ✓ отдельные факты из истории древнегреческой философии, например “Eleaticus”, “Academia”, “fuga Anaxagorae” (бегство Анаксагора), “venenum Socratis” (яд Сократа), “tormenta Zenonis” (мучения Зенона), которые служат в качестве основных аргументов Философии для укрепления воли Боэция;
- ✓ реалии, обозначающие государственно-правовое устройство общества, такие как “respublica”, “coemptio”, “consul”, “Senatus”, “censor”, “praetor”;
- ✓ географические названия, например “provincia Campania”, “Ravenna”, “Verona”, “Pons” (Черное море), “Boreas” (северо-западный ветер), “Thracius” (фракийский), “Hesperius” (западный);
- ✓ различные апелляции к римской истории, например “Respondissem Canii verbo: qui cum a C. Caesare Germanici filio conscius contra se factae conjurationis fuisse diceretur: Si ego, inquit, scirem, tu nescisses” (Boethius, lib. I pr. iv). “Я ответил бы словом Кания, когда Цезарь, сын Германика, сказал ему, что тот (Каний) был соучастником совершенного против Цезаря заговора, “Если я, - сказал Каний, - знал об этом, ты не знал” (перевод наш - К.Т.).

В тексте оригинала нередко также ссылки на “римскую свободу” и “права свободных граждан”. Высокую частотность использования автором античных римских реалий нетрудно объяснить, особенно если вспомнить ту ностальгию по былой славе предков, которую переживал Боэций. Очевидно,

что на протяжении всей своей жизни автор идеализировал историю и устройство Римской республики, и это становится одной из главных смысловых линий его сочинения “Об утешении философией”. Однако передать подобное ностальгическое отношение “последнего римлянина” к античному прошлому в переводе на английский во многом означало бы свести философское рассуждение автора к художественно-историческому сочинению из-за обилия толкований, сносок и примечаний по истории и культуре Римской цивилизации. При этом не следует забывать про тот христианский авторитет, которым обладал Боэций особенно в сознании средневековых переводчиков и который также необходимо было отразить в переводе. Итак, сочинение Боэция “Об утешении философией” является непростым для перевода произведением, так как автор стремится передать общечеловеческую идею о превосходстве духовного над материальным посредством автобиографической, мифологической, аллегорической, философской и исторической линий сочинения, которые все построены на основе достижений римской цивилизации и являются неотъемлемой частью национальной культурной специфики ИЯ. Все это, безусловно, требовало от переводчика не просто обширной прагматической адаптации оригинала к культуре ПЯ, но в первую очередь определения приоритетов в сохранении многочисленных смысловых и художественных линий сочинения, что могло быть выполнено только на уровне общей стратегии и задач каждого конкретного перевода.

ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАНИХ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЛАТИНСКОГО СОЧИНЕНИЯ БОЭЦИЯ “ОБ УТЕШЕНИИ ФИЛОСОФИЕЙ”

В предыдущих главах мы последовательно рассмотрели междисциплинарное положение прагматики, связывающее лингвистику с другими гуманитарными дисциплинами, объекты и сферы ее исследования; затем главенствующую роль прагматических факторов на всех этапах процесса перевода; и, наконец, лингвокультурные особенности переводов с латинского в разные периоды развития английского языка, а также некоторые отличительные черты выбранного нами для исследования латинского оригинала. Данный обзор необходим был для выделения тех теоретических постулатов, из которых мы будем исходить в нашем исследовании, а именно:

- ◆ лингвистическая прагматика охватывает сферы как языкознания, так и других гуманитарных наук, а, следовательно, прагматический анализ требует учета лингвистических и экстралингвистических факторов в равной мере;
- ◆ важными объектами прагматического исследования являются отправитель и получатель текста, взаимодействующие в процессе коммуникации, с их установками и фоновыми знаниями;
- ◆ отличительной чертой прагматики перевода является тот факт, что, находясь в лингвистической и прагматической зависимости от конкретного оригинала, перевод выступает как самостоятельный коммуникативный акт в культуре ПЯ и в качестве такового может иметь собственную цель, не связанную с точным воспроизведением оригинала;
- ◆ проявляясь на всех этапах процесса перевода, прагматика является основным критерием при оценке результатов перевода, т.е. как при

установлении эквивалентности между оригиналом и переводом, так и при определении прагматической ценности переводов, выполненных в соответствии с определенной экстрапереводческой сверхзадачей;

- ◆ особенности переводов с латинского на древне-, средне- и новоанглийский определялись не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, такими как, например, большое различие культур ИЯ и ПЯ, привилегированное положение латыни в английской культуре, культурно-исторические условия создания конкретных переводов и т.д.;
- ◆ определение цели перевода и выбор стратегии по ее реализации также во многом зависел от культурно-исторической обстановки, господствующего мировоззрения, литературной и переводческой традиции.

В настоящей главе мы проанализируем конкретные переводы с латинского на английский в свете вышеуказанных положений лингвистической прагматики и теории перевода в совокупности с особенностями переводов ранних эпох. Для данного исследования был выбран оригинальный текст Боэция “Об утешении философией” и его переводы на английский, выполненные соответственно королем Альфредом в IX веке, Джеффри Чосером в XIV веке, Джорджем Колвилем в середине XVI века и королевой Елизаветой I в конце XVI века. Прежде чем переходить к непосредственному анализу следует указать те причины, по которым были выбраны данные переводы, а также кратко указать, на что мы будем обращать особое внимание в процессе исследования, а что останется за рамками данной работы и почему.

Причин отбора именно вышеуказанных 4-х переводов было несколько. Во-первых, данные переводы входят в выбранную нами область ранних текстов, так как были выполнены в донациональный и ранний национальный периоды развития английского языка и культуры. Здесь

также имеет большое значение тот факт, что каждый из этих переводов принадлежит конкретному этапу в истории языка и культуры Англии: текст короля Альфреда – древнеанглийскому периоду; перевод Чосера – среднеанглийскому; переводы Колвила и королевы Елизаветы I – ранненовоанглийскому. Во-вторых, следует особо отметить, что указанные переводчики не только внесли свой собственный неоценимый вклад в развитие языка и культуры, как, например, король Альфред и Чосер, но и являлись яркими представителями преобладавшей в их время традиции, как, например, Колвил, или их имя обозначило собой целую эпоху в развитии национальной культуры, как, например, имя королевы Елизаветы I. В-третьих, немаловажным и, пожалуй, наиболее прозаическим критерием была доступность текстов переводов. Так, к примеру, еще один английский перевод данного сочинения Боэция, выполненный в 1654 году и указанный в разных каталогах под инициалами переводчика S.E.M., представляет собой переиздание самого латинского текста, воспоминания переводчика о первом знакомстве с оригиналом, различные отрывки литературной критики труда Боэция и т.д., но непосредственно перевод или какая-либо его часть отсутствуют [Houghton, 1931]. Как удалось установить английскому исследователю Хоутону, инициалы S.E.M. означают сэра Эдварда Спенсера, члена Парламента от графства Мидлсекс в середине XVII века, который в своем вступлении упоминает встречавшийся ему рукописный текст перевода “Об утешении философией” Боэция, посвященный матери его друга, но данный перевод также не сохранился до наших дней [Houghton, 1931. с. 161-162]. Все эти факты свидетельствуют о том, что ранних английских переводов указанного оригинала Боэция было выполнено в истории национального языка гораздо больше, чем мы, к сожалению, имеем возможность изучить, поэтому прозаический критерий доступности текстов играет немаловажную роль в любых диахронических исследованиях. И, наконец, в-четвертых, данные ранние английские переводы соответствуют указанным нами параметрам как прозаические

художественные тексты (с отдельными поэтическими вставками только в переводе королевы Елизаветы I). А, следовательно, по причине не соответствия этим параметрам мы не рассматриваем поэтический перевод короля Альфреда отдельных метров сочинения Боэция, а также поэтический перевод Джона Уолтона, выполненный им в XV веке,⁵ так как поэзия представляет собой особый жанр литературы и особую сферу переводческой деятельности.

Итак, наш анализ вышеперечисленных ранних английских переводов будет включать подробное рассмотрение культурно-исторической ситуации создания перевода, а именно возможных мотивов переводчика при выборе этого конкретного оригинала, господствующего мировоззрения в обществе, принятой литературной и переводческой традиции, социально-исторической обстановки и т.д. Учет всех этих факторов поможет нам проследить, что повлияло на коммуникативную интенцию переводчика-отправителя, какие факторы воздействовали на его установку на получателя перевода, как преломлялись данные прагматические отношения оригинала при переводе под воздействием коммуникативной ситуации ПЯ. Однако главной и наиболее важной целью нашего исследования будет стремление выявить на основе вышеперечисленных факторов выбранную переводчиком стратегию перевода, и исходя из этого мы попытаемся определить:

- а) насколько выбор той или иной стратегии зависел от лингвистических и экстралингвистических факторов;
- б) в какой мере данная стратегия способствовала достижению цели конкретного перевода в сложившемся культурно-историческом контексте эпохи;
- в) как или в каких языковых факторов проявилась та или иная переводческая стратегия в тексте конкретного перевода.

⁵ Сравнение данного поэтического текста с прозаическим переводом Чосера, созданным менее чем за сто лет до него, показало, что Джон Уолтон фактически выполнил не перевод, а переложение прозаического текста Джеффри Чосера в стихотворную форму (доказательство и примеры см. [Skeat, 1926. с. xvii-xviii]).

Прежде чем переходить непосредственно к самому анализу, необходимо оговориться, что мы не намерены рассматривать и оценивать переводы ранних эпох относительно современных критериев и требований, предъявляемых к переводам сегодня. Не отрицая достижений теории перевода наших дней, мы выступаем за дифференцированный подход к древним и современным переводам. В этой связи мы также не будем ни указывать, ни специально рассматривать ошибки и неточности, неизбежно встречающиеся в ранних переводах, по причине несопоставимости современных условий переводческой деятельности и обстановки работы переводчиков ранних исторических эпох. Выражаются эти различия, к примеру, в том, что, во-первых, в донациональную и раннюю национальную эпохи не существовало словарей и справочной литературы необходимого уровня, и переводчику приходилось полагаться на собственную память, знания, опыт. Во-вторых, не представляется возможным и целесообразным сравнивать квалификацию и уровень подготовки современных переводчиков и их предшественников в истории. И, в-третьих, не всегда возможно определить, является ли отдельный языковой факт в тексте перевода ошибкой / неточностью переводчика, или он обусловлен этапом развития ПЯ. Еще одно ограничение заключается в том, что в ходе анализа переводов различных периодов истории английского языка мы будем стремиться обращать наше внимание только на различные аспекты процесса и результата перевода, по возможности исключая из рассмотрения те различия в языковой стороне текстов, которые были обусловлены разными этапами развития языка и, следовательно, относятся более к истории языка. И, наконец, хотелось бы отдельно указать, что любое понимание и трактовка мировоззрения, обстановки древней эпохи не лишено некоторой доли субъективизма. Иными словами, отказываясь от подхода к историческим периодам с современными мерками, мы не можем ни полностью погрузиться в атмосферу древности, ни до конца понять и прочувствовать ее, от чего и возникает известного рода субъективный

подход. Таким образом, наше исследование будет представлять собой лишь попытку к восприятию и обобщению того богатого наследия древних переводов, которое донесли до нас предшествующие поколения.

3.1. Христианизация языческого оригинала в переводе короля Альфреда

Одним из наиболее древних из дошедших до наших дней переводов сочинения Боэция “Об утешении философией” является перевод на древнеанглийский короля Альфреда, выполненный в конце IX века н.э. Как указывалось выше, чтобы лучше понять и оценить стратегию конкретного перевода, необходимо обратиться к более широкому прагматическому контексту ситуации создания этого труда.

Король Альфред (849 – 901) имел возможность заниматься литературной и переводческой деятельностью лишь в течение восьми-девяти лет с 884 по 892 в непродолжительный мирный период времени среди бесконечных военных походов и нападений иноплеменников. Кроме того, по свидетельству хроник, “из-за прискорбной небрежности его родителей или воспитателей, он оставался неграмотным до 12 лет или даже старше” [Giles, 1969. с. 32], хотя без сомнения, от природы он был наделен богатыми литературными дарованиями. Впоследствии король Альфред сожалел, что когда он был молод и имел достаточно времени и желания учиться, то не оказалось рядом с ним образованных людей, чтобы научить его, когда же он спустя много лет пригласил к себе ученых мужей из других стран, то уже не мог уделять время наукам из-за болезни и множества государственных дел. Такой упадок образованности в стране, что даже самому будущему королю не нашлось достойного учителя, побудил Альфреда собрать вокруг себя кружок ученых сподвижников и обратиться к переводу на древнеанглийский лучших образцов античной литературы. Однако, не полагаясь вполне на свое знание латыни, король Альфред

поручил написать подстрочник к сочинению “Об утешении философией” своему другу и сподвижнику епископу Эссеру и по нему составил два варианта перевода: один целиком в прозе, другой передавал лишь некоторые метры Боэция стихом в духе англосаксонской поэзии [Tupper, 1969].

Сохранившиеся древнеанглийские рукописи хранятся в Оксфорде. В 1698 году, как указывают современные издания, исследователь текстов Ролинсон составил точную транскрипцию перевода короля Альфреда, а другой выдающийся лингвист того времени, Джуниус подготовил специальные шрифты, и так впервые древнеанглийский текст был издан в Англии. В 1829 году перевод короля Альфреда был переиздан Кардэйлом с добавлением подстрочника на современном английском языке. В своем исследовании мы обращались к изданию Самуэля Фокса, 1901, в котором он воспроизводит вышеупомянутый древнеанглийский текст с собственным современным английским подстрочником, примечаниями и словарем. Наш выбор издания Фокса был обусловлен не только доступностью, но и тем фактом, что в полном собрании трудов короля Альфреда на современном английском языке также использован подстрочник С.Фокса.

Язык перевода представляет собой уэссекский диалект древнеанглийского языка, который заложил основу формирования наддиалектного литературного койне [Ярцева, 1985]. Что касается жанрово-стилистической принадлежности перевода, то следует учесть, что у короля Альфреда почти не было сложившихся образцов литературных жанров. Как было отмечено в предыдущей главе, литература большинства языков начиналась с развития поэзии и только затем уже прозы, поэтому это представляло определенные сложности для древнеанглийских прозаических переводов. И хотя в эту эпоху уже, безусловно, существовали религиозно-дидактические сочинения и хроники, однако при переводе Боэция королю Альфреду пришлось самому создавать образец нового жанра.

Поскольку прозаический перевод является наиболее полным по сравнению со стихотворным переводом отдельных метров Бозция, а также отвечает заданным параметрам объектов нашего исследования, как прозаический нерелигиозный текст, в данной работе мы будем рассматривать только его, оставив в стороне поэтический перевод для последующего изучения.

Итак, в своем прозаическом переводе король Альфред не сохраняет структурную организацию оригинала, но разбивает собственный текст не на книги, а на главы с предварительным кратким содержанием каждой из 42-х глав. Начинает он данный труд с небольшого вступления, которое условно можно назвать кратким программным прологом переводчика, где он сообщает о себе в третьем лице, что был переводчиком данной книги, и пишет⁶: “... hwilum he sette word be worde. hwilum andƷit of andƷite. swa swa he hit Ʒa sweotolost & andƷitfullicost Ʒereccan mihte for Ʒaem mislicum & maniƷfealdum weoruld biƷƷum Ʒe hine oft æƷƷer Ʒe on mode Ʒe on lichoman biƷƷodan” (Alfred, 1). /Иногда он передавал слово словом, иногда – значение значением, когда он мог как можно проще и как можно яснее объяснить его, ведь различные и многочисленные повседневные дела часто отвлекали его перо и разум (перевод наш – К.Т.)/ Такое заявление переводчика является немаловажным для нас, так как сопоставление результата перевода и первичной установки поможет понять мотивацию конкретных переводческих решений и на основе этого выявить общую стратегию перевода.

Далее король Альфред дает краткое содержание всех 42-х глав, которые в совокупности составляют прозаический перевод пяти книг сочинения Бозция “Об утешении философией”. И здесь особенно интересно обратить внимание на первые несколько глав, которые раскрывают сущность переводческого замысла:

“I. Ærest hu Ġotan ƶewunnon Romana rice. & hu Boetius hi wolde berædan.
& Deodric Ða Ð anfunde. and hine het on carcerne ƶebrinƶan.

II. Hu Boetius on ðam carcerne his sar seofiende wæs.

III. Hu se Wisdom com to Boetie ærest inne on Ðam carcerne. & hine onƶan
frefrian.” (Alfred, 1)

/I. Сперва, как готы завоевали империю римлян, и как Боэций желал
освободиться от них, а затем Теодорик узнал об этом и отдал приказ
заключить его в темницу.

II. Как Боэций в тюрьме сокрушался о своей тяжелой доле.

III. Как мудрость впервые явилась Боэцию в тюрьме и начала утешать
его (перевод наш – К.Т.)/

Очевидно, что первая глава является той важной частью переводческой
адаптации оригинала к культуре ПЯ, где читателю сообщается о том, кто
был Боэций, в какое время он жил и почему был казнен. Однако данное
краткое содержание первой главы повествует о том, что Боэций якобы
стремился к свержению власти остроготтов, что в свою очередь должно
противоречить утверждениям самого автора в его автобиографическом
сочинении. Чтобы исключить возможность трактовки этой фразы, как
переводческой ошибки, надо обратиться непосредственно к самой первой
главе. Здесь следует обратить особое внимание на описание личности
Теодорика и историю казни самого Боэция. В первой главе король Альфред
пишет: “ ...se Deodric wæs Amulinƶa. he wæs Cristen. Ðeah he on Ðam
Arrianiscan ƶedwolan ðurhwunode” (Alfred, 2) /Теодорик был из рода
амалиев, он был христианином, но упорствовал в арианской ереси (перевод
наш – К.Т.)/ Итак, король Альфред интерпретирует личность императора
Теодорика в сугубо религиозном ключе, как явствует, во-первых, из
центрального во всем описании момента о еретическом характере веры

⁶ Древнеанглийский текст здесь и далее приведен нами с использованием современного шрифта.

Теодорика. Возможно, данные сведения о Теодорике король Альфред получал из некоего доступного в его время источника, который вполне мог носить религиозный характер. Однако для нас важен сам факт предпочтения переводчиком такого источника перед оригиналом, где автор ни разу не упоминает, каких убеждений и верований был император, т.е. для задуманного автором коммуникативного эффекта сочинения “Об утешении философией” не являлось принципиально важным, был ли Теодорик арианином или ортодоксом. Между тем очевидно, что любой элемент прагматической адаптации оригинала к культуре ПЯ ориентирован прежде всего на рецептора перевода, и в данном случае это означает, что король Альфред заранее давал установку читателю на интерпретацию текста перевода в религиозном ключе.

Исходя из этого, вновь вернемся к уже упомянутому противоречию в истории жизни Боэция, когда автор в оригинале отрицал какое-либо стремление свергнуть господствующий в его время режим, а переводчик, напротив, уже в кратком содержании первой главы ясно указывал на подобную попытку со стороны Боэция. Для ответа на вопрос, чем это могло быть вызвано, обратимся к тому описанию жизни автора, которое предлагает читателю король Альфред в первой главе своего перевода: “*Ða wæs sum consul. Ð we heretoha hataÐ. Boetius wæs haten. se wæs in boccræftum & on woruld Ðeawum se rihtwisesta. Se ða onƷeat Ða maniƷfealdan ýfel Ðe se cýninƷ Ðeodric wiÐ Ðam Cristenandome & wiÐ Ðam Romaniscum witum dýde. he Ða Ʒemunde ðara eÐnessa & Ðara ealdrihta ðe hi under ðam Caserum hæfdon heora ealdhlafordum. Ða onƷan he smeaƷan & leorniƷan on him selfum hu he Ð rice ðam unrihtwisan cýninƷe aferran mihte. & on rýht Ʒeleaffulra and on rihtwisra anwald ƷebringƷan. Sende Ða diƷellice ærendƷewritu to Ðam Casere to Constantinopolim. Ðær is Greca heah burƷ & heora cýnestol. for Ðam se Casere wæs heora ealdhlaford cýnnes. bædon hine Ðæt he him to heora Cristendome & to*

heora ealdrihtum Ʒefultumede. Ða Ƴ onƷeat se wælhreowa cýning Ʒeodric. Ða het he hine Ʒebringan on carcerne & wær nine belucan.” (Alfred, 2) /В то время жил один консул, что мы называем херетоха, по имени Боэций. Он был самым сведущим в книжном учении и в мировых делах. И он заметил то многочисленное зло, которое король Теодорик причинял христианству и римским сенаторам. Тогда он вспомнил об известных и древних правах, которые они имели при кесарях, их древних правителях. Затем он начал узнавать и размышлять в себе, как он мог избавить царство от нечестивого короля и передать его под власть верных и праведных мужей. Поэтому он втайне посылал письма кесарю в Константинополь, который есть главный город греков, и там живет их король, потому что этот кесарь был наподобие их древних правителей; они умоляли его, чтобы он пришел к ним на помощь из уважения к их христианской вере и древним правам. Когда жестокий царь Теодорик узнал об этом, он отдал приказ заточить его в тюрьму и заключить в темнице. (перевод наш – К.Т.)/ Для современного сознания подобные действия императора Теодорика могут показаться вполне оправданными, когда он пресек действия государственного деятеля, который вел тайные переговоры с главой соседнего государства для смены власти в своей стране. Однако переводчик IX века, как показывает приведенный отрывок, рассматривал эти события исключительно с позиции церкви. Данное описание тюремного заключения Боэция носит определенно религиозный характер, что подтверждают постоянные упоминания христианства, верности и праведности императора Юстиниана, и нечестивости Теодорика. Все это в совокупности с явно негативным образом еретического короля остроготов должно было настроить получателя перевода на восприятие текста с точки зрения христианской религии. А тогда переписка Боэция с греческим императором становится единственно верным и правильным шагом: ведь этим он добивался избавления от господствующей ереси и утверждения истинной веры, а

значит его тюремное заключение и казнь следует рассматривать как мученичество.

Нам известно, что история личности Боэция имела две различные трактовки: как античного ученого-эрудита и государственного деятеля, и как святого Северина. Из приведенных выше эпизодов следует, что король Альфред еще до начала непосредственно перевода ориентирует читателя именно на церковный авторитет Боэция, что ясно доказывает первая глава, написанная самим переводчиком и выражающая его установку на получателя. Учитывая это, несложно понять и объяснить то возникшее противоречие между утверждением автора в оригинале о своей непричастности к переписке с Константинополем и историей, приводимой переводчиком в переводе. Ясно, что если Боэций никогда не пытался вступить в тайный контакт с императором Юстинианом, то чем тогда можно доказать его борьбу за истинную христианскую веру против еретика-арианина. Тогда религиозная роль Боэция потеряла бы свой смысл, с чем не мог согласиться переводчик IX века, который сделал церковный авторитет святого Северина своим главным приоритетом в переводе. А отрицание этих фактов самим Боэцием король Альфред, возможно, воспринял не буквально, а иносказательно, хотя в этом отношении мы можем лишь строить предположения. Таким образом, анализ первичной прагматической адаптации сочинения Боэция “Об утешении философией” к древнеанглийской культуре показывает, что переводчик воспринимал личность автора и его жизнь исключительно в религиозном понимании и подобным же образом интерпретировал его коммуникативную интенцию, а, следовательно, с самого начала стремился ориентировать читателя на восприятие Боэция как церковного авторитета.

Обратимся теперь к самому тексту перевода и посмотрим, как король Альфред продолжает линию христианизации языческого оригинала. Первое и главное, что обращает на себя внимание, это то, что в переводе на древнеанглийский Боэцию является не Философия, а Божественная

Мудрость, о чем было сказано в кратком содержании третьей главы. Вот как об этом пишет переводчик: “Ða ic Ða ðis leoÐ. cwæð Boetius. Ʒeomriende asuƷen hæfde. Ða com Ðar Ʒan in to me heofecund Wisdom. & Ð min murnende Mod mid his wordum ƷeƷrette. & Ðus cwæÐ.” (Alfred, 4) /...когда я, говорил Боэций, в скорби сочинял эту песнь, тогда пришла ко мне божественная мудрость и приветствовала мой печальный разум такими словами, и сказала так ... (перевод наш – К.Т.)/ При сравнении этого отрывка с эпизодом явления Философии Боэцию, приведенным выше, становится очевидно, что, превращая языческую Философию в христианскую Божественную Мудрость, король Альфред опускает весь лирический образ и его символизм, а вместе с этим и важные денотативные и коннотативные компоненты содержания оригинала. Возможно, из-за таких “пропусков” отдельных отрывков латинского сочинения ряд исследователей классифицируют перевод короля Альфреда как “вольный с опущениями и дописками” [Семенец, Панасьев, 1989. с. 106]. Оценка любого перевода как вольного означает признание его, по выражению А.Д. Швейцера, “перетрансформированным” и, как следствие, отступающим от того уровня эквивалентности, которого “возможно достичь при данных условиях переводческого акта” [Комиссаров, 2002. с. 148] /подчеркнуто нами – К.Т./. Однако, когда подобная оценка распространяется на древнеанглийский перевод IX века, для нас представляется очевидной ее несправедливость, так как в ней как раз не были учтены вышеупомянутые прагматические условия создания перевода короля Альфреда. Одно из них состояло в том, что история личности Боэция сочетала в себе несовместимое: античного автора языческого оригинала и христианский идеал святого Северина. Очевидно, что переводчик IX века не мог отразить обе ипостаси взаимоисключающего характера, поэтому, определив в качестве приоритета религиозную составляющую, король Альфред последовательно производил необходимую прагматическую адаптацию текста перевода. И с этой точки

зрения, подобное перевоплощение античной Философии в древнеанглийскую “*heofecund Wisdom*” /Божественную Мудрость/ является логическим продолжением христианизации языческого оригинала, начатой переводчиком в первой главе в описании исторического контекста создания автором данного сочинения. Далее мы попытаемся показать, что, принимая конкретные переводческие решения на разных уровнях, переводчик IX века руководствовался прагматической целью христианизации языческого оригинала исходя из религиозного сознания общества Средних веков.

В целом едва ли какие-то лингвистические факторы препятствовали более близкой передаче оригинала. Синтаксический уровень не мог представлять большой сложности для переводчика с латинского на древнеанглийский, так как оба языка являются синтетическими с относительно свободным порядком слов, зависящим скорее от логических и стилистических факторов, чем от грамматических предписаний. Как было указано, текст Боэция насыщен различными формами конъюнктива, и хотя в древнеанглийском конъюнктив бывает только настоящего и прошедшего времени, однако почти также как и в латинском он употребляется в придаточных времени, условия, следствия и для передачи косвенной речи. Сложные синтаксические конструкции, соответствующие латинскому *Accusativus cum infinitivo*, встречаются еще в Беовульфе. Возможно, что такие древнеанглийские формы и конструкции были не столь частотны, как в латинском, но нельзя исключать тот факт, что в переводной литературе они могли встречаться гораздо чаще. Все это в совокупности означает, что при переводе сочинения Боэция король Альфред мог отчасти сохранить синтаксис оригинала, однако он отказался от этого, построив свой перевод совсем иначе.

На уровне семантики, как показывает анализ текста Боэция, оригинал изобиловал различными античными реалиями, совершенно неизвестными современникам короля Альфреда, особенно если вспомнить тот низкий уровень образованности даже в высших слоях общества, на который

ссылался сам король. Сохранить все или большинство таких реалий в переводе на древнеанглийский означало бы наполнить текст перевода пояснениями, примечаниями, сносками, что существенно затруднило бы его восприятие. Косвенным подтверждением подобной сложности при переводе могут служить разъяснения короля Альфреда в написанной им самим первой главе таких простых реалий, как географическое положение Италии, Константинополя; должность кесаря. Ср.: “Italia rice ƿ is betwux ƿam muntum & Sicilia” /Италия, страна которая между горами и Сицилией/; “Caserum heora ealdhlafordum” /кесари, их древние правители/. Если переводчик IX века считал необходимым пояснять для своих современников такие простые вещи, то трудность передачи других культурных реалий (praetor, censor, coemptio, Pons), которыми изобилует оригинал, становится очевидна. Однако известно, что проблемы перевода культурных реалий возможно разрешить на более высшем прагматическом уровне. А как показал анализ введения и первых страниц перевода, король Альфред, с одной стороны, осознавал сложности перевода, возникавшие из-за различия культур ИЯ и ПЯ, и, с другой стороны, владел некоторыми приемами прагматической адаптации оригинала к среде ПЯ. Действительно, когда Боэций в своем сочинении сравнивает философские положения с движением небесных светил, которые автор описывает на основе античной астрономии и мифологии, переводчик IX века в своем переводе апеллирует к фоновым знаниям читателей о древнеанглийской мифологии, где солнце всегда было женского рода, а луна – мужского. Например:

латинский оригинал Боэция	древнеанглийский перевод короля Альфреда
O stelliferi conditor orbis, Qui perpetuo nixus solio Rapido caelum turbine versas, Legem(que) pati sidera cogis, Ut nunc pleno lucida cornu,	Eala ƿu scippend heofones & eorƿan. ƿu ðe on ƿam ecan setle ricsast. ƿu ƿe on hrædum færelde ƿone heofon ymbhweorfest. & ða tunȝlu ƿu ȝedest be zehvrsume & ba sunnan bu zedest

<p>Totis fratris et obvia flamis, Condat stellas Luna minores, Nunc obscuro pallida cornu, Phoebo proprior, lumina perdat. (Boethius, lib. I, m. v)</p>	<p>ƿe Ʒehyrsume. & ƿa sunnan ƿu Ʒedest ƿ heo mid heore beorhtan sciman ƿa ƿeostre adwærċƿ wære sweartan nihte. swa des eac se mona mid his blacan leohte ƿæt ƿa beorhtan steorran dunniaƿ on ƿam heofone. Ʒe eac hwilum ƿa sunnan heore leohtes bereafaƿ ƿonne he betwux us & hire wyrƿ. (Alfred, 6-8)</p>
---	--

В таблице выделены древнеанглийское личное местоимение 3-го лица ед. ч. женского рода “heo” (она), относящееся к существительному “sunnan” (солнце); и притяжательное местоимение 3-го лица ед. ч. мужского рода “his” (его), относящееся к существительному “mona” (луна); а также последняя фраза “ƿonne he betwux us & hire wyrƿ” (когда он /луна/ находится между нами и ней /солнцем/). Обращает на себя внимание довольно близкое следование оригиналу в приведенном отрывке перевода. Так, латинскую первую строку поэтического метра “o stelliferi conditor orbis” (о создатель усеянного звездами небосвода) король Альфред переводит как “eala ƿu scippend heofones & eorƿan” (о ты, создатель неба и земли). Далее латинский текст “qui perpetuo nixus solio rapido caelum turbine versas” (покоящийся на вечном престоле, ты вращаешь небо быстрым кругом) древнеанглийский переводчик передает как “ƿu ðe on ƿam ecan setle Ʒicsast. ƿu ƿe on hrædum færelde ƿone heofon ymbhweorfest” (ты, который правит на вечном престоле, ты, который быстрым вращением поворачивает небо) и т.д. Такое обращение к создателю неба и земли, как и вся поэтическая интерпретация роли и функции Бога во вселенной, как это описывает античный оригинал Боэция, не противоречили христианской трактовке, поэтому король Альфред довольно близко воспроизводил текст оригинала в переводе. Здесь необходимо вспомнить о переводческом

прологе, где переводчик утверждал, что по возможности передавал то слово словом, то значение значением и объяснял его. В совокупности с приведенным примером это показывает его стремление к точному воспроизведению оригинала настолько, насколько это не противоречило поставленной им сверхзадаче по христианизации языческого текста. Вот другой пример, приведенный в виде таблицы, с подстрочником на русском языке:

латинский оригинал Боэция	древнеанглийский перевод короля Альфреда
<p>Carmina qui quondam studio florente peregi, Flebilis, heu, maestos cogor inire modos. Ecce mihi lacerae dictant scribenda Camenae, Et veris elegi fletibus ora rigant. (Boethius, lib I. m. i) /Песни, которые некогда я сочинял с большим усердием, Теперь я, увы, жалкий вынужден взяться за скорбные размеры. Вот мне истерзанные Камены диктуют то, что должно быть написано,</p>	<p>Ðā liod þe ic wrecca Ʒeo lustbærlice sonƷ. ic sceal nu heofiende sinƷan. & mid swiþe unƷeradum wordum Ʒesettan. þeah ic Ʒeo hwilum Ʒecoplice funde. ac ic nu wepende & Ʒisciende of Ʒeradra worda misfo. (Alfred, 4) /Песни, которые я, изгнанник, некогда с радостью пел, теперь я, скорбный, буду петь и неподходящими словами составлять. Хотя я раньше с готовностью сочинял, теперь же я, плачущий и рыдающий, отхожу от нужных слов.</p>

И орошают лики горькими рыданиями элегии. (перевод наш - К.Т.)/	(перевод наш – К.Т.)/
---	-----------------------

Как видим, переводчик предлагает вариант довольно близкий оригиналу, как бы придерживаясь своего заявления в программном прологе. Из перевода данного отрывка явствует, что король Альфред прекрасно понимал текст оригинала, однако как и во многих других случаях он опускает в переводе мифологический образ Камен и латинские литературно-поэтические понятия “размер”, “элегия”, как культурные реалии, чуждые получателю на ПЯ. Это еще раз показывает, что переводчик IX века имел возможность и стремился точно воспроизвести оригинал, но проверял правильность каждого конкретного своего решения на уровне прагматики, т.е. с точки зрения его соответствия избранной стратегии перевода. Косвенным подтверждением понимания античного сочинения королем Альфредом может служить тот факт, что при переводе он пользовался подстрочником Эссера и консультировался с ним самим, поэтому объяснить переводческие замены и опущения ошибкой или неверным толкованием текста едва ли возможно.

Важно также подчеркнуть, что король Альфред пытался передать художественно-поэтический характер оригинала в переводе. Согласно описанию Дж. К. Адамса (см. гл. 1), древнеанглийский текст также имеет прагматическую структуру художественного произведения, когда Божественная Мудрость и Боэций-рассказчик образуют внедренный контекст в коммуникативной ситуации между Боэцием-автором и древнеанглийским читателем. Переводчик достигает этого путем повествования от первого лица и постоянных ссылок на Боэция, как на автора: “Ða ic... swæð Boetius” /когда я, говорит Боэций/ или “Ða eode se Wisdom near. swæð Boetius...” /тогда подошла Мудрость ближе, говорит Боэций.../. При этом отличительной чертой перевода IX века, с точки зрения стиля, является определенное опрощение художественных образов

или иными словами обнажение их внутренней формы, что достигается либо путем опущения мифологического персонажа вообще, как, например, Камены, либо путем снятия символизма с образа, как, например, в описании Философии как Божественной Мудрости. Еще одним примером, подтверждающим такое опрощение образов, является эпизод обращения Философии к поэтическим музам в переводе на древнеанглийский: “*Ða clipode se Wisdom & cwæþ. Gewitaþ nu awerȝede woruld sorȝa of mines Beȝenes Mode. forþam ȝe sind þa mæstan sceapān. Lætaþ hine eft hweorfan to minum larum.*” (Alfred, 4) /Тогда Мудрость обратилась и сказала: Отойдите сейчас же вы, презренные мирские заботы, от разума моего ученика, так как вы есть величайшие враги. Дайте ему снова обратиться к моим поучениям. (перевод наш – К.Т.)/ Здесь, как мы видим, нет ни хора Камен или поэтических муз (где идея хора была взята автором из античных трагедий), ни Сирен, а “театральные блудницы” в оригинале превращаются в “презренные мирские заботы” в переводе. В целом, сравнивая данный отрывок из древнеанглийского перевода с соответствующим эпизодом в сочинении Боэция (см. анализ оригинала), можно сказать, что переводчик передает общее содержание оригинала, опуская при этом важные денотативные и коннотативные элементы текста. И такое сохранение общей направленности сочинения, т.е. попытка передать коммуникативную интенцию автора в переводе без сохранения авторских способов ее передачи, и приводит, по нашему мнению, к некоторому опрощению авторского замысла в переводе. Подобные действия переводчика IX века, возможно, были обусловлены большим различием культур ИЯ и ПЯ, а также разрывом в уровне знаний современников Боэция и английского общества на рубеже I – II тысячелетий.

Таким образом, анализ древнеанглийского перевода короля Альфреда демонстрирует дифференцированный подход переводчика к воспроизведению разных частей содержания оригинала: те элементы,

которые не соответствовали христианской трактовке личности Боэция (языческий образ Философии, история доноса на “последнего римлянина”), король Альфред опускает в переводе, а те элементы, которые не вступали в противоречие с христианским мировоззрением, переводчик IX века стремился по возможности точно воспроизвести в тексте перевода. Объяснение такому дифференцированному подходу короля Альфреда мы находим в широком культурно-историческом контексте эпохи создания данного перевода. Древнеанглийский перевод “Об утешении философией” Боэция был выполнен королем Альфредом наряду с такими работами, как “Монологи”, “О видении Бога” Августина Блаженного, “Обязанности пастыря” папы Григория I. Подобный выбор произведений для перевода был обусловлен, с одной стороны, религиозным сознанием английского общества IX века и, с другой стороны, необходимостью дальнейшего укрепления позиций церкви и государства трудами правящего монарха – короля Альфреда. Поэтому канонизация святого Северина, состоявшаяся на рубеже VIII – IX веков, пробудила интерес к его жизни и творчеству. Для короля Альфреда, человека глубоко верующего, не раз посещавшего с паломничеством Рим и основавшего монастыри у себя на родине, христианский авторитет Боэция лег в основу прагматической мотивации перевода. Такой подход объясняет все те пояснения и опущения переводчика, из-за которых древнеанглийский перевод часто несправедливо называют вольным (подчеркнуто нами – К.Т.). Ведь для религиозного сознания IX века личность Боэция и его произведение могли рассматриваться только с позиции церкви. Исходя из этого король Альфред определил в качестве сверхзадачи христианизацию языческого оригинала в переводе. Стратегия по реализации такой цели заключалась в последовательной прагматической адаптации античного сочинения с учетом христианского получателя перевода. К примеру, в древнеанглийском тексте отсутствует история доноса на Боэция, занимающая почти треть первой книги. Король Альфред не мог сохранить автобиографический характер

произведения, так как, во-первых, это означало бы введение в текст и объяснение большого количества чуждых англосаксонской культуре реалий. Во-вторых, описание событий из жизни автора могло воспрепятствовать достижению коммуникативного эффекта, который заключался в том, чтобы подчеркнуть извечное утверждение о превосходстве духовного над материальным, божественного над земным, о высшем предназначении человека, независимо от времени, места и условий его жизни. И, наконец, самая главная причина подобного опущения состояла в том, что в сознании современников Альфреда святой Северин пострадал от еретика-арианина, исповедуя истинную веру, а значит, подробности доноса на него не имеют большого значения. Соответственно те части содержания оригинала, которые могли быть восприняты христианским получателем перевода как доказательство веры святого Северина, король Альфред воспроизводил по возможности близко к тексту оригинала.

Итак, перевод “Об утешении философией” на древнеанглийский язык, выполненный королем Альфредом в IX веке, является для той эпохи образцом правильно выбранной переводческой стратегии, когда переводчик стремится воспроизвести прагматический потенциал оригинала в переводе, проверяя верность каждого своего решения с позиций прагматики. Перенос античного философско-светского сочинения на религиозно-христианскую почву с соответствующими преобразованиями замысла автора – явление невозможное для современного перевода, однако весьма оправданное с точки зрения религиозного сознания IX века. Именно благодаря установке на христианского получателя, с учетом его мировоззрения и фоновых знаний, коммуникативный эффект перевода короля Альфреда соответствовал насколько возможно коммуникативной интенции автора. Произошло своего рода смещение целевой установки, но именно это и сделало данный перевод прагматически адекватным. Таким образом, утверждение о “вольности” данного перевода представляется ошибочным,

так как при этом не была учтена коммуникативная ситуация в Англии IX века.

3.2. Перевод как источник творчества

Джефффри Чосера

Джефффри Чосер (1340? – 1400), великий поэт и один из первых национальных писателей Англии, явился в непростое время для своей страны, а в особенности для ее языка и культуры: во многих сферах царило смешение стилей, средств, традиций, а сама страна была, скорее, провинцией европейской цивилизации. Лондон второй половины XIV века не насчитывал и 40 000 жителей, а второй по величине город Кент имел около 20 000 населения (для сравнения, в Париже того времени проживало более 80 000 человек). Но гений Чосера оценивается не только по сравнению с его эпохой, но, главное, по его великому вкладу в формирование общенационального языка и литературы, по созданию бессмертных литературных произведений, по его бесконечной преданности своей стране, ее традициям и культуре. Не случайно спустя три столетия в 1700 году Джон Драйден назвал Чосера “отцом английской поэзии”, к которому он относится “с таким же благоговением, как греки к Гомеру, или римляне к Вергилию” [цит. по: Geoffrey Chaucer. A critical anthology, 1969. с. 63 – перевод наш К.Т.].

Родился Джефффри Чосер в Лондоне приблизительно в 1342 – 1343 гг. [Britannica] в семье процветающего виноторговца и поставщика королевского двора. Такое положение его отца обеспечило Чосеру место пажа у графини Елизаветы Алстерской, родственницы Эдуарда III. В подобном окружении будущий поэт получил надлежащее образование и завязал связи для дальнейшей карьеры; известно, что он свободно владел французским, а также знал латынь и итальянский. В 1359 году, сражаясь в армии Эдуарда III во Франции, Чосер был взят в плен, но король выкупил его и поставил на дипломатическую службу, которую он нес в течение 10 лет, возглавляя миссию в Испании и исполняя поручения в Италии, Фландрии и Франции. В 1366 году Чосер женился, как полагают, на

Филиппе Пэн, которая также служила у графини Елизаветы Алстерской. В 1374 он был назначен инспектором таможни лондонского порта по сборам с шерсти и кожи и поселился в башне над Олдгейт в Лондоне, где написал ряд своих известных произведений. В 1386 году был членом парламента. В конце жизни в 1391, уже овдовев, он заступил на должность помощника лесничего в королевском парке графства Сомерсет. Скончался Джеффри Чосер 25 октября 1400 года и был похоронен в Вестминстерском Аббатстве, что было особой почестью для представителя среднего класса. С тех пор Англия помнит и чтит заслуги Чосера не только как дипломата и государственного служащего, но как великого национального поэта. “Поэт и паж офранцуженного двора, сам француз по имени, которого Эсташ Дешан именует “благородным Жефруа Шосье”, почтительный ученик Овидия и Гомера, которого король в своих указах именует по-латыни “слуга наш армигер Гальфридус Чаусер”... - он рано осознал себя английским писателем – Джеффри Чосером. Он с самого начала просто и уверенно стал писать на родном английском языке,” – справедливо заметил комментатор и переводчик И.А. Кашкин [цит. по: Чосер, 1996. с. 828].

Творческое наследие Чосера достаточно обширно и включает в себя поэмы (в предположительном порядке написания [Britannica]): “На смерть герцогини Бланш”, “Храм славы”, “Птичий парламент”, “Троил и Хризеида”, “Легенда о славных женах”, “Кентерберийские рассказы”; стихотворения “Анелида и Арцит”, “Жалоба пустому кошельку”, “Правда”, “Благородство”, “Фортуна”, “Великое шатание”, “Былой век”; а также прозаические переводы сочинения Бозция “Об утешении философией” и “Трактата по астролябии” Мессахаллы. Понять и по достоинству оценить как литературное наследие, так и переводческую деятельность любого национального гения эпохи Средневековья возможно, на наш взгляд, при рассмотрении его творчества в контексте исконной культурной среды, взрастившей его, с одной стороны, и влияния на него европейской традиции, с другой стороны, так как именно этими факторами во многом

определялся как выбор идей, сюжетов, стилей и средств выражения в авторских сочинениях, так и выбор переводческой стратегии и ее реализация в переводе.

После Норманнского завоевания 1066 г. древнеанглийский язык, самый развитый национальный язык в северной Европе, был вытеснен из высших сфер общественной жизни французским и латинским. Как следствие этого были утеряны некоторые только зарождавшиеся поэтические и в особенности прозаические жанры, термины искусства и управления, многие абстрактные понятия и обобщающие наименования, - все, что Д.С. Бруер называет “культурной сверхструктурой” [Brewer, 1967]. Разрыв между древне- и среднеанглийским был настолько сильным, что ряд лингвистов, как показывает В.Н. Ярцева [указ. соч.], подняли вопрос об отсутствии преемственности между этими “языками”. Не разделяя столь крайнюю точку зрения, следует указать на вполне обоснованную позицию как В.Н. Ярцевой, так и Д.С. Бруера, что к XIII веку среднеанглийский язык, хотя и сильно обеднённый по сравнению с древнеанглийским, вновь встал на путь пополнения всех сфер и обогащения новыми идеями, терминами, абстрактными понятиями, “которые были встроены в сохранившийся основной язык и приспособлены к его целостной, хотя и изменяющейся, сущности” [Brewer, 1967. с. 9 – перевод наш К.Т.]. Результатом явилось развитие литературы: ко времени Чосера на севере и на западе Англии вновь расцвела аллитерационная поэзия, а на юге и на востоке страны более популярными стали так называемые рифмованные романы, на которых, как убедительно доказывает Д.С. Бруер, воспитывался юный Чосер, и которые послужили первым источником его литературного вдохновения. (Термин “рифмованные романы” (rhyming romances) употреблен согласно Д.С. Бруеру для называния исконного англосаксонского поэтического жанра в противовес французскому термину “куртуазная поэзия”). Однако эти национальные жанры ещё не обладали ни интеллектуальным потенциалом, ни глубиной познания, ни литературным

статусом, как в более развитых национальных литературах других стран Европы. Поэтому столь велика роль Чосера не только в развитии и упрочении позиций родного языка, но и в заимствовании и укоренении на английской почве черенков французской, итальянской, классической римской и средневековой латинской литературы. “Правда заключается в том, что Чосер унаследовал определенный английский стиль, который он обогатил своими заимствованиями из французского, итальянского и латинского” [Brewer, 1967. с. 1 –перевод наш К.Т.]. Чтобы проследить этот процесс обогащения английской культуры через деятельность Чосера в ней, рассмотрим жизнь писателя относительно культурных и исторических событий XIV века, приведенных в таблице⁷:

год	события жизни Чосера	культурные события	исторические события
1300		рождение Машо	
1304		рождение Петрарки	
1313		рождение Боккаччо	
1320		рождение Виклифа	
1321		смерть Данте	
1326		рождение Тревизы	
1327			коронация Эдуарда III
1330		рождение Гауэра	
1337			начало Столетней войны с Францией
1340		создание Очинлекской рукописи рифм. романов	
1342	рождение Чосера		
1348-		создание “Декамерона”	
1358		Боккаччо	
1359-	военная служба, плен,		
1360	выкуп из плена		
1362		создание рукописи “Видение о Петре-пахаре”	
1366	миссия в Испанию		
1369			эпидемия чумы и смерть герцогини Бланш
1370		рождение Лидгейта	
1372	путешествие в Италию		
1374	инспектор таможни	смерть Петрарки	
1375		смерть Боккаччо	
1378	2 путешествие в Италию		коронация Ричарда II
1381			крестьянское восстание
1384		смерть Виклифа	

⁷ Приведено с сокращениями из сборника [Writers and their background: Geoffrey Chaucer, 1974].

1386	член парламента		
1391	помощник лесничего		
1399			убийство Ричарда II и коронация Генриха IV
1400	смерть 25 октября		

Все перечисленные события оказали как прямое, так и косвенное воздействие на литературную и переводческую деятельность Джеффри Чосера. Однако мы сознательно не указываем в таблице даты создания сочинений и переводов Чосера, так как в работах большинства исследователей его творчества встречаются существенные разногласия относительно датировки почти всех произведений поэта, за исключением, пожалуй, самой ранней поэмы “На смерть герцогини Бланш”, которая была написана вслед за трагическим событием в 1369 году. Между тем хронология оригинальных произведений и переводов Чосера (в особенности дата создания перевода Бозция “Об утешении философией”) является весьма важной для данного исследования как один из показателей роли перевода в творчестве поэта.

Проблема точной датировки и хронологии работ Чосера неразрывно связана с проблемой установления авторства произведений. “Работы Чосера, написанные еще до эры книгопечатания, дошли до нас в массе рукописей, выполненных, в основном, в столетие, последовавшее за его смертью. Ни один из этих текстов не написан рукой самого поэта, и, несмотря на большой объем работы с пером в руках, которого требовала от Чосера его должность на таможне, не было еще обнаружено ни единой строчки или даже подписи его рукой” [Hammond, 1933. с. 51 – перевод наш К.Т.]. Благодаря усилиям целого ряда исследователей в XIX- XX веках, как показывает Э.П. Хэммонд, перечень подлинных произведений великого английского поэта был определен почти полностью на основании совокупности факторов. Так, к примеру, факт перевода Чосером сочинения Бозция упоминается, во-первых, самим Чосером в Прологе к “Легенде о славных женах”, строке 405, где один из аргументов в защиту поэта перед

богом любви звучит так: “He hath in prose translatid Boece” (Он в прозе перевел Боэция) [цит. по: Hammond, 1933. с. 55]; во-вторых, “De Consolatione Philosophiae” в переводе Чосера указывается в каталогах рукописей Тинна 1542 г., Бэйля 1548 г., Лилэнда 1557 – 59 гг. [Hammond, 1933]. В-третьих, принадлежность данного перевода Чосеру, как и авторство его произведений были установлены при сравнительно-сопоставительном анализе различных рукописей XIV века по единству слога, языка, индивидуального стиля, используемых рифм и приемов стихосложения.

Естественно, что, установив подобным образом список подлинных произведений Чосера, исследователи рукописей были вынуждены применять совокупность косвенных (и некоторых даже относительных) факторов для определения хронологии работ. Согласно Э.П. Хэммонд, датирование сочинений Чосера производилось на основании следующих критериев: 1) упоминания в самом произведении какого-либо события или лица, или места, по отношению к которому можно установить примерную дату; 2) ссылки в одном сочинении на другие в предположительном порядке их создания; 3) намек поэта на свою молодость или старость; 4) тон сочинения, соответствующий событиям в жизни Чосера; 5) показатель зрелости или незрелости поэтического стиля, техники перевода, использование простых или сложных стихотворных форм; 6) смена поэтических моделей, например, с французских на итальянские. Неудивительно, что при очевидной спорности иных критериев датировки одной и той же работы у разных исследователей будут отличаться в пределах десятилетия. К примеру, самая ранняя дата перевода Боэция приводится в Оксфордском словаре английского языка как 1374 год, а самая поздняя – у Д.С. Бруера [Writers and their background: Geoffrey Chaucer, 1974] как 1382 – 85 гг. Другой исследователь рукописей Чосера и составитель полного собрания сочинений поэта - Вальтер Скийт - придерживается мнения, “что мы едва ли можем ошибиться в датировании

его (перевода) ... около 1377 – 1380; или, округляя, около 1380 или несколько раньше” [Skeat, 1926. с. хix – перевод наш К.Т.]. При изучении отдельных аспектов текста перевода такое различие в датах может оказаться значительным. Это касается, в первую очередь, вопроса лексических и семантических заимствований из языка оригинала, которыми так богат перевод Чосера. Как пишет Дж. Мерсэнд, “из всех слов, впервые встречающихся у Чосера в данной работе, 55 являются словами латинского происхождения; еще 20 прибавилось бы, если перевод был выполнен в 1374 году, как считают составители большого Оксфордского словаря” [Mersand, 1939. с. 67 – перевод наш К.Т.]. В статистическом отношении разница в цифрах весьма существенна.

Не имея перед собой ни цели, ни достаточных оснований оспаривать даты тех или иных исследователей, возьмем за основу критерий более соответствующий задачам нашей работы, а именно, критерий влияния на всех уровнях данного перевода на оригинальные произведения Чосера. Таким образом, мы будем рассматривать создание перевода Боэция не на временном отрезке, а в рамках творчества английского поэта относительно других его сочинений. И здесь периодизация литературной деятельности Чосера по источникам влияния на нее представляется особенно важной. Традиционно в творчестве Джеффри Чосера выделяют три основных периода [БСЭ]:

1. французский, названный так по причине сильного влияния на поэта французской куртуазной литературы. В этот период Чосер частично перевел “Роман о Розе” и написал в 1369 году свою первую поэму “На смерть герцогини Бланш” французской балладной октавой т.е. восьмистрочной строфой пятистопного ямба;
2. итальянский, связанный с неоднократными поездками Чосера в Италию, где, как предполагают, он не только познакомился с произведениями Данте, Боккаччо, но и, возможно, встречался с самим Петраркой. Всё это дало богатый материал для творчества, и принято считать, что в этот

период Чосер написал все свои основные сочинения до “Кентерберийских рассказов”;

3. английский, условно названный так потому, что в нем отчетливо проступает уже сформировавшаяся индивидуальная “английская” манера Чосера, в которой написано, пожалуй, самое выдающееся произведение – “Кентерберийские рассказы”.

Что касается перевода Чосером сочинения Бозция “Об утешении философией”, то его следует отнести к концу первого, французского периода творчества по целому ряду причин. Во-первых, обращение Чосера к этому труду неразрывно связано с французской поэмой “Роман о Розе”, оказавшей длительное и многоплановое воздействие на всю европейскую литературную традицию [Brewer, 1967]. Поэма была начата Гильомом де Лори в начале XIII века и представляла собой прекрасную куртуазную любовную историю; впоследствии в 1270 году Жан де Мен продолжил незаконченную поэму, привнес в нее мотивы антиклерикальной сатиры, бытовой и социальной комедии, а также популяризованное научное знание и философские рассуждения, которые он во многом позаимствовал у Бозция. И это не случайно, так как сам Жан де Мен переводил “Об утешении философией” с латинского на французский, а Джефффри Чосер, как полагают, был знаком с французским переводом. В.Скийт выражает распространенную точку зрения, что “... “Об утешении философией” оказало вначале опосредованное влияние на Чосера, через использование этого сочинения Жаном де Меном в поэме, озаглавленной “Роман о Розе”, а также впоследствии – прямое воздействие через собственный перевод Чосером этого произведения” [Skeat, 1926. с. x – перевод наш К.Т.]. Таким образом, знакомство с трудом Бозция и пробуждение интереса английского поэта к нему произошло благодаря популярной в XIV веке французской поэме, а значит и перевод “Об утешении философией” на среднеанглийский становится неразрывно связан с французским периодом творчества Чосера. Во-вторых, еще одним доказательством отнесения этого перевода к началу

литературной деятельности Чосера служит тот факт, что все основные произведения поэта содержат в себе отчетливые следы воздействия на них сочинения Боэция, выражающиеся в идейных, сюжетных, фразовых и лексических заимствованиях, а также в прямых указаниях на “последнего римлянина”. “В конце концов, основной интерес в вопросе о чосеровском переводе Боэция представляет то влияние, которое этот труд оказал на его последующие работы, благодаря такому близкому знакомству с текстом, которое он через него приобрел. Я уже указывал, что нам не следует ожидать подобного влияния на его ранние работы; и что в случае поэмы “На смерть герцогини Бланш” это влияние было косвенным, через Жана де Мена. Но в других поэмах, а именно в “Троиле и Хризеиде”, “Храме славы”, “Легенде о славных женах”, некоторых балладах и в “Кентерберийских рассказах”, влияние Боэция прослеживается часто, и мы вполне можем предположить, что это влияние было прямым и непосредственным ...” [Skeat, 1926. с. xxvii – перевод наш К.Т.]. Это означает, что все основные произведения Чосера были написаны после его перевода Боэция (о чем единодушно свидетельствуют большинство исследователей [см. Brewer, 1967, 1969; Elliot, 1969; Machan, 1989]), и, соответственно, создание данного перевода предшествовало итальянскому и английскому периодам творчества.

Итак, перевод “Об утешении философией” предваряет основное творчество Чосера, а стимулом к его созданию послужила французская поэма “Роман о Розе” и перевод Жаном де Менем сочинения Боэция. Однако это была далеко не единственная причина, по которой Чосер решил лично приступить к переводу с латинского прославленного сочинения. Здесь следует вспомнить, что в Англии XIV века велись непрекращающиеся схоластические споры о божественном предопределении и свободе воли человека, т.е. если Бог предвидел все, то какое значение имеют действия и выбор личности, а если воля человека свободна, то что тогда предопределено Богом. В своем сочинении Боэций выражает доводами

Философии свое решение данной дилеммы, но, согласно Джеффри Шеперду [Shepherd, 1974], “Об утешении философией” не оказало заметного воздействия на логические и богословские диспуты. Однако Чосер не оставил без внимания мнение Боэция и по-своему откликнулся на актуальную для его времени дискуссию: в 4-ой книге поэмы “Троил и Хризеида” он вкладывает в уста Троила монолог о свободе воли и человеческом неведении предопределенного Богом будущего, который Чосер почти полностью позаимствовал из прозы III книги V своего собственного перевода Боэция. Как следует из сказанного, культурная мотивация Чосера к созданию этого перевода заключалась в том, что сочинение “Об утешении философией” предлагало переводчику “основные спорные вопросы, которые он представляет в форме вопроса, возражения и противопоставления, улавливая неуклюжим английским языком тон современной ему схоластической полемики” [Shepherd, 1974. с. 274 – перевод наш К.Т.].

Помимо культурной можно обозначить еще и литературную творческую мотивацию Чосера как национального писателя к созданию перевода сочинения Боэция. Сюжетная линия первых поэм “На смерть герцогини Бланш”, “Храм славы”, “Птичий парламент” основана на форме сновидения, как способе объединения и общения реального и воображаемого миров (по примеру “Романа о Розе”). А сочинение “Об утешении философией” представляет собой смешанную форму не только в плане чередования прозы и стихотворных метров, но и по развитию сюжета. “Боэций показал, как в художественном стиле возможно серьезное понимание отношений между неизменным и преходящим мирами, и как художественный персонаж, Философия, может быть главной героиней, которая участвует в обоих мирах, и в то же время, разгневанная или нежная, является наставницей поэта в метафизике и в его собственном процессе понимания” [Dronke, 1974. с. 155 – перевод наш К.Т.]. Вполне вероятно, на наш взгляд, что Чосера вдохновила такая художественная форма общения

вечного и земного напрямую, а не через сновидение, что легло в основу литературной мотивации к созданию перевода. В процессе творчества Чосер отходит от жанра сновидений, и в его “Кентерберийских рассказах” уже присутствует вся жанровая палитра: куртуазный роман, яркий фавль, жития святых, аллегорические сказки, басни, проповеди и т.д. Итак, представляя иную сюжетную форму, сочинение Боэция показало, как художественное произведение может сделать философское знание эмоционально убедительным, придать литературному произведению интеллектуальное содержание и статус, чего так не хватало зарождавшейся английской национальной литературе [Brewer, 1967].

Нельзя также исключать и психологическую личностную мотивацию Чосера в обращении к Боэцию. Как считает Д.С. Бруер, “Чосер выделяется своим интересом у чисто внутренней жизни личности (где основное внимание уделяется личным отношениям и абстрактным рассуждениям), чем к общественным, социальным, институциональным вопросам, которые так волновали его современников Лэнгленда и даже Гауэра” [Brewer, 1969. с. 15 – перевод наш К.Т.]. Без сомнения, предмет сочинения Боэция целиком и полностью отвечал психологическим запросам личности Чосера. Таким образом, в основу создания перевода “Об утешении философией” на среднеанглийский легла культурная, литературная творческая и психологическая мотивация переводчика XIV века, а также влияние французской поэмы “Роман о Розе”, отчасти основанной на сочинении “последнего римлянина”.

Однако, говоря о французском влиянии в мотивации английского поэта к созданию перевода Боэция, мы хотим сразу исключить версию, встречающуюся в работах ряда исследователей [Семенец, Панасьев, 1989; Jefferson, 1965; Tatlock, 1950], о том, что Чосер пользовался французским текстом “Об утешении философией” при составлении собственного перевода. Доказательство заключается в тщательном сравнении и изучении манускриптов XV века, и здесь приведем мнение одного из

авторитетнейших исследователей рукописей Чосера – Вальтера Скйита: “Я бы оставил без внимания, как невозможное и ненужное, иногда встречающееся предположение, что Чосер, возможно, обращался к некой французской версии в надежде обрести помощь при переводе. Не существует никаких достоверных следов чего-то подобного, и внутренние факты, на мой взгляд, свидетельствуют решительно против этого”.[Skeat, 1926. с. xiv – перевод наш К.Т.]. Разделяя такую позицию, приведем пример небольшого отрывка из латинского оригинала и параллельное ему место в среднеанглийском переводе Чосера:

At ego cujus acies lacrymis mersa caligarat, ne dignoscere possem, quae nam haec esset mulier tam imperiosae auctoritatis, obstupui, visuque in terram defixo, quidnam deinceps esset actura, expectare tacitus coepi. (Boethius, lib. I pr. i)	And I, of whom the sighte, plounged in teres, was derked so that I ne mighte not knowen what that womman was, of so imperial auctoritee, I wex al abaissed and astoned, and caste my sighte down to the erthe, and bigan stille for to abyde what she wolde don afterward. (Chaucer, bk. I, pr. i, 55-59)
---	---

Как видно из приведенных отрывков, Чосер близко следует именно латинскому оригиналу, воспроизводя в своем переводе синтаксическую структуру с двумя косвенными вопросами (what that womman was; what she wolde don afterward), абсолютным причастным оборотом Ablativus Absolutus (caste my sighte down to the erthe), придаточным цели *ne finale* (so that I ne mighte not knowen). Кроме того, В. Скйит считает рукопись библиотеки Кэмбриджского университета MS.Camb.Ii.3.21 наиболее достоверной, где за латинским метром или отрывком прозы следует соответствующий ему среднеанглийский текст, и указывает, что на полях латинского оригинала часто встречаются пометки и глоссы на латыни, которые в точности соответствуют глоссам и примечаниям в переводе Чосера. Подобного мнения, что великий английский поэт XIV века переводил именно с латинского оригинала Боэция “Об утешении философией”, придерживаются

и многие другие исследователи [Britannica; Elliot, 1969; Machan, 1989], поэтому мы сразу исключим из рассмотрения возможность использования Чосером любого французского перевода и ограничимся лишь указанием на то, что творчество и переводческая деятельность Жана де Мена вдохновили Джеффри Чосера к созданию собственного перевода на английском языке.

Производя сравнительно-сопоставительный анализ текстов перевода и оригинала, мы будем избегать оценки качества перевода XIV века в современных терминах, как “вольный”, “буквальный”, “точный” и т.д. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, имея в виду пример необъективной оценки перевода короля Альфреда, неадекватность современных критериев коммуникативной ситуации любого донационального периода развития языка. Применительно к переводу сочинения Боэция “Об утешении философией”, выполненному Чосером в XIV веке, современные критерии оценки приводят, на наш взгляд, к не вполне обоснованным суждениям в отношении перевода и переводчика Средневековья. Ср., например, мнение Дж. Тэтлока: “Из-за своих попыток воспроизвести смысл в точности (что он /Чосер/ и делает довольно хорошо) его вариант /перевода/ одновременно многословен и неуклюж, редко легок и удачен как его поэзия” [Tatlock, 1950. с. 83 – перевод наш К.Т.]. К сожалению, такие характеристики перевода, а также отзывы о Чосере как о “компиляторе” [Ellis, 1989], далеко не единичны [Machan, 1989]. При этом явно не принимается в расчет тот факт, что Джеффри Чосер прославился прежде всего как великий поэт, а развитие поэтических форм в донациональную эпоху любого языка всегда предшествовало развитию прозы. В виду этого неправомерно сравнение поэзии Чосера с его прозаическим переводом Боэция, так как среднеанглийский поэт действительно чувствовал себя гораздо легче и свободнее в рамках стихотворных размеров, чем на страницах прозы. Подчеркнем, что причина подобного явления заключалась не в мастерстве переводчика, а в стадии развития национального языка. И это всего лишь один пример того, как игнорирование прагматики в оценке перевода

приводит к необъективным суждениям, особенно в диахроническом измерении. Следовательно, только при глубоком изучении всех прагматических аспектов процесса и результата перевода, выполненного в иной исторический период, можно с наибольшей достоверностью определить стратегию переводчика, роль данного перевода в истории языка и культуры и избежать превратности оценок. Выше мы уже указали на ряд экстралингвистических моментов, важных с точки зрения прагматики перевода, и теперь при анализе самого текста Чосера мы попытаемся рассмотреть его в “системе координат” коммуникативной ситуации XIV века, т.е. относительно других прозаических переводов великого английского поэта и в контексте влияния данного конкретного перевода на все творчество Джеффри Чосера.

Говоря о средневековых переводах в прозе, следует сразу оговориться, что различие между переводом и переложением или художественным пересказом было весьма условным. И это утверждение целиком и полностью применимо к деятельности Чосера, однако, выдвинув тезис о правомочности сравнения среднеанглийских прозаических переводов только с прозой, мы рассмотрим перевод “Об утешении философией” на фоне всех прозаических работ Джеффри Чосера, так как, во-первых, все они или заявлены самим английским поэтом как перевод, или определенно указывают на и передают известный оригинал; во-вторых, работы в прозе довольно малочисленны по сравнению с поэтическими произведениями; в-третьих, ряд исследователей творчества Чосера для изучения языка и стиля объединяют перевод сочинения Боэция и прозаические работы. Итак, помимо перевода “Об утешении философией” (первого опыта Чосера в прозе) другие прозаические произведения включают: “Трактат по астрологии”; “Рассказ священника” и “Рассказ о Мелибее” из “Кентерберийских рассказов”. Существует еще одна работа в прозе - “Экваторы планет”, но авторство ее довольно спорно, и по этой причине мы исключим эту работу из нашего рассмотрения.

“Трактат по астролябии” является прозаическим переводом Чосера средневекового латинского научного труда “Устройство и действие астролябии” (*Compositio et Operatio Astrolabii*) Меццахаллы. В предисловии, которое, по свидетельству М. Шло [Schlaugh, 1967], является редким образцом оригинальной, а не переводной прозы Чосера, переводчик заявляет сразу, что “будет избегать “замысловатости выражения и трудных предложений” ради маленького Льюиса, десятилетнего мальчика, для которого и выполнялся данный перевод, и что он позволит себе словесные повторы, чтобы лучше разъяснить смысл ...” [цит. по: Schlaugh, 1967. с. 143 – перевод наш К.Т.]. Для нашего исследования чрезвычайно важен сам факт заявленной установки на юного получателя перевода и последующее подчинение переводчиком всего текста этому прагматическому фактору через постоянные адаптации стиля научного изложения к возрасту и уровню читателя. Практически это выражается в использовании Чосером простых предложений и частых повторов, неформальности стиля (насколько позволяла форма и тематика трактата), редкости эпитетов и парных синонимов (столь любимых среднеанглийскими авторами), а также в намеренном отсутствии аллитерации и других украшательных звуковых приемов [Schlaugh, 1967]. И, наконец, самым заметным средством привлечь и удержать внимание юного читателя является частое употребление Чосером обращений, местоимений первого и второго лица как способа установления прямых отношений с мальчиком: к примеру, “твоя астролябия”, “не забудь про это, маленький Льюис” и т.д. [Schlaugh, 1967. с. 147]. При этом “Трактат по астролябии” Чосера представляет собой, по мнению М. Шло, весьма достойный образец средневековой научной прозы. Итак, все эти факторы ясно свидетельствуют о том, что переводчик XIV века прекрасно осознавал важную роль такого прагматического фактора перевода, как установка на получателя и, отдавая должное главенству прагматики, сумел успешно подчинить имеющиеся лексические,

синтаксические и стилистические средства выражения этому прагматическому аспекту.

“Рассказ священника” – один из двух прозаических повествований в “Кентерберийских рассказах” – основан на латинских трактатах “О покаянии” монахов-доминиканцев XIII века Раймонда Пеннафорте и Гуильельмо Перальдуса, а также на “Собрании пороков и добродетелей” брата Лорана (1279) [Чосер, 1996. с. 792]. Сочетание двух оригиналов в одном переводе является в данном случае вполне естественным, так как “Рассказ священника” представляет собой проповедь как бы в двух частях: первая – говорит о необходимости покаяния и передает частично соответствующий трактат; вторая – повествует и предостерегает от семи смертных грехов и соответствует части другого латинского трактата. Как и при переводе “Трактата по астрологии” Чосер активно использует повторения и однокоренные слова, чтобы лучше разъяснить смысл, однако в данном переводе это делается в дидактических целях жанра проповеди. М. Шло приводит пример перекликающегося повторения слов “penitence” (раскаяние) и “penitent” (кающийся) в разрез с латинским оригиналом [Schlaugh, 1967. с. 149]. Кроме жанровых ограничений проповеди не следует также забывать, что, выполняя перевод, Чосер должен был придать ему художественную форму рассказа в соответствии со своим авторским замыслом. Это объясняет, на наш взгляд, частые отступления от оригинала, сатирические вставки, употребление парных синонимов для придания определенного ритма прозе. В целом данная прозаическая работа, являясь переводом ли, переложением или адаптацией, соответствует, по свидетельству М. Шло, общему тону и стилю “Кентерберийских рассказов”. Если при переводе “Трактата по астрологии” Чосер производил переводческие адаптации с учетом фоновых знаний и уровня восприятия получателя, то в “Рассказе священника” его свободное обращение с оригиналами было обусловлено требованиями стиля рассказа в рамках единого собрания повествований, т.е. переводчик был вынужден поменять

жанрово-стилистическую принадлежность оригиналов. Но для нас более интересен прежде всего сам факт подобного слияния перевода и оригинального творчества Чосера, что, с одной стороны, было частым явлением в Средние века, а, с другой стороны, характеризует отношение самого английского поэта к переводу как к одному из источников своего творчества.

“Рассказ о Мелибее” – второе прозаическое повествование в “Кентерберийских рассказах” – “представляет собой не совсем точный перевод с французского книги “Жизнь Мелибея и дамы Разумницы” (*Le livre de Melibee et de dame Prudence*), приписываемый Жану де Мену. “Этот текст, в свою очередь, является пересказом латинского трактата “Книга утешения и совета” (*Liber consolationis et consilii*) Альбертано ди Брешиа” [Чосер, 1996. с. 765]. Таким образом, Джеффри Чосер выполнял перевод уже второго порядка. Рассказ имеет форму разговора Мелибея со своей женой Разумницей, где каждая реплика диалога представляет собой по объему и по стилю красноречивую ораторскую речь. Это единственный из всех “Кентерберийских рассказов”, написанный от лица самого автора, и здесь опять важен тот факт, что Чосер вкладывает в свои уста именно переводное сочинение в прозе. Очевидное приукрашивание оригинала в переводе, возможно, было обусловлено жанром ораторского красноречия. “Чосер не только воспользовался ресурсами своего оригинала, но и во многих случаях явно усилил их эффект” [Schlaugh, 1967. с. 153 – перевод наш К.Т.]. В качестве подтверждения М. Шло приводит примеры и сохранения переводчиком авторских дублетов, и собственные его добавления повторов, перекликающихся слов, а также широкое использование эффекта ритмизованной прозы. Итак, три вышеуказанных прозаических перевода Чосера имеют разную стилистическую принадлежность: научный трактат, проповедь, ораторское красноречие; однако везде переводчик принимает конкретные решения исходя из заранее поставленной цели, сформировавшейся под влиянием прагматических

факторов: установки на адресата или авторского художественного замысла. Крайне важен и тот факт, что два последних перевода демонстрируют само отождествление Чосера-переводчика с Чосером-автором через органическое слияние перевода и оригинального творчества.

В отличие от других прозаических переводов Чосера перевод “Об утешении философией” обращает на себя особое внимание благодаря весьма близкому следованию оригиналу Боэция. Это выражается на всех уровнях, приведем пример параллелизма некоторых синтаксических конструкций:

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера
1. Et dolor <u>aetatem iussit inesse</u> suam (Boethius, lib. I, m. i). \Accusativus cum infinitivo\	1. ...and sorrow hath <u>comaunded his age to be</u> in me (Chaucer, bk. I, m. i, 10). \Complex Object\
2. Ecce mihi lacerae dictant <u>scribenda</u> Camenae (Boethius, lib. I, m. i). \gerundivum, Accusativus\	2. For lo! rendinge Muses of poetes endyten to me <u>thinges to be writen</u> (Chaucer, bk. I, m. i, 3-4). \Object+Imperative Infinitive Construction\
3. Has saltem nullus potuit pervincere terror, <u>Ne</u> nostrum comites prosequerentur iter (Boethius, lib. I, m. i). \ne finale\	3. At the leeste, no drede ne mighte overcomen tho Muses, <u>that they ne</u> weren felawes, and folweden my wey... (Chaucer, bk. I, m. i, 5-6) \Clause of purpose\

Помимо передачи синтаксических конструкций Чосер сохраняет в переводе и грамматические формы: в примере 1 латинское “iussit” /Perfectum Indicativi Activi 3 Singularis/ соответствует среднеанглийскому “hath comaunded” /Present Perfect/; в примере 2 латинское “dictant” /Praesens Indicativi Activi 3 Pluralis/ соответствует среднеанглийскому “endyten” /Present Indefinite/; в примере 3 латинское “potuit pervincere” /Perfectum Indicativi Activi 3 Singularis “posse” + Infinitivus Praesentis Activi/

соответствует среднеанглийскому “mighte overcomen” /Past form of “may” + Indefinite Infinitive/. Кроме сохранения синтаксических конструкций и грамматических форм приведенные примеры демонстрируют также передачу междометий: латинское “ессе” и среднеанглийское “for lo”; и вводных слов: латинское “saltem” и среднеанглийское “at the leeste”. В целом подобное сохранение синтаксических оборотов и грамматических форм характерно для всего перевода Чосера, а передача междометий и вводных слов служит, на наш взгляд, наглядным примером близкого следования оригиналу.

Однако такая близость сочинения Боэция и перевода Чосера отнюдь не является “слепой”, подражательной, но, напротив, вызвана более высокой целью и задачей перевода, определившей всю стратегию переводчика. Доказательством дифференцированного подхода Чосера в передаче разных частей содержания оригинала служит прагматическая адаптация латинских реалий. Налицо явная градация реалий оригинала по принципу их значимости для возможного воспроизведения прагматического потенциала текста. Так, иные термины и понятия переводчик сохраняет с пояснениями или без них в переводе как отражающие национальный самобытный дух оригинала, но их немного; к другим – Чосер применяет прием генерализации и заменяет гипоним гиперонимом в случаях, когда они не несут в себе особую смысловую нагрузку.

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера
1.Du malefida <u>fortuna</u> ... (Boethius, lib. I, m. i)	1.Why! <u>Fortune</u> , unfeithful... (Chaucer, bk. I, m. i, 16)
2.Hanc si <u>Threicio</u> <u>Boreas</u> emissus ab antre verberet... (Boethius, lib. I, m. iii)	2....yif thanne <u>the wind that highte Borias</u> , y-sent out of the caves of the <u>contree of Trace</u> , beteth this night... (Chaucer, bk. I, m. iii, 8-9)
3.Emicat et subtilo vibratus lumine <u>Phoebus</u> miranteis oculos radiis ferit	3....than shyneth <u>Phebus</u> y-shaken with sodein light, and smyteth with his

(Boethius, lib. I, m. iii)	bemes in mervelinge eyen (Chaucer, bk. I, m. iii, 11-12)
4....lacerae Camenae... (Boethius, lib. I, m. i)	4....rendinge Muses of poetes... (Chaucer, bk. I, m. i, 3)
5....elegi fletibus ora rigant... (Boethius, lib. I, m. i)	5....drery vers of wrecchednesse weten my face (Chaucer, bk. I, m. i, 4)
6.dulces Seirenes (Boethius, lib. I, pr. i)	6. ye mermaidenes (Chaucer, bk. I, pr. i, 49)
7. ille chorus increpitus (Boethius, lib. I, pr. i)	7. this companye of Muses y-blamed (Chaucer, bk. I, pr. i, 52)
8. Flamina sollicitent aequora Ponti (Boethius, lib. I, m. ii)	8. ...windes moeven and bisien the smothe water of the see; (Chaucer, bk. I, m. ii, 13-14)
9. ...Hesperias sidus in undas casurum (Boethius, lib. I, m. ii)	9. the sterre aryseth ... to fallen in the westrene wawes; (Chaucer, bk. I, m. ii, 14)
10. ...respicio nutricem meam, in cuius ab adolescentia Laribus versatus fueram, Philosophia (Boethius, lib. I, pr. iii)	10. I beholde my norice, Philosophie, in whos houses I hadde conversed and haunted fro my youthe; (Chaucer, bk. I, pr. iii, 4-5)

Если в примерах 1 и 3 переводчик сохраняет без пояснений латинские мифологические реалии “fortuna” и “Phoebus” как уже, возможно, знакомые среднеанглийскому читателю, то в примере 2 римские географические названия “Boreas” (северо-западный ветер) и “Thracius” (фракийский) уже идут с объяснениями переводчика “the wind that highte Borias” (ветер, который называется Борей) и “the contree of Trace” (страна фракийская). Во второй части таблицы представленные примеры иллюстрируют использование Чосером приема генерализации и замены в переводе латинских мифологических реалий “Camenae” на ср.-англ. “Muses of poetes”; “Seirenes” на ср.-англ. “mermaidenes”; “Lares” на ср.-англ. “houses”;

греческого поэтического термина “elegi” на ср.-англ. “drey vers of wrecchednesse” (печальные стихи несчастья); обязательного элемента античного театра “chorus” на ср.-англ. “companye of Muses”; географического названия “Pons” (Черное море) на ср.-англ. “the see”. При этом примеров замены культурного гипонима общим гиперонимическим понятием больше, чем примеров сохранения мифологических, культурных, географических наименований в переводе, что показывает стремление переводчика адаптировать текст к родному языку и культуре.

Однако, чтобы понять дифференциацию Чосера в прагматической адаптации разных групп реалий, необходимо сравнить его приемы передачи мифологических, культурных и др. наименований с передачей философских понятий и терминов, на которых в сущности построен оригинал Боэция. И здесь мы обнаруживаем стремление переводчика сохранить все элементы философского содержания латинского сочинения из-за их кардинальной значимости в передаче коммуникативного эффекта текста. Приведем несколько примеров:

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера
1. Harum in extremo margine P, in supremo vero T legebatur intextum. (Boethius, lib. I, pr. i)	1. In the nethereste hem or bordure of thise clothes men redder, y-woven in, a <u>Grekissh P, that signifyeth the lyf Actif</u> ; and aboven that lettre, in the heyeste bordure, a <u>Grekissh T, that signifyeth the lyf Contemplatif</u> . (Chaucer, bk. I, pr. i, 21-23)
2. Nunc vero Eleaticis atque Academicis studiis attigistis enutritum. (Boethius, lib. I, pr. i)	2. But ye withdrawen me this man, that hath be norisshed in the studies or scoles of Eleaticis and of Achademicis in Grece. (Chaucer, bk. I, pr. i, 46-48)
3. Cuius hereditate cum deinceps Epicureum vulgus, ac Stoicum,	3. The heritage of which Socrates – <u>the heritage is to seyn the doctrine of the</u>

<p>ceterique pro sua quisque parte raptum ire molirentur meque reclamantem, renitentemque, velut in partem praedae, traherent, vestem, quam meis texueram manibus, discederunt, abreptisque ab ea panniculis, totam me sibi cessisse credentes, abierent. (Boethius, lib. I, pr. iii)</p>	<p><u>whiche Socrates in his opinioun of Felicitee, that I clepe welefulnesse</u> – whan that the poeple of <u>Epicuriens</u> and <u>Stoicens</u> and many othre enforceden hem to go ravisshе everich man for his part – <u>that is to seyn, that everich of hem wolde drawn to the defence of his opinioun the wordes of Socrates</u> - ... (Chaucer, bk. I, pr. iii, 21-27)</p>
---	--

В примере 1 переводчик раскрывает символический смысл одежд Философии путем объяснений, что греческая буква “Π” означает практику или эмпирический опыт (that signifyeth the lyf Actif), а греческая буква “Τ” – теоретическое знание (that signifyeth the lyf Contemplatif). Аналогичным образом в примере 3 Чосер поясняет символическое разрывание одежд Философии эпикурейцами и стоиками, как использование ими разных положений учения Сократа в свою пользу. В начале фразы примера 3 переводчик предлагает помимо толкования даже собственный термин для обозначения понятия “счастье” в философии Сократа: говоря о наследии последнего как о его понимании счастья, Чосер отказывается от романского “felicitee” в пользу англосаксонского “welefulnesse” (that I clepe welefulnesse). Пример 2 иллюстрирует пояснение культурно-философского плана, которое заключается в указании на то, что под элеатскими и академическими занятиями следует понимать древнегреческие философские школы (Парменида в Элее и Платона в Афинах). Таким образом, все вышеприведенные примеры передачи разных групп реалий и наименований ясно показывают стремление переводчика XIV века сохранить предметно-логическое содержание оригинала, указание на ту же ситуацию и в ряде случаев способы ее описания в переводе. При этом Чосер дифференцированно подходит к передаче разных компонентов содержания текста: если при переводе мифологических, культурных реалий и античных

географических названий он предпочитает воспользоваться приемом генерализации, то при передаче философских понятий и описаний он стремится сохранить по возможности все компоненты значения, включая образно-метафорический компонент. С одной стороны, такое выделение философской направленности как главной составляющей сочинения Боэция указывает на осознанную цель переводчика воспроизвести прагматический потенциал оригинала в переводе. С другой стороны, применяемые Чосером способы прагматической адаптации культурных реалий, пояснения и толкования с целью раскрыть символизм в авторском замысле показывают его установку на получателя перевода, его фоновые знания, учет лакун в среднеанглийском языке и культуре. Итак, близко следуя латинскому оригиналу в переводе, воспроизводя синтаксические конструкции, грамматические формы и предметно-логическое содержание текста Боэция, Джеффри Чосер руководствовался прежде всего соображениями прагматики.

Эта же тенденция проступает еще отчетливее при анализе стилистической адаптации перевода к среднеанглийскому языку и культуре. Как известно, произведение Боэция “Об утешении философией” построено на чередовании прозаических отрывков и поэтических вставок, и в целом принадлежит к возвышенному стилю художественного изложения с элементами риторики, что вполне соответствовало предмету сочинения и задачам автора. Переводчик Джеффри Чосер предпочел выполнить свой перевод целиком в прозе, хотя, как мы уже указывали, он чувствовал себя гораздо свободнее в поэзии как по причине своего выдающегося дарования, так и по причине большей развитости поэтических жанров в среднеанглийском языке XIV века. Разрешить это кажущееся несоответствие возможно, подчеркнув еще раз явную нацеленность Чосера на максимально близкое воспроизведение оригинала. Такая цель перевода (о причинах возникновения которой будет сказано ниже) могла быть лучше достигнута в прозаической форме, так как едва ли какой из сложившихся к

XIV веку среднеанглийских поэтических жанров (аллитерационная поэзия, рифмованные романы) мог адекватно передать элегический стих, гексаметры и пентаметры, позаимствованные Боэцием из трагедий Сенеки, и при этом выразить философские аллегории, элементы античного научного знания – все то, что было так естественно для римской литературы, но еще не успело развиваться в средневековых английских жанрах. Здесь следует отдать должное пониманию переводчика, который сумел объективно оценить возможности родного языка и культуры. Однако, руководствуясь соображениями прагматики в вопросах стилистической адаптации перевода к литературе ПЯ, Чосер использует традиционные англосаксонские поэтические приёмы с целью придания возвышенного художественного стиля среднеанглийскому тексту произведения Боэция. Так, особенно при передаче стихотворных метров прозой переводчик широко использовал следующие приемы:

- 1) аллитерация и ассонанс;
- 2) ритмизованная проза;
- 3) парные синонимы и перекликающиеся родственные слова.

Аллитерация и ассонанс часто встречаются в английской национальной поэзии еще со времен Беовульфа. А вот несколько примеров из перевода Чосера “Об утешении философией”:

... and **dr**ery **vers** of w**rec**chednesse **w**eten my face with **v**erray **ter**es. At the leeste, no **dr**ede ne mighte overcomen tho Muses, that they ne **w**eren felawes, and fol**w**eden my **w**ey, that is to seyn, whan I was exyled; they that **w**eren glorie of my youthe, whylom **w**e^{le}ful and grene, comforten now the sorrowful **w**erdes of me, olde man. (Chaucer, bk. I, m. i, 4-9)

Heres **h**ore ben shad overtymeliche *upon myn* **h**eved, and the slake skin trembleth *upon myn* emptied body. (Chaucer, bk. I, m. i, 5)

Выделенные жирным шрифтом согласные иллюстрируют, что, во-первых, для аллитерации Чосер применял иногда сочетания согласных (**dr**ery – **dr**ede); во-вторых, в рамках одного предложения и для соединения

предложений переводчик использовал чередование аллитераций разных согласных (ср. drery^① – vers^② – weten^③ – verray^② – drede^① – weren^③ – folweden^③ – wey^③); в-третьих, аллитерация согласных употребляется вместе с ассонансом гласных (подчеркнуто в примерах), что усиливало эффект обоих поэтических приемов. Спорным, правда, является вопрос о произнесении начального “h” во времена Чосера, однако примеры аллитерации и ассонанса столь часты в переводе, что даже в меньшем количестве не оставили бы сомнений в намеренном их использовании переводчиком. Курсивом выделены в примерах повторы слов, которые также создавали эффект созвучия.

Изучению ритмизованной прозы Джеффри Чосера посвящена работа М. Шло [Schlaugh, 1967], в которой исследователь выделяет 3 основных ритма, применяемых переводчиком “Об утешении философией”, и демонстрирует их на примерах их текста перевода. (Знак “х” означает безударный слог, а знак “ ’ ” – ударный). Эти основные типы ритма выглядят следующим образом [Schlaugh, 1967. с. 156-157 – перевод наш К.Т.]:

1. Ровный ход (cursus planus) - ‘хх’х (дактиль + трохей) ...and he shal be asschamid of the encres of his name (Chaucer, m. vii);
2. Медленный ход (cursus tardus) – ‘хх’хх (два дактиля) ...lat hym looke upon the brode shewynge contrees of the hevene (Chaucer, m. vii);
3. Быстрый ход (cursus velox) – ‘хх’х’х (дактиль + два трохея) ...goth by diverse tonges... (Chaucer, m. vii).

При этом, по наблюдению М. Шло, данные типы ритмов встречаются как в переводе поэтических метров, так и отрывков прозы и всегда находятся в конце всего предложения или отдельных придаточных предложений. “Очевидно, так как мы не можем возродить голос Чосера, читающего свою прозу вслух, мы не можем достоверно утверждать обо всех ее ритмических достоинствах, особенно в случае романских заимствований, которые в то время имели неустойчивое ударение. Тем не менее ясные примеры

ритмизованной прозы в пределах данного соответствующего контекста столь многочисленны, что не оставляют сомнений в том, что автор в определенной степени возвышал свой стиль сознательно” [Schlaugh, 1967. с. 158 – перевод наш К.Т.].

Употребление парных синонимов еще не выделилось в чисто стилистический прием в среднеанглийском языке XIV века, но использовалось то для толкования иноязычной лексики, то для украшения, то для ритма. Как и его современник Тревиза в переводе “Поликроникон”, Чосер активно употребляет парные синонимы в своем переводе “Об утешении философией” для разных целей:

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера
1. Quarum speciem, veluti fumosas imagines solet, caligo quaedam <u>neglectae</u> vetustatis <u>obduxerat</u> . (Boethius, lib. I, pr. i)	1. ...the whiche clothes a derknesse of a <u>forleten and dispysed</u> elde hadde <u>dusked and derked</u> , as it is wont to derken bi-smokede images. (Chaucer, bk. I, pr. i, 17-19)
2. Hae sunt enim, quae <u>infructuosis affectuum spinis</u> , uberem fructibus rationis segetem necant. (Boethius, lib. I, pr. i)	2. Forsothe, thise ben tho that with <u>thornes and prikkinges</u> of <u>talents or affeccious</u> , whiche that ne ben <u>fructefyng</u> nor <u>profitable</u> , destroyen the corn plentevous of frutes of resoun; (Chaucer, bk. I, pr. i, 37-40)
3. ...illi vero circa diripiendas inutileis <u>sarniculars</u> occupantur. (Boethius, lib. I, pr. iii)	3. ...and they ben ententif aboute <u>sarpulers or sachels</u> unprofitable for to taken. (Chaucer, bk. I, pr. iii, 53)

В примере 2 латинское существительное “affectus” (чувство, страсть, волнение), уже полтора века известное в английском языке в значении “впечатление или движение ума каким-либо образом; умственное состояние, вызванное неким влиянием; эмоция или чувство” (OED), в переводе используется Чосером в заимствованном из оригинала значении “в

особенности чувство как противоположность разуму; страсть, стремление”, которое OED впервые фиксирует в 1398 году в произведении Тревицы, т.е. более десятка лет после создания Чосером перевода Бозция. Для того чтобы сделать семантическое заимствование более понятным, переводчик употребляет его в паре со среднеанглийским “talent” (намерение, стремление), таким образом используя парную синонимию для объяснения нового значения. В этом же примере латинское прилагательное “infructuosus” (бесплодный) заимствуется переводчиком из оригинала, но без отрицательного префикса in-, в среднеанглийском виде “fructefyinge” (совр. fruitful), которое OED впервые фиксирует в этом же значении “дающий хорошие результаты; благотворный, прибыльный, вознаграждающий”, но в более позднем произведении Чосера “Рассказ священника”. Для толкования этого прямого заимствования переводчик употребляет его в паре с синонимом “profitable” (выгодный, прибыльный). Примеры 1 и 3 иллюстрируют употребление парных синонимов для украшения и возвышения стиля: два англосаксонских глагола “dusked and derked” используются переводчиком для аллитерации, особенно в сочетании с родственными словами “derknesse” и “to derken”; а слова “sarpulers or sachels” вмещают в себе приемы аллитерации и ассонанса. Обращает на себя внимание употребление нескольких пар синонимов в рамках одного предложения, что в свою очередь свидетельствует о высокой частотности употребления их Чосером для разных целей.

Как видим, все указанные способы стилистической адаптации перевода – аллитерация, ритмизованная проза, парные синонимы – очень часто встречаются в среднеанглийском тексте, но важно подчеркнуть, что Джеффри Чосер в действительности соблюдал меру в использовании этих приемов, как она понималась для возвышенного художественного стиля английской литературы XIV века. Доказать это можно путем сравнения стиля перевода Чосера с современными ему произведениями, как это делает М. Шло: “Доступные данные указывают в целом, что Чосер планомерно

использовал известные риторические и поэтические приемы, когда он работал над переводом Боэция, но он не использовал их сверх меры. Чтобы убедиться в его ограничении надо лишь сравнить начало перевода Боэция с Прологом и первыми страницами сочинения Томаса Уска “Свидетельство любви”, столь очевидно построенного на работе Чосера. У Уска мы найдём чрезмерную насыщенность эффектами ритма, аллитерации, повтора, перекликающихся слов и инверсии обычного порядка слов, в целом создающих впечатление явной ненатуральности. (...) По сравнению с таким типичным для Уска отрывком вычурной прозы обращение Чосера со стилистическими средствами выражения похвально сдержанно. И мы вполне можем заключить, что он был знаком с разными украшательными приемами, описанными и использованными его предшественниками, но употреблял их без избыточности” [Schlaugh, 1967. с. 161 – перевод наш К.Т.]. Для нашего же исследования принципиально важен сам факт использования Чосером для стилистической адаптации своего перевода “Об утешении философией” традиционных англосаксонских приемов возвышенного художественного стиля, которые употреблялись в английской литературе его предками и современниками. Это ясно показывает, что в своем близком следовании латинскому оригиналу переводчик руководствовался в первую очередь соображениями прагматики перевода, стремился воспроизвести прагматический потенциал латинского текста, видоизменяя его в переводе, делая его более близким для восприятия английского читателя. А с точки зрения языковой ситуации в Англии того времени - это смелая и успешная попытка передать все достоинства классического латинского сочинения средствами развивающегося среднеанглийского языка XIV века.

Любовь и творческое отношение поэта к родному языку нашли яркое отражение в отборе им лексических средств при переводе “Об утешении философией”. Здесь Чосер особенно остро ощутил недостаточность ресурсов английского по сравнению с языком оригинала. Еще в самой

первой своей поэме “На смерть герцогини Бланш” он, по свидетельству Д.С. Бруера, “признает ограничения выбора слов, когда вкладывает в уста Черного рыцаря слова: “*Me lakketh both Englyssh and wit*” (898) /Мне недостает ни английского, ни остроумия/. Всю свою жизнь Чосер осознавал нехватку английских средств выражения как преграду к поэтическому творчеству. И все же еще в своей ранней поэме он начинает восполнять недостаток и “обогащать” или “увеличивать” английский “в рамках преимущественно англосаксонской манеры” [Brewer, 1967. с. 24 – перевод наш К.Т.]. Если таково было положение дел в авторских произведениях, то при неизбежном сопоставлении словаря двух текстов при переводе с латыни Чосер-переводчик столкнулся с еще большими трудностями. Дж. Мерсэнд [Mersand, 1939], проведя статистическое исследование вокабуляра Чосера, приводит следующие данные: общий словарный запас всех произведений поэта составляет 8072 слова, из которых 4189 слов (51,8 %) являются словами романского происхождения, и 3883 слова (48,2 %) – не романского (англосаксонского, скандинавского и т.д.) происхождения. Неудивительно, что перевод “Об утешении философией” Бозция насчитывает самое большое количество романских слов – 1345, или 49,85 % от общего словарного состава текста. Важно отметить, что из 4189 романских слов Чосера 1180 слов были зафиксированы Оксфордским словарем английского языка впервые именно в его произведениях. И опять самое большое число из них – 247 слов – было впервые употреблено Чосером в переводе Бозция “Об утешении философией”. (Для сравнения: в поэме “Троил и Хризеида” – 181; в “Трактате по астрологии” – 53; в “Рассказе о Мелибее” – 23 [Mersand, 1939].) Это отражает общую тенденцию, когда на ранних этапах развития национального языка переводы с латыни содержат в себе большее количество заимствований и неологизмов чем оригинальные произведения. Однако подчеркнем, что собственно заимствований из латинского оригинала в среднеанглийском переводе не более 75 (от 55 до 75 слов в зависимости от даты создания перевода, как указывалось выше), хотя Дж.

Мерсэнд не учитывал в своем исследовании семантические заимствования, когда в переводе Чосера уже известное в языке слово приобретало еще одно значение. Вот несколько примеров:

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера
1. ...his versibus de nostrae mentis <u>perturbatione</u> conquesta est. (Boethius, lib. I, pr. i)	1. and she ... compleinede, with thise wordes that I shal seyen, the <u>perturbacioun</u> of my thought. (Chaucer, bk. I, pr. i, 62-64)
2. Quis dedit ut pleno fertilis anno <u>autumnus</u> gravidis influat uvis. (Boethius, lib. I, m. ii)	2. ...and who maketh that plentevouse <u>autompne</u> , in fulle yeres, fleteth with hevy grapes. (Chaucer, bk. I, m. ii, 17-18)
3. ...uberem <u>fructibus rationis</u> segetem necant ... (Boethius, lib. I, pr. i)	3. ...destroyen the corn plentevous of <u>fruites of resoun</u> ; (Chaucer, bk. I, pr. i, 40)

В примерах 1 и 2 среднеанглийские слова “perturbacioun” /совр. perturbation/ (волнение, расстройство, смятение) и “autompne” /совр. autumn/ (осень) являются собственно заимствованиями из латыни и впервые зафиксированы Оксфордским словарем в переводе Чосера. В примере 3 среднеанглийское “fruit” (плод) уже хорошо было известно английскому читателю в прямом значении “растительные продукты вообще, пригодные к употреблению в пищу людьми и животными” с 1175 года (OED), но, по свидетельству словаря, в переводе Чосера это слово впервые употреблено в переносном значении, как “плоды разума” по аналогии с оригиналом Боэция. Касаясь вопроса различных заимствований в языке великого английского поэта, важно подчеркнуть, что источник заимствования удалось обнаружить только примерно у 10 % слов [Mersand, 1939], во всех остальных случаях, как единодушно признают разные исследователи [Mersand, 1939; Davis, 1974], Чосер привнес в литературный английский язык слова и выражения, уже употреблявшиеся его современниками в

разговорной речи в разных сферах общественной и культурной жизни. И здесь первая фиксация слова словарем в произведении Чосера означает лишь, что оно не встречается ни в каком другом их дошедших до нас литературном источнике до него. Такое отрицательное свидетельство отнюдь не теряет своей значимости, особенно когда количество подобных слов превышает 1000, не считая новых значений уже имевшихся в языке единиц. Это становится еще более важно, если учесть, что большинство этих слов и значений сохранилось в современном английском языке в том или ином виде. Не последняя роль в адаптации иноязычных элементов принадлежит переводу “Об утешении философией” на среднеанглийский, так как в процессе работы Чосер-переводчик мог путем сопоставления с латинским оригиналом по-новому оценить форму, значение, употребление соответствующего романского слова из обихода своих современников.

Однако нельзя не согласиться со справедливостью утверждения Н. Дейвиса [Davis, 1974], что вклад писателя в развитие языка не следует оценивать по статистическому принципу используемых им элементов романского происхождения и что одна лишь этимология слова не дает представления о его частотности, комбинаторности, стилевой отнесенности, его ассоциациях и коннотациях. “Отзываясь о стиле Чосера, критики еще со времен Хокклива рассуждали о его “красноречии”, и фразу Кэкстона “обогастил, украсил и сделал ясным” принято считать еще одной похвалой “увеличению” Чосером английского словаря, по выражению XIV века, новыми учеными или модными словами из французского или латинского. Без сомнения, отчасти это так; но существуют иные способы обогащения языка кроме привнесения в него слов из другого языка, и “красноречие” Чосера заключалось в не меньшей степени в “величественной красоте”, с которой он использовал имевшиеся средства родного языка” [Davis, 1974. с. 71 – перевод наш К.Т.]. В качестве примера Н. Дейвис приводит употребление Чосером англосаксонского слова “welefulnesse” для передачи латинского “felicitas” (счастье) в переводе “Об утешении философией”:

“...the heritage is to seyn the doctrine of the whiche Socrates in his opinioun of Felicitee, that I clepe welefulnesse...” (Chaucer, 22-23). Примечательно, что самого слова “*felicitas*” нет в соответствующем месте латинского текста, и переводчик использует вышеуказанную фразу в виде пояснения культурной реалии “наследие Сократа”. Очевидно, что “*felicitee*” уже появилось в среднеанглийском ко времени Чосера, но во всем переводе сочинения Боэция переводчик использует “*welefulnesse*” (31 раз) для передачи латинского “*felicitas*”, а среднеанглийским “*felicitee*” только однажды передаёт латинское “*beatitudo*” (счастье, блаженство), которому во всех остальных случаях соответствует среднеанглийское “*blisfulnesse*” [Davis, 1974]. Н. Дейвис приводит также некоторые другие примеры дифференцированного подхода Чосера в выборе близких по значению слов, когда великий английский поэт предпочитает исконное англосаксонское слово иноязычному заимствованию. Аналогичным образом Д.С. Бруер [Brewer, 1967] приводит пример предпочтения Чосером в своих поэтических произведениях английского “*wonder*” в противовес романскому “*marvel*”. Это показывает стремление Джеффри Чосера к упрочению позиций родного языка, к сохранению и развитию самобытности национальной английской литературы, к творческому, а не слепо подражательному использованию иноязычных элементов в языке.

Однако при переводе классического латинского сочинения на только формирующийся общенациональный английский язык такое стремление Чосера-переводчика передать все достоинства оригинала “в рамках преимущественно англосаксонской манеры” [Brewer, 1967] обнажило особенно ясно недостаточную развитость лексического состава языка перевода. Проиллюстрируем это на примерах:

Intempestivi funduntur vertice cani... (Boethius, lib. I, m. i)	Heres hore ben shad overtymeliche upon myn heved ... (Chaucer, bk. I, m. i, 11)
Paene caput tristis merserat hora	the sorowful houre hadde almost dreynt

meum. (Boethius, lib. I, m. i)	myn heved . (Chaucer, bk. I, m. i, 18)
Venit enim properata malis inopina senectus ... (Boethius, lib. I, m. i)	For elde is comen unwarly upon me, hasted by the harmes... (Chaucer, bk. I, m. i, 9)
...ut nullo modo nostrae crederetur aetatis ... (Boethius, lib. I, pr. i)	...in no manere, that she were of oure elde ... (Chaucer, bk. I, pr. i, 8)
...caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat. (Boethius, lib. I, pr. i)	a derknesse of a forleten and dispysed elde hadde dusked and derked. (Chaucer, bk. I, pr. i, 18)
... caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat. (Boethius, lib. I, pr. i)	a derknesse of a forleten and dispysed elde hadde dusked and derked. (Chaucer, bk. I, pr. i, 18)
Tendit in externas ire tenebras ... (Boethius, lib. I, m. ii)	...mintinge to goon in-to foreine derknesses ... (Chaucer, bk. I, m. ii, 3)

Как видно из таблицы, в переводе Чосера двум латинским словам: vertex (макушка, вершина, голова) и caput (голова, разум, человек) соответствует одно среднеанглийское слово **heved** (голова); трем латинским словам: senectus (старость, старческий возраст), aetas (жизнь, век, эпоха, старость) и vetustas (древность, прошлое, давность) соответствует одно среднеанглийское **elde** (возраст); а двум латинским словам: caligo (густой туман, тьма, мрак) и tenebrae (сумерки, темнота, мрачное место) соответствует одно среднеанглийское **derknesse** (темнота). Важно отметить, что случаев употребления вышеуказанных слов в переводе гораздо больше, чем мы приводим в таблице, но каждый раз они соответствуют одному из перечисленных латинских эквивалентов. Этот список можно было бы продолжить, включив туда такие среднеанглийские слова, как *hevene*, *compleinte*, *sterre*, *folye*, *wikkede* и т.д., причем каждому из них соответствует по две-три лексические единицы латинского языка. Немаловажен и тот факт, что все перечисленные среднеанглийские и латинские слова выражают обыденные понятия и являются стилистически

нейтральными. Нетрудно себе представить, что довольно частая повторяемость одних и тех же слов в переводе (чего нет в оригинале) создает эффект монотонности и однообразия, из-за чего среднеанглийский текст подчас опрощенно оценивают как скучный и громоздкий. (подчеркнуто нами – К.Т.)

Тем не менее все это однозначно показывает большой разрыв в уровне развития исходного языка и языка перевода, их понятийного аппарата и лексического состава. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода свидетельствует явно не в пользу среднеанглийского языка в данном случае, демонстрирует его неспособность передавать различные оттенки значения. Однако особо подчеркнем, что такая оценка состояния языка ни в коем случае не распространяется на мастерство переводчика. Осмелимся предположить, что великий поэт Джеффри Чосер, внесший бесценный вклад в становление и развитие национальной английской литературы, владел искусством слова намного лучше подавляющего большинства своих современников. А значит, при переводе сочинения Боэция “Об утешении философией” на среднеанглийский в конце XIV века он использовал все имеющиеся ресурсы родного языка. Именно в виду недостаточности как лексических, так и стилистических средств выражения среднеанглийского, а также отсутствия по большей части понятийного аппарата для выражения философского, религиозного, научного познания, изложенного в латинском оригинале, Чосер-переводчик не имел другого выбора кроме как заимствовать фразы, слова, понятия, значения и обращаться к французской лексике с целью точнее передать смысл переводимого сочинения. Хотя необходимо еще раз отметить, что великий английский поэт сделал все возможное для сохранения и передачи прагматического потенциала “Об утешении философией” исконными английскими средствами. Отсюда можно заключить, что при переводе сочинения Боэция с латинского на среднеанглийский Чосер руководствовался соображениями прагматики перевода, когда близко

следуя оригиналу и заимствуя из него на разных уровнях, с одной стороны, он, с другой стороны, совершал каждый свой выбор согласно англосаксонской традиции. Таким образом, осознавая с раннего творчества недостаток культурной “сверхструктуры” родного языка, отсутствие интеллектуальной глубины и высокого общественного статуса родной литературы, Джеффри Чосер подверг среднеанглийский XIV века сознательному тесту через перевод “Об утешении философией” Боэция с целью выявления культурных и языковых лакун, обогащения английского языка новыми формами и средствами выражения, отбора подходящих элементов разговорной речи своих сограждан для формирующегося общенационального литературного языка.

Результатом подобного “теста языку” для самого переводчика явилось то огромное влияние, которое данный труд по переводу оказал на его собственное творчество, о чем единодушно свидетельствуют самые разные исследования самых разных аспектов литературной деятельности Джеффри Чосера [Brewer, 1967; Skeat, 1926; Shepherd, 1974; Dronke, 1974; Tatlock, 1950; Elliot, 1969; Ellis, 1989; Machan, 1989; Davis, 1974]. Однако при этом исследователи литературных произведений Чосера-поэта недоумевают по поводу качества его перевода “Об утешении философией” по сравнению с языком и стилем его собственных работ, как указывалось выше, а исследователи переводческой деятельности Чосера-переводчика видят в близком следовании оригиналу Боэция “компиляцию” собственного текста и глосс [Machan, 1989]. И в том, и в другом случае ошибочным, на наш взгляд, является противопоставление данного перевода творчеству Чосера. Тим Мейчен в своем исследовании [Machan, 1989] говорит о единстве подходов и методов в работе переводчика и писателя того времени, о сходстве в средневековом понимании авторства и верности оригиналу, о повышении литературного статуса оригинальных произведений посредством выполнения переводов. Разделяя подобную позицию рассмотрения любой средневековой работы в культурном, языковом и

литературном контексте эпохи, хотелось бы особо подчеркнуть, что помимо безусловной важности всех вышеперечисленных факторов, перевод “Об утешении философией” не следует противопоставлять произведениям поэта из-за наличия большой значимости и тесной взаимосвязи данного перевода и оригинального творчества в деятельности Чосера. Иными словами, творчество было необходимо для перевода настолько, насколько этот перевод был значим для творчества. К моменту создания перевода сочинения Боэция “Об утешении философией” с латинского на английский творческий гений Чосера определил сверхзадачу для данного перевода как источника поэтического творчества на родном языке. Последовательной реализацией этой сверхзадачи стало близкое следование оригиналу с целью превращения перевода в “черновик” или “рабочую тетрадь” поэта и писателя. Именно из своего перевода “Об утешении философией” Джеффри Чосер заимствовал в большинство своих сочинений то целые монологи и сюжеты, то отдельные идеи, фразы и выражения. Приведем несколько примеров:

Таблица 1

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера	поэма Чосера “Троил и Хризеида”
Nam si cuncta prospicit Deus, neque falli ullo modo potest, evenire necesse est quod providentia futurum esse praeviderit. Quare si ab aeterno non facta hominum modo, sed etiam consilia, voluntatesque praenoscit, nulla erit arbitrii libertas: neque enim vel factum aliud ullum, vel qualibet	For yif so be that <u>god</u> <u>loketh alle thinges biforn,</u> <u>ne god ne may nat ben</u> <u>desseived</u> in no manere, <u>that mot it nedes been,</u> that alle thinges bityden the whiche that the <u>purviaunce of god hath</u> <u>seyn biforn to comen.</u> For which, yif that god knoweth biforn nat only the werkes of men, but also hir conseiles and hir	For som men seyn, <u>if god</u> <u>seth al biforn,</u> <u>Ne god may not deceyved</u> <u>ben,</u> pardee, <u>That moot it fallen,</u> though men hadde it sworn, <u>That purveyaunce hath</u> <u>seyn bifore to be.</u> Wherfor I seye, that from eterne if he Hath wist biforn our thought eek as our dede,

<p>exsistere poterit voluntas, nisi quam nescia falli providentia divina praesenserit. Nam si res aliorum quam provisae sunt, detorqueri valent, non jam erit futuri firma praescientia: sed opinio potius incerta: quod de Deo nefas credere iudico. (...)</p> <p>Ajunt enim, non ideo quid esse eventurum, quoniam id providentia futurum esse prospexerit: sed e contrario potius, quoniam quid futurum est, id divinam providentiam latere non possit: eoque modo necessarium est, hoc in contrariam relabi partem. Neque enim necesse est contingere quae providentur: sed necesse est, quae futura sunt, provideri. Quasi vero, quae cujusque rei causa sit, praescientia ne futurorum necessitatis, an futurorum necessitas providentiae, laboretur. At nos illud demonstrare nitamur, quoquo modo sese habeat ordo causarum, necessarium esse eventum praescitarum rerum, etiam si praescientia futuris rebus eveniendi necessitatem non videatur inferre. (Boethius, lib. V, pr. iii)</p>	<p>willes, thanne ne shal ther be no libertee of arbitre; ne, certes, <u>ther ne may be noon other dede, ne no wil</u>, but <u>thilke which that the divyne purviaunce, that may nat ben desseived, hath feled biforn</u>. For yif that they mighten <u>wrythen away in othre manere than they ben purveyed</u>, than sholde <u>ther be no stedfast prescience of thing to comen</u>, but rather <u>an uncertein opinioun</u>; the whiche thing to trowen of god, I deme it felonye and unleveful. (...)</p> <p>For, certes, they seyn that <u>thing nis nat to comen for that the purviaunce of god hath seyn it biforn that is to comen</u>, but rather the contrarye, <i>and that is this</i>: that, for that the thing is to comen, therefore ne may it nat ben hid fro the purviaunce of god; <u>and in this manere this necessitee slydeth ayein in-to the contrarye partye</u>: ne it ne bihoveth nat, nedes, that thinges bityden <u>that ben purvyed</u>, but it bihoveth, nedes, that thinges that ben to comen ben y-porveyed: but as it were y-travailed, <i>as who seyth, that thilke answer procedeth right as thogh men travaileden, or weren bisy to enqueren, the whiche</i></p>	<p>We have no free choys, as these clerkes rede.</p> <p>For <u>other thought nor other dede also</u></p> <p><u>Might never be, but swich as purveyaunce, Which may not ben deceyved never-mo, Hath feled biforn</u>, with-outen ignoraunce.</p> <p>For if ther mighte been a variaunce</p> <p>To <u>wrythen out fro goddes purveyinge, Ther nere no prescience of thing cominge</u>;</p> <p>But it were rather an <u>opinioun</u></p> <p><u>Uncerteyn, and no stedfast forseinge</u>; (...)</p> <p>They seyn right thus, that <u>thing is not to come</u></p> <p><u>For that the prescience hath seyn bifore</u></p> <p><u>That it shal come; but</u> they seyn, that therfore That it shal come, therfore the purvyance</p> <p>Wot it biforn with-outen ignoraunce;</p> <p><u>And in this manere this necessitee</u></p> <p><u>Retorneth in his part contrarie agayn</u>.</p> <p>For needfully bihoveth it not to be</p> <p>That thilke thinges fallen in certayn</p> <p><u>That ben purveyed</u>; but nedely, as they seyn, Bihoveth it that thinges, whiche that falle,</p> <p>That they in certayn ben purveyed alle.</p> <p>I mene as though I</p>
--	---	---

	<p><u>thing is cause of the whiche thing</u>: - as, whether the prescience is <u>cause of the necessitee of thinges to comen</u>, or elles that the necessitee of thinges to comen is cause of the purviaunce. <u>But I ne enforce me nat now to shewen it</u>, that the bitydinge of thinges y-wist biforn is necessarie, how so or in what manere that the ordre of causes hath it-self; al-thogh that <u>it ne seme nat</u> that the prescience bringe in necessitee of bitydinge to thinges to comen. (Chaucer, bk. V, pr. iii, 22-39)</p>	<p>laboured me in this, To enqueren <u>which thing cause of which thing be</u>; As whether that the prescience of god is The certayn <u>cause of the necessitee</u> Of thinges that to comen been, pardee; Or if necessitee of thing cominge Be cause certeyn of the purveyinge. <u>But now ne enforce I me nat in shewing</u> How the ordre of causes stant; but wel wot I, That it bihoveth that the bifallinge Of thinges wist biforen certeynly Be necessarie, <u>al seme it not ther-by</u> That prescience put falling necessaire To thing to come, al falle it foule or faire. (TC., bk. IV, 974-989; 997-1022)</p>
--	--	--

Таблица 2

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера	“Рассказ монаха” из “Кентерберийских рассказов”
<p>Herculem duri celebrant labores. Ille Centauros domuit superbos, Abstulit saeuo spoliū leoni Fixit et certis uolucres sagittis, Poma cernenti rapuit draconi Aureo laeuam grauior</p>	<p>Hercules is celebrable for his harde trauailes; he dauntede the proude Centaures, <i>half hors, half man</i>; and he biraftē the dispoylinge fro the cruel lyoun, <i>that is to seyn, he slowh the lyoun and rafte him his skin</i>. He smoot the bridde that <i>highten Arpyes</i> with certē</p>	<p>Of Hercules the sovereyn conquerour Singen his workes laude and heigh renoun; For in his tyme of strengthe he was the flour. <u>He slow, and rafte the skin of the leon</u>; He of Centauros leyde the boost adoun;</p>

<p> matallo, Cerberum traxit triplici catena. Victor immitem posuisse fertur Pabulum saeuus dominum quadrigis. Hydra combusto periit ueneno, Fronte turpatus Achelous amnis Ora demersit pudibunda ripis. Stravit Antaeum Lybicus harenis, Cacus Euandri satiauit iras Quosque pressurus foret altus orbis Saetiger spumis umeros notauit. Ultimus caelum labor inreflexo Sustulit collo pretiumque rursus Ultimi caelum meruit laboris. (Boethius, lib. IV, m. vii) </p>	<p> arwes. <u>He ravisshe</u> <u>apples fro the wakinge</u> <u>dragoun</u>, and his hand was the more hevy for the goldene metal. <u>He drow</u> <u>Cerberus, the hound of</u> <u>helle</u>, by his treble cheyne. He, overcomer, as it is seyde, hath put an unmeke lord foddre to his cruel hors; <i>this is to seyn,</i> <i>that Hercules slowh</i> <i>Diomedes, and made his</i> <i>hors to freten him.</i> And he, Hercules, slowh Ydra <i>the serpent</i>, and brende the venim. And Achelous the flood, defouled in his forhed, dreynte his shamefast visage in his strondes; <i>this is to seyn,</i> <i>that Achelous coude</i> <i>transfigure him-self in-to</i> <i>dyverse lyknesses; and,</i> <i>as he faught with</i> <i>Hercules, at the laste he</i> <i>tornede him in-to a bole;</i> <i>and Hercules brak of oon</i> <i>of his hornes, and he, for</i> <i>shame, hidde him in his</i> <i>river.</i> And he, Hercules, caste adoun Antheus the gyant in the strondes of Libie; and Cacus apaysede the wratthes of Evander; <i>this is to seyn,</i> <i>that Hercules slowh the</i> <i>monstre Cacus, and</i> <i>apaysede with that deeth</i> <i>the wratthe of Evander.</i> And the bristled boor marked with scomes the shuldres of Hercules, the whiche shuldres the heye cercle of hevne sholde </p>	<p> He Arpies slow, the cruel briddes felle; <u>He golden apples rafte of</u> <u>the dragoun;</u> <u>He drow out Cerberus,</u> <u>the hound of helle;</u> He slow the cruel tyrant Busirus, <u>And made his hors to</u> <u>frete him,</u> flesh and boon; He slow the firy serpent venimous; Of Achelois two hornes, he brak oon; And he slow Cacus in a cave of stoon; He slow the geaunt Antheus the stronge; He slow the grisly boor, and that anoon, And bar the heven on his nekke longe. (MnKT, 3285-3300) </p>
--	--	---

	thriste. And the laste of his labours was, that he sustened the hevene upon his nekke unbowed; and he deservede eftsones the hevene, to ben the prys of his laste travaile. (Chaucer, bk. IV, m. vii, 20-43)	
--	--	--

Таблица 3

латинский оригинал Боэция	среднеанглийский перевод Чосера	поэма Чосера “Птичий парламент”
Tu numeris elementa ligas, ut frigora flammis, Arida convenient liquidis... (Boethius, lib. III, m. ix)	Thou byndest the elementis by noumbres proporcionables, that the coolde thinges mowen accorde with the hote thinges, and the drye thinges with the moyste... (Chaucer, bk. III, m. ix, 20-23)	Nature, the vicaire of the almyghte Lord, That hot, cold, hevvy, lyght, moyst and dreye Hath knyght by even noumbres of acord... (PF, 379-381)

В таблице 1 приведена лишь небольшая часть монолога Троила, главного персонажа поэмы “Троил и Хризеида”, о свободе воли и божественном предопределении. Однако отметим, что весь монолог почти полностью позаимствован Чосером из прозы III книги V сочинения Боэция. Параллельные места подчеркнуты в таблице в среднеанглийском переводе и тексте поэмы. Сравнение двух среднеанглийских текстов показывает, что Чосер вкладывает в уста своего героя идеи, порядок и логику их изложения, фразы и обороты из своего же перевода Боэция, но облеченные в поэтическую форму. При этом он опускает в поэме собственное примечание из текста перевода (выделенное курсивом), как разъясняющее смысл латинского оригинала, но неуместное в монологе поэтического персонажа. В целом же данный монолог наглядно показывает насколько близко Чосер воспроизводит текст собственного перевода в своей поэме, что подтверждает использование им среднеанглийского перевода в качестве “черновика” для своих авторских произведений. В таблице 2 приведены

первые две строфы описания сюжета о 12 подвигах Геракла, которые позаимствованы Чосером из метра VII книги IV сочинения Боэция, а три последующие строфы, повествующие о гибели героя, основаны на начале девятой книги Овидия “Метаморфозы”, согласно В.Ф. Брайану и Дж. Демпстеру [Sources and analogues of Chaucer's Canterbury Tales, 1941]. “Отсутствуют, однако, перекликающиеся с Овидием фразы, чтобы доказать, что Чосер руководствовался напрямую именно этой версией мифа”, - замечают исследователи, приводя соответствующий текст Овидия [Sources and analogues of Chaucer's Canterbury Tales, 1941. с. 629 – перевод наш К.Т.]. Этого нельзя сказать о сочинении Боэция, когда Джеффри Чосер заимствует описание подвигов Геракла из собственного перевода с латыни, хотя и не так близко, как в монологе Троила. Здесь примечательно, на наш взгляд, что в поэтических строках “Рассказа монаха” английский поэт опирается больше на свои глоссы в переводе, поясняющие культурные реалии. Это показывает прагматическую направленность как перевода, так и поэмы на популяризацию античной мифологии в среднеанглийской культуре. В таблице 3 в поэме “Птичий парламент” в шутовском птичьем гомоне, приветствующем появление богини Природы, Чосер перефразирует предложение из своего перевода сочинения Боэция о божественной функции физического мира вокруг нас. Итак, все указанные выше заимствования из среднеанглийского перевода “Об утешении философией” в разные поэмы Чосера различаются по объему и тематике: монолог Троила перекликается с современной поэту схоластической полемикой; “Рассказ монаха” излагает в поэтической форме античный миф; в поэме “Птичий парламент” философская мысль о божественном назначении природы встроена в общую сюжетную линию произведения. Хотя примеров подобного заимствования гораздо больше, чем мы имеем возможность привести в данной работе, всех их объединяет общий источник – среднеанглийский текст перевода Чосера и его функционирование в качестве “рабочей тетради” великого английского поэта.

Обилие таких заимствований подтверждает наличие переводческой сверхзадачи и установку Чосера-переводчика почерпнуть из латинского оригинала идейный, сюжетный, лексический и др. материал для своих сочинений. Неслучайно также, на наш взгляд, что данный перевод завершает первый период творчества и предшествует созданию основных произведений поэта, которые перекликаются параллельными местами с переводом Чосера. Объяснить этот факт одним лишь интеллектуальным и художественным влиянием латинского оригинала на среднеанглийского переводчика было бы не совсем верно, так как мы знаем из биографии поэта, что он, к примеру, встречался с Петраркой и был под впечатлением его работ, а также произведений Боккаччо, французской литературы, поэзии Овидия, Гомера и т.д. И разумно предположить, что влияние этих авторов на Чосера могло быть более сильным и значимым, чем влияние Боэция. Однако ни одного из этих авторов Джеффри Чосер не переводил лично на английский язык (исключением является “Роман о Розе”, который Чосер частично перевел с французского еще до создания своей первой поэмы), и, как следствие, ни с каким другим произведением, кроме “Романа о Розе”, у Чосера нет такого количества параллельных фраз, как с сочинением Боэция “Об утешении философией”. Да, в некоторых произведениях, особенно в “Кентерберийских рассказах”, у Чосера часто встречаются пересказы и переложения сюжетов, сочинения по мотивам, перекликающиеся с баснями Эзопа, “Тезеидой” Боккаччо, “Метаморфозами” Овидия, “Божественной комедией” Данте [Sources and analogues of Chaucer's Canterbury Tales, 1941]. Подобная практика использования чужих и разных “бродячих” сюжетов в собственном творчестве была довольно распространена во времена Чосера в разных культурах, что, вероятно, было продиктовано необходимостью сюжетного материала для формирующихся национальных литератур. “В Средние века изобретение сюжета было не столь поощряемо, большее значение имела манера изложения, а не новизна рассказа, таким образом, Чосер был далеко не единственным в новом использовании того, что он

черпал в своем чтении или ... иными словами в разливании молодого вина в старые мехи” [Elliot, 1969. с. 51 – перевод наш К.Т.]. В этом смысле средневековое понимание авторства сильно отличается от современного (что еще раз подчеркивает необходимость изучения средневековых творений в контексте эпохи), и, исходя из него, заимствование Джеффри Чосером из своего перевода латинского сочинения в авторские произведения было вполне естественно.

Рассмотрение среднеанглийского перевода “Об утешении философией” с точки зрения решаемой Чосером экстрапереводческой сверхзадачи, которая заключалась в дальнейшем использовании этого текста как материала для творчества на родном языке, снимает целый ряд вопросов и критических замечаний в адрес национального английского поэта. Так, во-первых, беспочвенным становится сравнение языка и стиля перевода и поэтических произведений Чосера и, как следствие, противопоставление их; во-вторых, снимаются вопросы, почему Джеффри Чосер переводил Боэция не в стихотворной форме, как, например, “Роман о Розе”, и почему он так близко следовал латинскому оригиналу в отличие от других своих переводов. Этого требовала от него заранее поставленная им самим сверхзадача по превращению перевода в “рабочую тетрадь” или “черновик” поэта и писателя. Ведь любое более свободное обращение с латинским оригиналом неизбежно повлекло бы за собой бóльшие потери частей текста и содержания, что, в свою очередь, сократило бы материал для авторского заимствования. Здесь следует обратиться к справедливому замечанию В.Н. Комиссарова о том, что “цель перевода составляет важный компонент переводческой ситуации”, и о необходимости учета “влияния такой цели на выбор стратегии переводчика” [Комиссаров, 2002. с. 137]. Хотя у нас отсутствуют прямые свидетельства самого Джеффри Чосера о поставленной им сверхзадаче для перевода “Об утешении философией” Боэция, однако выбранная им стратегия максимально близкого воспроизведения оригинала в переводе и многочисленные факты последующего заимствования из этого

перевода в оригинальные произведения являются весомым косвенным доказательством наличия подобной экстрапереводческой сверхзадачи. Выражаясь в современных терминах, среднеанглийский перевод Чосера возможно было бы условно классифицировать как филологический перевод, “как можно более полно отражающий не только содержание, но и форму оригинала” [Комиссаров, 2002. с. 144] с последующей целью создания литературных произведений. Слово “условно” намеренно подчеркнуто нами из-за невозможности сравнения современного состояния языка и коммуникативной ситуации в Англии XIV века: недостаточность ресурсов среднеанглийского языка не позволяла во многих случаях воспроизвести форму оригинала, не были еще определены нормы и узус ПЯ, большой культурный разрыв препятствовал часто более полному отражению содержания оригинала и т.д. Классификация перевода Чосера как филологического возможна лишь с точки зрения цели создания среднеанглийского перевода как источника творчества великого английского поэта.

В заключении попытаемся провести диахроническое сравнение двух переводов “Об утешении философией” Боэция, выполненных королем Альфредом в IX веке и Джеффри Чосером в XIV веке. Хотя в древнеанглийском тексте переводчик достаточно свободно обращается с оригиналом, а английский национальный поэт, напротив, близко следует латинскому тексту, оба переводчика поступают так исходя из поставленной сверхзадачи перевода. Для короля Альфреда целью выполнения перевода была дальнейшая проповедь христианства для укрепления веры своего народа, а также позиций церкви и государства. Исходя из этого, его переводческая стратегия заключалась в христианизации языческого оригинала и повествовании о недавно прославленном церковью святом Северине. Для Джеффри Чосера целью выполнения перевода была необходимость оценить в процессе работы возможности родного языка и культуры по отношению к классическому латинскому сочинению и

почерпнуть из текста перевода идейный, интеллектуальный, сюжетный, фразовый и лексический материал для своего творчества. Исходя из этого, его переводческая стратегия заключалась в близком следовании оригиналу Боэция для последующего заимствования в свои собственные литературные произведения. Итак, наличие конкретной экстрапереводческой сверхзадачи объединяет эти два столь различных перевода в истории английского языка и культуры.

Важно также отметить, что характер поставленной переводчиком сверхзадачи определялся личностью самого переводчика, его ролью в истории и судьбе своего народа. Так, для короля Альфреда, правящего монарха и главы религиозного государства, перевод становится кафедрой проповедника веры и высоких нравственных идеалов. А для Джеффри Чосера, национального гения Англии и “отца английской поэзии”, перевод превращается в “рабочую тетрадь” великого английского поэта и писателя. Итак, на разных исторических этапах развития языка и культуры личность самого переводчика играла огромную роль в определении целей и задач перевода.

Неутешительной представляется, на наш взгляд, неизбежность вывода о превратности современных суждений и оценок исторических переводов. Ни перевод короля Альфреда, ни перевод Джеффри Чосера не рассматриваются относительно поставленной сверхзадачи (вопрос о наличии которой и вовсе игнорируется), и редко когда какой-либо из этих переводов анализируется в контексте эпохи, породившей его. К данным историческим переводам, напротив, неадекватно применяются современные методы и критерии оценки, которые исходят, на наш взгляд, из высокомерного убеждения в том, что достижения прошедших веков не могут быть столь же научны и весомы, как современные. Так как если бы они были столь же “качественны”, то они происходили бы в рамках современных парадигм и концепций. Однако хотелось бы возразить, что гуманитарное познание не есть то же, что технический прогресс. И

выдающиеся переводчики разных исторических эпох, не имея теории, духом и гением постигали то, что современные методы делают доступным многим.

Таким образом, можно сделать следующие диахронические обобщения:

1. При переводе классического латинского сочинения на древне- и среднеанглийский наличие экстрапереводческой сверхзадачи представляется неизбежным на заре развития общенационального языка и культуры.
2. Определение и характер такой сверхзадачи перевода во многом зависит от личности переводчика и ее роли в истории своей страны.
3. Во избежание необъективного заключения исторические переводы необходимо анализировать и оценивать относительно культуры и эпохи, породившей их, а также относительно поставленной переводчиком сверхзадачи.

Рассмотрев выполненный Джеффри Чосером перевод сочинения Боэция “Об утешении философией”, нельзя не отметить ту огромную роль, которую данный труд сыграл в развитии национальной культуры Англии. Как мы имели возможность убедиться, среднеанглийский перевод не только сделал античное произведение доступным современникам поэта, но и обогатил на много поколений английский язык и литературу.

3.3. Перевод как особый вид литературного творчества эпохи английского Ренессанса

Эпоха Возрождения или Ренессанс, зародившись в Италии, ознаменовала собой переходный период от средневековья к Новому времени в разных европейских странах. И как любое явление подобного масштаба, Ренессанс был связан и отчасти обусловлен глобальными социально-экономическими, геополитическими, идейными и духовными переменами в истории европейской цивилизации. Крушение последнего оплота великой Римской империи – Византийской империи (захват Константинополя турками в 1453 году); кризис папской власти и римско-католической церкви; разрушение феодальных основ общества в сферах собственности, производства, права; рост национального обособления одних государств и стремление к консолидации других; зарождение и бурный рост буржуазии как общественного сословия; смена Птолемеевой модели мира на систему Коперника; изобретение пороха, навигационного компаса и книгопечатания; великие географические открытия – все это лишь небольшая часть той массы факторов и явлений, способствовавших зарождению и развитию эпохи Возрождения. В совокупности Ренессанс представляет собой “всеобъемлющее движение европейского мышления и воли к самоосвобождению, к подтверждению естественных прав разума и чувств, к покорению нашей планеты как места деятельности человека, к созданию, как для государств, так и для отдельных личностей управляющих теорий, отличных от средневековых” [(Britannica) – перевод наш К.Т.]. Неудивительно, что эпоха, охватывающая столь масштабные мировоззренческие, идейные и культурные сдвиги, не имеет четких границ ни хронологических, ни географических. В Италии, на родине Возрождения, этот период традиционно принято считать более продолжительным, с XIV по XVI века, так как обращение к греко-римской

античности, неотъемлемая черта Ренессанса, имело там глубокие национально-исторические корни. В другие европейские страны: Францию, Испанию, Германию, Нидерланды, Англию – Возрождение пришло примерно к середине XV по конец XVI веков, и имело в каждой стране свои национальные особенности, сохраняя при этом общую тенденцию смены формаций, ценностей, укладов и взглядов. Такая смена не была, безусловно, резкой и окончательной, но прежняя средневековая цивилизация продолжала еще какое-то время существовать, где-то растворяясь, где-то смешиваясь с новой эпохой. Важно также отметить, что далеко не все перемены, произошедшие в эту эпоху, носили ренессансный характер: Крестьянская война в Германии, Буржуазная революция в Нидерландах, Реформация в Англии и другие социальные, политические, религиозные конфликты не являются ренессансными, но связаны с Возрождением, скорее, опосредованно.

Культура Возрождения, будучи порождением своего времени, была обусловлена теми же глобальными изменениями и тенденциями развития и “отразила в себе специфику переходной эпохи. Старое и новое нередко причудливо переплеталось в ней, представляя своеобразный, качественно новый сплав” [БСЭ]. Основными ее чертами принято считать светский характер науки и искусства, гуманизм и возрождение идеалов классической античности (откуда вся эпоха и получила свое название). Начавшаяся в этот период секуляризация сознания общества придала светский характер наукам и искусству, которые, в свою очередь, сделали центральным объектом своего внимания и изучения человеческую личность, ее устремления и интересы. Подобный антропоцентризм стал основополагающим принципом гуманизма, сочетавшим в себе синкретический подход к различным философским и богословским системам взглядов, а также переосмысление и обращение к греко-римской античности. Последний фактор стал мощным стимулом для стремительного развития филологии и переводческой деятельности, так как возрождение

античного наследия требовало прежде всего углубленного изучения греческого и латинского языков, тщательного анализа и упорядочения древних рукописей, а также точного перевода их на разные европейские языки. В целом гуманизм как новое мировоззрение повлек за собой огромный всплеск во всех областях культуры: педагогике, естествознании, географии, литературе, живописи, архитектуре и т.д. Многие выдающиеся деятели эпохи Возрождения активно исповедовали и претворяли в жизнь идеалы гуманизма.

В Англии Ренессанс принято отсчитывать с конца XV века, когда почти тридцатилетняя война Алой и Белой Розы завершилась в 1485 году гибелью в бою Ричарда III из династии Йорков и воцарением его противника Генриха VII из династии Тюдоров. В связи с этим эпоху Возрождения в Англии еще называют эпохой Тюдоров, так как она приблизительно совпадает хронологически с периодом правления этой династии: Генрих VII (1485 – 1509); Генрих VIII (1509 – 1547); Эдуард VI (1547 – 1553); Мария I (1553 – 1558); Елизавета I (1558 – 1603). После окончания изнурительной для страны междоусобицы в наступивший мирный период расцвела национальная торговля шерстью и шерстяными тканями с Европой через порты Лондона и Антверпена. Это способствовало укоренению начатков промышленного производства в сельской местности, с одной стороны, и кризису аграрного сектора через сокращение сельскохозяйственных земель (т. н. политика “огораживаний” – enclosure), с другой стороны [Bindoff, 1977]. Все эти факторы в совокупности с гораздо меньшей, чем в современном мире, разницей между городом и деревней привели к быстрому росту и развитию городов, в особенности Лондона. “Политическая эмансипация городов из-под контроля феодальных магнатов совпала с их социальной эмансипацией от феодальных уз. В городе виллан становился свободным гражданином города, имеющего самоуправление. Общество стало более подвижным, и сила, которая заставляла его двигаться, была силой денег” [Bindoff, 1977. с. 41 – перевод наш К.Т.].

Помимо исторически сложившегося английского дворянства в сельской местности, в городах зарождалось новое, коммерческое сословие или буржуазия. И хотя в конце XV века эти тенденции носили зачаточный характер, они означали собой перемены, характерные для всей эпохи Возрождения.

Социально-экономические, политические изменения создали предпосылки для нового мировоззрения, и культура Возрождения стала постепенно проникать в Англию с континента. Начало книгопечатания Вильямом Кэкстоном в 1475 – 1477 годах способствовало быстрому распространению идей Ренессанса. И уже в 1499 году Эразм Роттердамский, впервые посетивший тогда Англию, с восторгом отзывался в своих письмах о выдающихся английских гуманистах, которыми были Джон Коле, Вильям Гросин, Томас Линакр и Томас Мор [Lindsay, 1932]. Все они получили блестящее по тем временам образование в Оксфорде, а также под руководством своих наставников-гуманистов в Италии, много путешествовали по Европе и привезли к себе на родину не только идеи Ренессанса, но и греческие и латинские рукописи. Томас Линакр был известным врачом, практиковавшим в Лондоне и при дворе короля Генриха VIII, впоследствии он основал Королевский медицинский колледж. Он также преподавал греческий язык в Оксфорде, и был наставником принца Артура и пятилетней принцессы Марии, для которой написал знаменитую грамматику латинского языка. Остальные его работы – это переводы греческих трактатов по медицине. Вильям Гросин был выдающимся филологом и преподавал греческий в Оксфорде еще до 1488 года. Джон Коле стал поистине идеологом Реформации в Англии. Исповедуя принцип индивидуальности личности (вполне в духе Возрождения), он выступил 6 февраля 1511/12 года перед университетским советом, утверждая, что Реформация должна начаться в душе каждого отдельного человека, и так, совершившись в душах высшего духовенства, она постепенно проникнет во всю церковь, и никакие изменения в церковных уставах и правилах будут не

нужны [Lindsay, 1932]. Джон Коле читал лекции по Новому Завету в Оксфорде в течение шести лет, а затем открыл школу святого Павла в Лондоне и преподавал там. Томас Мор, ученик Линакра, Гросина и Коле, близкий друг Эразма Роттердамского, обладал большим литературным даром и в 1516 году написал на латыни свое знаменитое сочинение “Утопия”, представив в художественной форме устройство идеального государства. Книга тут же получила широкое признание в разных странах Европы и была переведена на другие языки, а в 1551 году издана на английском. Сам Эразм Роттердамский, найдя в Англии понимание и поддержку друзей и покровителей, несколько лет читал лекции в Оксфорде и печатал свои сочинения. Видными английскими педагогами-гуманистами были Роджер Ашам и Томас Элиот, стремившиеся адаптировать на английской почве модели классического античного образования. Так, постепенно проникая с континента, культура Возрождения охватила сначала лучшие умы того времени, но Англия здесь не была исключением. Распространение ренессансной культуры в других европейских странах также начиналось с влияния интеллектуальной элиты общества, которая образовывала своего рода единую “космополитическую республику... Эта республика основалась в Европе, в Европе почти дикой, крайне воинственной и сравнительно неученой – в ней, но не из нее. Ее гражданами стал особый народ, который жил и трудился среди буйства оружия, политических конфликтов и религиозных столкновений, происходивших вокруг них. Республика разрасталась тихо и широко, пока едва ли не отличительной чертой любого хорошо образованного человека стало умение читать, писать и свободно говорить по-латыни и немного по-гречески” [Lindsay, 1932. с. 1 – перевод наш К.Т.].

Однако культура Ренессанса не оставила бы такого значимого следа в истории всей европейской цивилизации, если бы затронула только интеллектуальную верхушку общества. Распространение принципиально нового мировоззрения, неразрывно связанного с культурой Возрождения,

стало возможно благодаря доступности идей Ренессанса простым согражданам выдающихся гуманистов той эпохи. И в этом основная заслуга принадлежит резко возросшей переводческой деятельности как самих просветителей-гуманистов, так и их менее именитых современников. Поэтому изучение переводов этого периода – “это изучение тех средств, благодаря которым Возрождение пришло в Англию” [Matthiessen, 1931. с. 3 – перевод наш К.Т.]. Среди первых переводов эпохи английского Ренессанса были разные французские сочинения, изданные на английском языке Вильямом Кэкстоном, так как объем национальной литературы был к тому времени сравнительно небольшим, и печатный станок, завезенный Кэкстоном в Англию в 1477 году, выпускал больше переводов как научных трактатов, так и художественных произведений. “Епископ Гэйвин Дуглас (1476 – 1522), к примеру, который перевел “Энеиду” Вергилия с латинского на свой родной шотландский в самом начале века, может считаться “первым великим переводчиком Ренессанса” в Великобритании...” [Dictionary of literary biography, 1993. с. xii – перевод наш К.Т.]. В 1525 году лорд Бернерс перевел на английский французские “Хроники” Фроссара и сочинения испанца Антонио де Гуэвара. Среди деятелей Реформации Вильям Тиндэйл (ок. 1494 – 1536) впервые перевел с греческого весь Новый Завет, а Пятикнижие Ветхого Завета – с древнееврейского⁸. Начавшееся на рубеже веков оживление переводческой деятельности переросло в настоящий расцвет перевода во второй половине XVI века, совпавший со временем правления Елизаветы I. Знаменитыми переводчиками-елизаветинцами стали Томас Гоуби, Томас Норт, Филемон Голланд, Джон Флорио. Известно, что великий английский драматург Вильям Шекспир пользовался как источником для нескольких своих пьес переводом Томаса Норта сочинения Плутарха “Жизнеописания знатных греков и римлян” и заимствовал множество цитат из этого перевода. Рассматривая всю историю переводческой деятельности в Англии, Дж. М. Коуэн выделяет два периода

⁸ Ср. деятельность Мартина Лютера по переводу Библии на немецкий язык в 1521-1534 гг.

наивысшего расцвета: так называемый елизаветинский и современный (вторая половина XX века) [Cohen, 1962]. “Первый обычно называют елизаветинским, хотя он охватывает правление Генриха VIII и продолжается до середины XVII века, в который великие произведения классической античности, а также некоторые современные той эпохе книги, были привнесены в страну, которая еще отставала с литературной точки зрения, но язык которой находился в самой яркой и живой своей форме...” [Cohen, 1962. с. 9 – перевод наш К.Т.]. Итак, стремительное развитие переводческой деятельности XV – XVI веков и рост числа переводов способствовали проникновению идей Ренессанса в широкие слои общества.

Однако, говоря о распространении культуры Возрождения в Англии, чрезвычайно важно, на наш взгляд, отметить и обратную зависимость роста переводческой активности, а именно сильно возросший интерес к чтению и огромную востребованность самых разных переводов со стороны нарождавшегося среднего класса английского общества. Этот период “совпал с появлением нового класса читателей в самой Британии. Новый разбогатевший купец или землевладелец эпохи Тюдоров, не имея знания ни латыни, ни французского средневековой знати и духовенства, требовал от новых печатных станков великих творений мировой литературы на своем родном языке...” [Cohen, 1962. с. 9 – перевод наш К.Т.]. Необходимо подчеркнуть, что ряд исследователей связывают этот социальный фактор рождения среднего класса с феноменом Ренессанса в целом, объясняя весь переход от одной эпохи к другой развитием нового сословия [Wright, 1935. с. 4]. Так, к примеру, вся культура Возрождения рассматривается как светский или даже языческий бунт против церковной монополии на науку, образование и искусство; а Реформация, исходя из такой позиции, является духовным проявлением этого бунта; на социальной шкале это выражается в соперничестве богатых горожан с феодальными лордами за землю и титул; а политически – в увеличении Палаты общин за счет сокращения Палаты лордов и абсолютизма монархии. Оставив за рамками нашей работы

дискуссионные проблемы истории европейской цивилизации, отметим лишь, что для нашего исследования отдельного перевода в истории страны и ее культуры принципиально важен сам факт выделения роли среднего класса в развитии Англии XVI века для рассмотрения как переводов, так и национальной литературной традиции этого периода.

Для более полного понимания важной роли буржуазии в формировании вкусов и взглядов английского Ренессанса необходимо обратиться к истокам и эволюции нового сословия. Как уже было отмечено выше, бурный рост торговли шерстью и тканями в конце XV века был неразрывно связан с увеличением их производства на селе и в городе, и на общественной сцене появилось быстро растущее количество мелких и крупных оптовиков, старших мастеров, посредников, купцов и т.д. Отличительной чертой их была тесная связь с производством, так как разделение труда было довольно условным, и каждый из них обычно сочетал в себе функции и производителя, и поставщика, и закупщика. За оживлением коммерческой деятельности последовал стремительный рост городов, что особенно очевидно на примере Лондона, население которого составляло 75000 человек в 1500 году, 93276 – в 1563 г., 123034 – в 1580 г., 152478 – в 1593 г. и около 200000 человек в 1600 году (для сравнения, все население Англии 1600 года насчитывало приблизительно 4 460 000 человек) [Bindoff, 1977; Wright, 1935]. Почти все представители династии Тюдоров покровительствовали растущему коммерческому сословию: Генрих VIII имел много советников и компаньонов из их числа, а при Елизавете I, прапрадед которой был лондонским купцом, многие выдающиеся государственные деятели были не знатного происхождения. Итак, между двумя традиционными классами: высшей английской знатью, дворянством и мелкими ремесленниками, крестьянством – развилась и быстро приобрела большой удельный вес в обществе “социальная группа, чьи помыслы и интересы сосредотачивались на доходах от предпринимательства. Ее представители образовали средний класс,

буржуазию, сословие рядовых граждан” [Wright, 1935. с. 2 – перевод наш К.Т.].

Неудивительно, что мировоззрение и ценности нового слоя общества проистекали из его происхождения и сферы деятельности. “Пробиваясь вперед, он развивал новые идеи собственной значимости и вынашивал честолюбивое стремление к лучшим достижениям: материальным, духовным и интеллектуальным. В поддержку своих социальных амбиций елизаветинский бизнесмен развил философию успеха, которая выделяла накопительство, честность, трудолюбие и благочестие” [Wright, 1935. с. 1 – перевод наш К.Т.]. Эти основные черты английской буржуазии XV – XVI веков отражали ее сущность. Накопительство и трудолюбие были вполне в духе людей производственной и коммерческой сферы, добившихся всего своими силами. При благоприятных финансовых обстоятельствах эти качества вылились в стремление к роскоши, и преуспевающие горожане эпохи Тюдоров стали одеваться в шелка и бархат, есть на серебряной посуде, сносить свои старые и строить новые дома с витражами вместо простого стекла и резными лестницами, на стенах появились гобелены и картины. Подобная любовь к цвету, яркости, пышности нашла свое отражение в самых разных жанрах искусства той эпохи. Честность и благочестие составляли иную сторону сущности буржуазного сословия, которая заключалась в их убежденной религиозности, коренившейся в их происхождении и воспитании в простых набожных семьях. В рамках нашего исследования на передний план выходит отчетливая связь такой протестантской религиозности со стремлением к образованию. “Вера в учение, достигаемое либо посредством чтения хороших книг, либо путем школьного обучения, никогда не ослабевала в сознании среднего класса XVI – XVII веков, так как они твердо верили, что образование было средством спасения (духовного, экономического и социального), которое преподаст им образ жизни, ведущий к процветанию в коммерции, продвижению по социальной лестнице и, в конце концов, к месту одесную

Бога с Авраамом и Исааком” [Wright, 1935. с. 78 – перевод наш К.Т.]. Именно поэтому английское общество эпохи Тюдоров взяло из рук церкви и государства опеку над школами: отдельные благотворители и целые купеческие гильдии начали открывать и содержать школы. Результатом был резкий рост грамотности населения, даже среди слуг, и лишь редкие семьи среднего класса не посылали своих детей в школу. Под влиянием этого нового сословия с его утилитарным подходом к жизни школьное образование того времени предлагало ученику не только академическую, но и практическую подготовку. Любовь к чтению и книгам также отражала образовательные устремления тюдоровской буржуазии. Исторически это подтверждается бурно растущей книжной торговлей XVI века: организованная в 1557 году в Лондоне Компания книгоиздателей объединила 97 издательств [Wright, 1935]. Конкуренция на рынке книжной продукции делала книги очень дешевыми и доступными для широких слоев общества, и литература самых разных жанров и качества стала пополнять домашние библиотеки и коллекции, за чем, естественно, последовало открытие публичных библиотек в XVII веке. В этом своего рода книжном буме, охватившем рядовых граждан, проступает также и коммерческий стимул для роста переводческой активности помимо общего культурного влияния эпохи Возрождения. При этом литературные вкусы общества проявлялись скорее в количестве, чем в качестве, и были продиктованы больше любознательностью ко всему новому и утилитарным прагматизмом читателей того периода. Итак, культура Возрождения так глубоко и широко охватила английское сознание XVI века отчасти благодаря обоюдной направленности разных сил общества: распространяя с континента свое влияние на интеллектуальную элиту страны, культура Ренессанса оказалась сильно востребованной нарождавшимся сословием английской буржуазии, которая легко впитала и ассимилировала ее в своем мировоззрении.

Одно из проявлений Возрождения в Англии, а именно стремительное разрастание аудитории читателей как оригинальной, так и переводной

литературы за счет среднего класса общества, сместило баланс всей цепи и первичной, и вторичной коммуникации /Автор → Текст → Получатель (Переводчик) → Текст Перевода → Получатель Перевода/ в сторону установки на получателя. Для нового английского буржуа писались книги, но еще больше выполнялось переводов самых разных жанров. Эта установка и автора, и переводчика XVI века на мировоззрение, вкусы, запросы среднего класса общества сформировала во многом литературную и переводческую традицию того времени и сделала сочинения и переводы эпохи Тюдоров отличными от всех остальных. Исследуемый нами перевод Джорджа Колвила произведения Боэция “Об утешении философией” наглядно иллюстрирует подобное влияние установки на получателя перевода на стратегию переводчика. Поэтому прежде чем непосредственно приступить к анализу самого текста перевода нам необходимо в практических целях кратко обрисовать собирательный образ представителя новой английской буржуазии, к которому можно апеллировать для понимания и объяснения различных решений переводчика XVI века.

Итак, наш усредненный получатель перевода⁹ происходит из простой семьи, возможно, из сельской местности, но, занявшись ремеслом и торговлей при благоприятных условиях в стране, он начинает преуспевать в своем бизнесе и перебирается в город, возможно, в Лондон. Здесь ему открывается новый мир материальных и культурных ценностей, привезенных купцами со всех концов света. Торговые ряды и лавки полны предметов обихода и украшений из Европы, Азии и Китая, все это по-детски удивляет и радует его, он начинает менять и улучшать свой быт. Его образование в церковно-приходской школе сводится к умению читать, писать и считать (чего вполне хватает для его профессиональной деятельности), но, мечтая о еще большем преуспевании для своих детей, он отправляет их в школу, где они, возможно, сидят за одной партой с детьми

⁹ Составлено на основе фактического материала, приведенного в исследовании Л. Райта [Wright, 1935].

из дворянских семей, так как основной принцип получения образования заключался в способностях, а не знатности происхождения. Нашего рядового гражданина английского общества отличает сильное чувство собственного достоинства: он очень гордится своим родом занятий, обеспечившим ему новое, лучшее положение в жизни, и особенно гордится тем, что достиг всего сам, своими силами. В доме его родителей было, возможно, всего две книги: Библия и какой-нибудь альманах, но любознательность нашего предпринимателя активно стимулируется рассказами на торговых площадях и в пабах о других странах, путешествиях, разных чудесах, и он довольно часто покупает на рынке книги для своей домашней библиотеки. Вечерами, сидя у резного камина в своем новом доме, он с удовольствием берет в руки любую книгу: роман, трактат по навигации, коневодству, архитектуре, памфлет, историю стран и народов и т.д. Однако, руководствуясь утилитарными соображениями практичного человека, он прежде всего прочтет аннотацию, посвящение и предисловие (написанные как раз с учетом его психологии), чтобы выяснить, какой цели служит данная книга и какая от нее может быть практическая польза. Это утилитарное осознание полезности и поучительности своего чтения доставляет ему не меньшее удовольствие, чем само чтение. По складу мышления и мировоззрению он во многом продолжает оставаться простоватым провинциалом, не отличающимся критическим восприятием, с несколько грубоватым вкусом, предпочитающим остроту эмоций и яркость красок духовному содержанию, гармоничности, тонкости впечатлений. Но следует помнить, что наш собирательный портрет представляет наиболее динамичный и быстро развивающийся во многих отношениях слой общества; кругозор его расширяется, деревенская хитроватость уступает место проницательности делового человека, его эстетические и духовные запросы растут. Потребуется не одно поколение в эволюции тюдоровского буржуа, прежде чем она завершится формированием привычного для наших дней среднего

класса, основы современного западноевропейского общества. Итак, с учетом подобного усредненного получателя XVI века Джордж Колвил выполнял свой перевод с латинского на ранненовоанглийский.

О самом переводчике почти ничего, к сожалению, не известно, кроме того, что, как следует из титульного листа книги, он перевел сочинение Боэция в 1556 году, Джон Кэйвуд был издателем английского перевода вышедшего еще одним тиражом через 5 лет, в 1561 году, в том же издательстве. В аннотации говорится, что его фамилия имеет двоякое написание и произношение: Колвил (Colvile) во французской манере и Колдевел (Coldewel) в английской манере, на что также указывает самый обширный источник сведений об исторических личностях Англии – Словарь национальной биографии. “Колвил или Колдевел, Джордж (1556), переводчик, студент Оксфорда (согласно Вуду; его имя не упоминается в университетском списке Боуса) перевел сочинение Боэция “Об утешении философией”. (...) Латинский текст напечатан курсивом на внутренних полях книги, основной текст набран черным шрифтом. Перевод находится в Британском музее” [The compact edition of the dictionary of national biography, 1975. с. 417 – перевод наш К.Т.]. В предисловии к изданию 1897 года его редактор Э.Б. Бэкс также с сожалением констатирует отсутствие каких-либо иных сведений о переводчике [Вах, 1897]. Такая безызвестность самого Джорджа Колвила и “неудачное” время создания перевода, возможно, отчасти объясняют тот факт, что данный перевод не был исследован ни в XX веке, ни в предыдущих столетиях. “Неудачным” мы называем 1556 год потому, что основная масса исследований переводов [Matthiessen, 1931; Cohen, 1962; Winny, 1960; Whibley, 1932] посвящена периоду елизаветинского расцвета литературной и переводческой деятельности, который условно ограничивают годами правления Елизаветы I (1558 – 1603). А малоизвестный перевод, формально выпадающий за эти хронологические рамки, остался вне поля зрения разных исследователей по обеим сторонам океана. И даже редактор издания XIX века Э.Б. Бэкс,

являясь историком, посвятил свое предисловие биографии Боэция и значению его трудов для истории культуры европейской цивилизации [Вах, 1897]. Подобное отсутствие сведений о жизни и личности переводчика ограничивает возможности для понимания мотивации как создания перевода, так и конкретных переводческих решений, и в этом случае текст становится единственным источником фактического материала.

Перевод Джорджа Колвила предваряют написанные им аннотация, посвящение, предисловие и пролог переводчика в традиции английской литературы XVI века. В аннотации очень кратко дается содержание произведения и говорится о том, что это сочинение переводное с латинского на английский. Однако наибольший интерес представляет самое первое предложение, предлагающее читателю утилитарное обоснование назначения и полезности этой книги, рассчитанное, как указывалось выше, на прагматичную психологию представителя среднего класса Англии эпохи Тюдоров. “The boke of Boecius, called the comferte of philosophye, or wysedome, moche necessary for all men to read and know, wherein such as be in aduersitie, shall fynde muche consolation and comferte, and such as be in great worldly prosperitie may knowe the vanitie and frailtie therof, and consequently fynde eternall felycytie.” (Colvile, 1) /Книгу Боэция, названную утешением философии или мудрости, весьма необходимо всем прочитать и знать, где те, кто в несчастье, найдут большое утешение и успокоение, а те, кто в огромном мирском благополучии, смогут понять тщетность и хрупкость его и, как следствие, найти вечное счастье. – перевод наш К.Т./ С самых первых строк после заглавия, даже прежде чем сообщить, о чем эта книга и из какой литературы, переводчик подчеркивает ее необходимость и полезность “для широкого круга читателей”, выражаясь современным языком. Помимо рекламно-коммерческой установки этим Колвил заявляет, на наш взгляд, свою установку на получателя из числа среднего класса, наш собирательный образ, который во всем руководствовался соображениями пользы, и которого, без сомнения, привлекала такая назидательная роль

сочинения. “Буржуазия вырабатывала определенный критерий оценки, и этим критерием была полезность. Первое требование, которое предъявлялось к книге, было, чтобы она служила какому-нибудь полезному назначению. (...) Памфлеты, описывающие убийства и другие преступления, рекомендовались как предупреждения и так воспринимались читателями. Почти постоянно заявка на поучительность делалась в тех книгах, которые искали благоволения у значительного среднего класса” [Wright, 1935. с. 100 – перевод наш К.Т.].

За аннотацией следует посвящение этого перевода ее величеству королеве Марии I Тюдор (1553 – 1558), во время правления которой и был создан перевод. Цель этого посвящения переводчик излагает достаточно ясно: “...I (of my selfe unworthy, both for lacke of wytte and eloquence) toke upon me after my rude maner, to translate the same worke out of Latyn, into the Englysshe tounge, and so to dedicate the same unto youre hyghnes, not thynkyng it a thyng worthy for your grace, beyng so rudelye done, but that I, and also my translation, myghte obtayne more fauour of the readers, under the protectiō and fauour of your name.” (Colvile, 4) /Я (о себе недостойный из-за нехватки и ума, и красноречия) взял на себя в своей грубой манере перевести этот же труд с латинского на английский язык, и тем посвятить его же Вашему Величеству, не считая его достойным Вашей милости, так как он так грубо выполнен, но надеясь, что я, а также мой перевод, могли бы снискать большее благоволение читателей под покровительством Вашего имени. – перевод наш К.Т./ Однако за простым благоговением верного подданного Джорджа Колвила, излагающего в длинных витиеватых предложениях посвящение своего перевода королеве, скрывается более широкая экстралингвистическая мотивация к созданию перевода. Подтверждение этому мы находим в первых строках предисловия: “There was a noble man, a consul of Rome named Boecius, this man was a catholike man and dysputed for the faith in the comon counsayle agaynste the herytykes Nestoryus and Euticen, and confuted them...” (Colvile, 5) /Был один знатный

человек, консул Рима, по имени Боэций, этот человек был католиком и выступал за веру в общем собрании против еретиков Нестория и Евтихия и опроверг их учение... - перевод наш К.Т./ Церковный авторитет святого Северина выходит на первый план, так как именно с указания на него Джордж Колвилл начинает биографию Боэция. Хотя сразу очевидны две грубые ошибки переводчика: причисление “последнего римлянина” к католикам является анахронизмом, так как разделение церквей произошло сначала в 867 году и окончательно в 1054 году, а Боэций жил на рубеже V – VI веков; ересь Нестория и Евтихия была разоблачена церковью в первой половине V века еще до рождения Боэция, когда в 439 году Несторий, тогда константинопольский патриарх, был лишен сана и сослан в Оазис [СА]. Таким образом, “последний римлянин” никак не мог выступать публично и спорить с Несторием еще и по той причине, что последний уже умер (после 451 года) ко времени рождения Боэция (ок. 475). Однако эти ошибки вызваны, на наш взгляд, отнюдь не незнанием переводчика, но широким экстралингвистическим контекстом 50-х годов XVI столетия: политическими и религиозными факторами правления Марии I. Дочь Екатерины Арагонской и Генриха VIII, который объявил себя главой англиканской церкви и порвал отношения с папой римским, Мария Тюдор ревностно исповедовала католицизм и в 1554 году сочеталась браком с наследником испанского престола, который в 1556 году (год создания перевода Колвила) стал королем Испании Филиппом II. Помимо сближения с католической страной и личной веры королевы “вступление Марии Тюдор на престол сопровождалось восстановлением католицизма (1554) и католической реакцией, сопровождавшейся жестокими репрессиями против сторонников Реформации (отсюда ее прозвище Мария Кровавая)” [БСЭ]. Принимая во внимание эти факты, становится понятно, почему “последний римлянин” в предисловии Джорджа Колвила с первых строк был объявлен католиком, главная заслуга которого заключалась в борьбе с еретиками. Здесь переводчик отчасти опирается на церковный авторитет Боэция, а

отчасти на политическую ситуацию в Англии XVI века, что, возможно, легло в основу мотивации к созданию перевода.

Пролог переводчика представляет собой ораторскую речь на тему основной идеи оригинала о призрачности мирских благ и о необходимости предпочтения им благ духовных. О своей стратегии и понимании процесса перевода Колвил не сообщает ничего, только извиняется перед читателями за возможные опущения и ошибки в переводе, скромно объясняя их своим невежеством и небрежностью и оправдывая назидательной целью выполнения перевода. С точки зрения языка и стиля пролог является риторически грамотно построенной речью с инверсией для большей выразительности, эпитетами и парными синонимами, повторами, параллельными конструкциями, риторическими вопросами и восклицанием. Здесь следует вспомнить, что в 1551 году в Англии вышла в свет и стала популярной у современников книга Томаса Уилсона “Искусство риторики” (*The Arte of Rhetorique*), которая содержала традиционные положения, но была проникнута духом патриотизма, призывая к отказу от иностранных слов и романских заимствований в пользу исконных английских средств выражения [Matthiessen, 1931; Wright, 1935]. С другой стороны, “труд переводчика был актом патриотизма” [Matthiessen, 1931. с. 3 – перевод наш К.Т.], приносящим на родину литературные творения других народов. Возможно, благодаря такому общему патриотическому настрою развивающегося национального самосознания, поэт Николас Гримальд в предисловии к своему переводу речей Цицерона (1558) применил положения риторики Уилсона к оценке перевода: “Вот посмотри, какое правило ритор предписывает соблюдать оратору в изложении своей речи: чтобы она была краткой и без лишних слов; чтобы она была ясной и без непонятого смысла; чтобы она была доказуемой и без отклонения от правды. Таким же правилом должно пользоваться в изучении и оценке перевода” [цит. по: Matthiessen, 1931. с. 29 - перевод наш К.Т.]. Без сомнения, осознание нужности своего труда по переводу сочинения Боэция

“Об утешении философией” для своей страны и современников также послужило мотивом к созданию Колвилем данного перевода.

Джордж Колвил выполнил свой перевод в прозе в форме диалога Бозция и Философии, сохраняя деление на книги как в оригинале, но опуская чередование метров и прозы: каждая новая реплика одного из двух главных персонажей, какой бы по объему она ни была, предваряется пометкой (Boecius speaketh/ Boecius/ Boe/ В или Phylosophy speketh/ Phyllos/ Phil) с указанием, кто говорит. Следует отметить, что наряду с биографиями или автобиографиями и сатирой форма диалога была довольно распространена в литературе эпохи Тюдоров как в поэзии, так и в прозе [Dictionary of literary biography, 1993]. А так как оригинал не исключал такую возможность, переводчик следовал литературной традиции своего времени.

В целом Колвил очень добросовестно отнесся к поставленной задаче и, как ясно показывает сам текст перевода, стремился ничего не упустить и донести до читателя по возможности все части содержания оригинала, но в литературной обработке, выражавшейся в добавлениях и примечаниях переводчика, в духе английского Ренессанса XVI века. “Неизбежно страдала точность перевода, не столько от потерь, сколько от добавлений новых фраз и идиоматичных выражений; но результатом часто становилась передача идей автора в форме гораздо более близкой по духу мировоззрению английских читателей” [Winny, 1960. с. xv – перевод наш К.Т.]. Анализ подобных добавлений Колвила демонстрирует широкий прагматический спектр процесса и результата перевода середины XVI века: установку на получателя среднего класса, учет его мировоззрения, вкусов и фоновых знаний, соответствие литературной традиции своего времени, адаптацию текста к культуре ПЯ.

Так как каждое предложение Джорджа Колвила, как правило, сочетает в себе разные типы добавлений переводчика, рассмотрим его перевод

отдельного отрывка из оригинала Боэция почти полностью с целью выделения наиболее характерных групп добавлений переводчика.

Таблица 1

латинский оригинал Боэция	английский перевод Колвила
1. Carmina qui quondam studio florente peregi, Flebilis, heu, maestos cogor inire modos.	I that in tyme of prosperite, and floryshing studye, made pleasaunte and delectable ditie, or verses: alas now beyng heauy and sad ouerthrowen in aduersitie, am compelled to fele and tast heuines and greif.
2. Ecce mihi lacerae dictant scribenda Camenae, Et veris elegi fletibus ora rigant. (...)	Beholde the muses Poecicall, that is to saye: the pleasure that is in poetes verses, do appoynt me, and compel me to writ these verses in meter and y sorowfull verses do wet my wretched face with very waterye teares, yssuinge out of my eyes for sorowe. (...)
3. Gloria felicis olim veridis(que) iuventae Solatur maesti nunc mea fata senis. (...)	Sometyme the ioye of happy and lusty delectable youth dyd comfort me, and now the course of sorowfull olde age causeth me to reioyse. (...)
4. Intempestivi funduntur vertice cani, Et tremit effeto corpore laxa cutis. (...)	The hoer heares do growe untimely upon my heade, and my reuiled skynne trembleth my flesh, cleane consumed and wasted with sorowe. (...)
5. Eheu, quam surda miseros avertitur aure, Et flenteis oculos claudere saeva negat. (...)	Alas Alas howe dull and deffe be the eares of cruel death unto men in misery that would fayne dye: and yet refuseth to come and shutte up theyr carefull wepyng eyes. (...)

6. Nunc quia fallacem mutavit nubila vultum, Protrahit ingratas impia vita moras.	Nowe for by cause that fortune beyng turned, from prosperitie into aduersitie (as the clere day is darkyd with cloudes) and hath chaungyd her deceyuable countenance: my wretched life is yet prolonged and doth continue in dolour.
7. Quid me felicem toties iuctastis amici? (Boethius, lib. I, m. i)	O my frendes why haue you so often bosted me, sayinge that I was happy when I had honor possessions riches, and authoritie whych be transitory thynges. (Colvile, 11-12)

С первого предложения Джордж Колвил вносит в свой перевод отсутствующие в оригинале элементы риторики о мимолетности земного счастья: латинское наречие “quondam” (некогда, однажды) соответствует английской фразе “in tyme of prosperite” (в период благополучия) с явной детализацией описания; и аналогичным образом латинское прилагательное “flebilis” (достойный оплакивания) соответствует синонимической паре “heauy and sad” (отягощенный и грустный) с добавлением переводчика “ouerthrowen in aduersitie” (погруженный в пучину несчастья). В совокупности в 1-м предложении перевода появляется риторическое противопоставление prosperite/ aduersitie (благополучие/ несчастье), которое далее повторяется переводчиком в 6-м предложении, когда латинский глагол “mutavit” (сменила) соответствует английскому причастию “beyng turned” (сменившись) с добавлением переводчика “from prosperitie into aduersitie” (с благополучия на несчастье). Колвил словно продолжает риторическое рассуждение, начатое им в своем прологе, о хрупкости земных благ, когда в 7-м предложении, завершая перевод первого метра Бозция, для передачи латинской фразы “iuctastis me felicem” (вы шутили, что я счастлив) кроме английского “bosted me, sayinge that I was happy”

(подшучивали надо мной, говоря, что я счастлив) добавляет от себя “when I had honor possessions riches and authoritie whych be transitory thynges” (когда я имел почет, имущество, богатства и авторитет, которые есть преходящие приобретения). Эту мысль переводчик повторяет в разных местах текста перевода при отсутствии соответствующих фраз в оригинале: ср. лат. *Haec dixit, oculosque meos fletibus undanteis, contracta in rugam veste, siccavit.* (Boethius, lib. I, pr. ii); англ. *These thinges she sayde, and with her clothes gathered together she wyped and dried my eyes drowned with wepyng, for the losse of worldlye goodes and such vayne temporall and transytorye thynges.* (Colvile, 15). Здесь авторскую фразу “мои глаза, залитые слезами” Колвил развивает добавлением “из-за потери мирских благ и таких тщетных временных и преходящих вещей”. Следует отметить, что переводчик XVI века очень часто использует подобные добавления для развития значения оригинала. В предложении 2 латинское “fletibus” (слезами) передается английским “teares, yssuinge out of my eyes for sorowe” (слезами, истекающими из моих глаз от скорби). В предложении 4 латинское “effeto corpore” (на слабом теле) соответствует английскому “my flesh, cleane consumed and wasted with sorowe” (на моем теле, до конца охваченном и опустошенном скорбью). Такие добавления в данном случае не только придают бóльшую экспрессивность значениям перевода по сравнению с оригиналом, но и создают риторический повтор темы скорби, усиливая тем самым мысль автора о том, что сейчас он пребывает в невзгодах. В совокупности используемые Колвилем элементы риторики: противопоставление “благополучие/ несчастье”, повторы тем о преходящем характере земных благ и о состоянии скорби самого Боэция – придают тексту перевода в отличие от оригинала назидательный характер, с одной стороны, и некоторую прямолинейность, с другой стороны. Чтобы понять причины этих действий переводчика необходимо вспомнить наш собирательный образ тюдоровского буржуа с его утилитарной психологией и религиозными чувствами. Тогда становится ясно, что назидательность

повествования была для него гораздо предпочтительнее любого самого высокого художественного замысла автора. Аналогичным образом развитие и усиление значения оригинала переводчиком, создающее некоторую прямолинейность изложения, больше соответствует простоватому вкусу среднего класса XVI века, чем любые художественные образы.

Неудивительно, что перевод Джорджа Колвила в целом демонстрирует опрощение до некоторой степени авторского замысла, которое выражается в снятии образно-метафорического компонента значения оригинала. Так, в 1-м предложении, когда Боэций говорит, что он “вынужден взяться за скорбные размеры” (*maestos modos*), подразумевая этим оплакивание своих невзгод, в переводе Колвила вместо упоминания поэтических форм выражения скорби использовано понятие “*heuiues and greif*” (тяжесть и горе), что не противоречит идее автора, но не имеет никакой образной составляющей. В предложении 2 Камены Боэция предстают перед ним как живые люди, которые “заплаканы” (*lacerae*) и при этом “диктуют” (*dictant*) и “орошают лики слезами элегии” (*elegi fletibus ora rigant*). Переводчик XVI века в целях прагматической адаптации культурной реалии (*Camenae*) применяет прием генерализации и употребляет гипероним “*muses Poesicall*,” но тут же раскрывает образ фразой “*that is to saye: the pleasure that is in poetes verses*” (то есть удовольствие, которое есть в стихах поэтов). И уже это “удовольствие” (а вернее было бы вдохновение) не может “диктовать” или быть “заплаканным”, но просто “предписывает и принуждает” (*appoynt and compel*). А “элегии”, которые благодаря тому же приему генерализации превращаются в переводе Колвила в “скорбные стихи” (*sorowfull verses*), “орошают слезами лицо” уже самого Боэция, так как мифологические музы в английской культуре XVI века едва ли могли плакать. Приведенные примеры опрощения авторского замысла в переводе, несущие в себе потерю образно-метафорического компонента, связаны в большей степени с прагматической адаптацией античных поэтических и мифологических реалий. Однако и в других случаях, вне культурного поля

греко-римской античности Джордж Колвил предпочитает раскрывать метафору автора. К примеру, в 6-м предложении латинское прилагательное “*nubila*” (хмурая, облачная) употреблено в функции подлежащего и обозначает изменчивую фортуна, переводчик раскрывает и денотативное, и коннотативное значение оригинала, используя сравнение “*fortune beyng turned...(as the clere day is darkyd with cloudes)*” (фортуна сменившись...(как ясное небо затягивается облаками)). Далее в метре 3 Бозций говорит о просветлении своего сознания как о возвращении силы глазам, имея в виду очи разума: “*Luminibusque prior rediit vigor*” (И очам вернулась прежняя сила). Колвил раскрывает авторскую метафору в переводе: “*and my former strengthe of understanding came agayn*” (и моя прежняя способность к пониманию пришла вновь). Далее латинскую метафору “*nebulis tristitiae*” (тучи печали) переводчик XVI века поясняет “*the cloudes, that is to saye the causes of my sorow*” (тучи, то есть причины моей скорби). Те художественные образы, которые относятся к сфере философии и составляют идейную основу оригинала: явление Бозцию Философии в образе женщины, вид ее одежд и разрывание их разными философами – Джордж Колвил сохраняет в переводе, раскрывая символизм авторского замысла в примечаниях на полях текста. К примеру, “*The discriptiō of Philosophy or wysedome, whyche for the goodlye resons thereof is compared to the beautye of a fayre womā ...*” (Colvile, 12) /Описание Философии или мудрости, которая по благочестивым причинам здесь сравнивается с красотой прекрасной женщины... – перевод наш К.Т./ Итак, во всем тексте перевода Колвил последовательно раскрывает метафоры оригинала разными способами: введением пояснений в скобках или внутри текста со словами “*that is to saye*” (то есть), примечаниями на полях или просто заменой образа понятием, которое он символизирует. При этом английский переводчик XVI века демонстрирует дифференцированный подход в раскрытии образов оригинала: символизм Философии он стремится максимально сохранить как составляющий основу художественного

замысла автора, а мифологические, поэтические и др. образы оригинала Колвил адаптирует к фоновым знаниям английского получателя перевода. В целом последовательное раскрытие переводчиком образно-метафорического компонента значения сочинения Боэция указывает на прагматическую ориентацию всего текста перевода на вкусы и уровень представителей среднего класса английского общества XVI века. Наш неискушенный в литературе тюдоровский буржуа едва ли мог самостоятельно раскрыть символизм художественных образов “последнего римлянина” и поэтому предпочитал полету фантазии назидательное разъяснение, которое и преподносит ему Джордж Колвил и на полях, и в самом тексте перевода.

Однако опрошение художественного замысла автора и раскрытие образно-метафорического компонента необходимо рассматривать в сочетании с усилением эмоционального значения оригинала в переводе, что является, на наш взгляд, своеобразным приемом компенсации потери образности для середины XVI века. Как указывалось выше, установка на психологию и вкусы среднего класса общества требовала снятия образности и, как следствие, некоторой прямолинейности повествования, с одной стороны, но эта же установка на подобного получателя, с другой стороны, влекла за собой усиление эмоциональной окраски текста перевода. Иными словами, образность и метафоричность литературного произведения были слишком высоки для понимания нашего английского бизнесмена эпохи Тюдоров, а эмоциональная экспрессивность выражения заменяла собой потерю этих неотъемлемых компонентов художественного замысла автора. Усиление эмоционального значения перевода в отличие от оригинала выражается, в первую очередь, в большом количестве инверсий в тексте Колвила. Например, в предложении 2 - do appoynt; do wet; в предложении 3 - dyd comfort; в предложении 4 – do growe; в предложении 6 – doth continue; всего 5 случаев употребления инверсии на 7 приведенных предложений. Кроме высокой частотности в тексте самого перевода инверсии нередко

встречаются и в примечаниях переводчика на полях. Ср. примечание к античной реалии “поэтические музы” (muses Poecicall): “The poetes do faine that ther be IX Muses that do geue ye Poetes science to make versis in meter...” /Поэты охотно полагают, что существует 9 муз, которые действительно преподают этим поэтам науку писать стихи в размерах... - перевод наш К.Т./ Возможно, такая частотность употребления инверсий была обусловлена еще и требованиями художественного стиля XVI века, но нельзя отрицать, что прагматический аспект, охватывающий уровень и вкусы получателя того времени, влиял на формирование как литературной традиции, так и переводческой практики.

Требования английского художественного стиля XVI века отражаются также в использовании переводчиком синонимии. Частотность употребления подобных пар слов в тексте перевода довольно высока, и в них встречаются почти все значимые части речи. К примеру (по таблице 1): глаголы (to fele and tast; appoynt and compel; is prolonged and continue); существительные (dities or verses; heuines and greif); прилагательные (pleasaunte and delectable; heauy and sad; dull and deffe); причастия (consumed and wasted). В одном только 1-м предложении Колвил употребляет 5 различных пар синонимов. В отличие от среднеанглийского синонимия в ранненовоанглийском середины XVI века гораздо реже употреблялась для толкования заимствованных слов, но использовалась больше как стилистический прием для украшения, ритма, иногда аллитерации и ассонанса. Такая роль синонимии как в оригинальной, так и переводной литературе имела важные последствия в развитии национального языка. “С течением времени двойные формы, перестав функционировать в качестве синонимов, дали богатый материал для выражения разнообразных оттенков значения” [Atkins, 1932. с. 452 – перевод наш К.Т.].

Усиление эмоциональной окраски перевода в отличие от оригинала выражается также в добавлении Колвилем собственных эпитетов. В предложении 2 латинское существительное “ora” (лики) соответствует в

английском переводе “wretched face” (несчастное лицо); а латинское словосочетание “*veris fletibus*” (горькими слезами) соответствует “with very waterye teares” (очень обильными слезами). В предложении 5 латинское сочетание “*flentes oculos*” (рыдающие очи) переводчик передает как “carefull wepyng eyes” (встревоженные рыдающие очи). В предложении 3 латинскому существительному “*iuventae*” (молодости) соответствует английское “delectable youth” (приятной молодости). Различные способы усиления эмоционального значения перевода в отличие от оригинала отражают, на наш взгляд, общее стремление английского среднего класса середины XVI века к яркости, цвету, пышности. Здесь хотелось бы позволить себе небольшое сравнение, что для нашего собирательного образа тюдоровского буржуа инверсии и переводческие эпитеты выполняли ту же роль в переводе, что и витражи, гобелены, резные лестницы в его новом доме.

Помимо большей эмоциональной экспрессивности добавление Колвилем собственных эпитетов привносило в текст перевода дополнительную детализацию описания ситуации, что являлось отличительной чертой елизаветинского перевода вообще [Matthiessen, 1931; Cohen, 1962; Winny, 1960]. Подобная детализация выражалась не только в эпитетах, но особенно в использовании глаголов действия для передачи состояния или обобщения. Приведем несколько примеров: в предложении 1 латинское составное глагольное сказуемое “*cogor inire*” (я вынужден приступить) передается Колвилем как “am compelled to fele and tast” (я вынужден ощутить и вкусить), где латинский инфинитив “*inire*” (приступать), означающий начало абстрактного действия, заменяется переводчиком на два инфинитива конкретных действий “to fele” (ощутить) и “to tast” (вкусить). В предложении 5 латинское субстантивированное прилагательное “*miseros*” (несчастных), обозначающее состояние, передается также переводчиком “men in misery” (людей в несчастье) с добавлением действия “that would fayne dye” (которые готовы были бы

умереть), дополнительной детализацией раскрывая значение оригинала. В другом месте при описании одежд Философии, на которых “in scalarum modum, gradus quidam insigniti videbatur” (казалось, заметны были некие ступени в виде лестницы), у Колвила состояние описывается через действие “were sene certayne degrees, wrought after the maner of ladders” (видны были некие ступени, сделанные в виде лестницы). В отдельных случаях не состояние, а действие в оригинале получает дополнительную детализацию в переводе. К примеру, лат.: “quidnam deinceps esset actura exspectare tacitus соері” (молча я начал ждать, что же она будет делать потом) в переводе Колвила звучит как “I began pryuylye to loke what thyng she would saye ferther, then she had said” (Я начал молча смотреть, что она скажет после того, что она уже сказала). Если добавление Колвилем эпитетов было обусловлено прагматическим фактором учета вкусов конкретных получателей перевода, то дополнительная детализация описания, особенно состояний через действия, была вызвана отчасти лингвистическими факторами. Ранненовоанглийский язык середины XVI века интенсивно развивался в объеме своего словаря [Atkins, 1932], так как еще не полностью обладал возможностями для выражения разного рода абстракций и обобщений. Такая стадия развития национального языка, которая выразилась особенно отчетливо в переводной литературе через бóльшую чем в оригинале детализацию описаний, имела важные последствия в общем контексте английской культуры XVI – XVII веков. Нередко подобная детализация носила явный сценический характер и сочеталась с развитием английской драматургии, тем самым предвосхищая рождение Шекспира. “Возможно, самым великим его /елизаветинского переводчика/ достижением, которое больше чем любое другое объясняет живость и яркость его работы, было то же, что и у современных ему драматургов. У него была удивительная способность к передаче конкретных деталей. Где только было возможно, он заменял абстракцию конкретным образом,

обобщенное утверждение глаголом, который отражал картину действия” [Matthiessen, 1931. с. 4 – перевод наш К.Т.].

Перевод Джорджа Колвила иллюстрирует эту тенденцию развития языка и перевода, когда переводчик вносит в текст такие визуальные детали описания ситуации оригинала, что перед умственным взором читателя предстает живая наглядная картина, как на сцене театра. Вот отдельные примеры:

Таблица 2

латинский оригинал Боэция	английский перевод Колвила
Quarum speciem, <u>veluti fumosas</u> <u>imagines solet</u> , caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat. (Boethius, lib. I, pr. i)	The kynde or beautye of the whyche vestures, a certayne darkenes or rather ignoraunce of oldenes forgotten hadde obscuryd and darkened, <u>as the smoke is</u> <u>wont to darken Images that stand nyghe</u> <u>y smoke</u> . (Colvile, 12)
<u>His</u> ille chorus increpitus dejecit humi maestior vultum... (Boethius, lib. I, pr. i)	<u>And after that philosophy had spoken</u> <u>these wordes</u> the sayd companye of the musys poetically... caste downe their countenaunce to the grounde... (Colvile, 13)

В первом примере латинское сравнение вида одежд Философии “*veluti fumosas imagines solet*” (словно дымные изображения был) получает в переводе Колвила дополнительную детализацию, напоминающую театральные декорации спектакля, “*as the smoke is wont to darken Images that stand nyghe y smoke*” (как дым обычно затмевает изображения, которые стоят вблизи дыма). Во втором примере латинское местоимение “*his*” (от этих слов) в переводе Колвила превращается в слова драматурга в пьесе “*and after that philosophy had spoken these wordes...*” (и после того, как Философия произнесла эти слова...). Добавление переводчиком середины XVI века конкретных сценических деталей описания ситуации отражало

общее направление развития английского языка и литературы эпохи Возрождения.

Еще одним проявлением влияния лингвистических факторов и литературной традиции на процесс и результат перевода было использование переводчиком английских идиоматических выражений, особенно в диалогах. Вот пример отрывка из диалога Боэция и Философии в переводе Колвила:

Таблица 3

латинский оригинал Боэция	английский перевод Колвила
Sed medicinae, inquit, potius tempus est quam querelae.	<i>Philos.</i> But he hath nowe more nede of medycyn then of anye bodye to bemone or lamente hym.
Tum vero totis in me intenta luminibus:	<i>BOE.</i> Then truelye she beholdynge me stedefastlye sayth,
Tunc est ille, ait, qui nostro quondam lacte nutritus, nostris educatus alimentis, in virilis animi robur cuaseras?	<i>Philos.</i> Arte not thou the same man that somtyme in thy youth was broughte up with my learnyng, and nourysshed with my doctryne, and becam than a stronge man therein?
Atque talia contuleramus arma: quae nisi prius abjecisses, <u>invicta</u> te <u>firmitate</u> tuerentur.	And did not I giue the suche knoweledge and instructions whiche (yf thou hadst not forgotten) woulde haue kept the <u>safe and sound</u> from thys aduersitie?
Agnoscisne me?	knoweste thou not me?
Quid taces?	why speakeste not?
pudore, an stupore <u>siluisti</u> ?	Doeste thou <u>holde thy peace</u> for shame or for that thou art amasyd and astonyed?
mallet pudore;	I had leuer thou were ashamed.
sed te, ut video, stupor oppressit.	But as me semeth thou art astonyed,

Cumque non modo tacitum, sed elinquem prorsus, mutumque vidisset, admovit pectori meo leniter manum. (Boethius, lib. I, pr. ii)	and when she sawe me not onely as one that had no tounge, but also utterly domme, she put her hand softelye unto my brest to fele me... (Colvile, 14-15)
---	--

Первая подчеркнутая в тексте перевода английская идиома “safe and sound” (целый и невредимый) не имеет прямого соответствия в оригинале и передает значение фразы “invicta firmitate” (непобедимой крепостью). Здесь речь идет об оружии Философии (arma), которое она дает своим последователям для защиты от невзгод; переводчик раскрывает авторскую метафору и вместо “оружия” появляются “knoweledge and instructions” (знания и указания), которые могли бы сохранить Боэция “целым и невредимым”. Как указывалось выше, Колвил последовательно раскрывает образно-метафорическое значение оригинала, что в данной таблице подтверждает вторая реплика Философии, где ее “lacte” (молоко) соответствует английскому “learnynge” (учение), а ее “alimentis” (содержание, иждивение) – английскому “doctryne” (положения). Вторая подчеркнутая в тексте перевода английская идиома “holde thy pease” (ты хранишь молчание) передает латинский глагол “siluisti” (ты безмолвствовал), который употреблен в прошедшем времени Perfectum Indicativi Activi 2 S. и в контексте предложения означает, скорее, состояние немoty: “pudore, an stupore siluisti?” (от стыда или от оцепенения онемел?). Но и в этом случае Колвил детализирует описание состояния через глагол действия “holde thy pease”, как часть идиоматического выражения. Подобный пример детализации встречается также в первой реплике Философии “medicinae... potius tempus est quam querelae” (для лечения сейчас лучшее время, чем для оплакивания), когда латинское состояние “оплакивания” передается описанием действий в переводе “then of anye bodye to bemone or lamente hym” (чем чтобы кто-нибудь стenal или оплакивал его). Также в последней фразе таблицы “admovit pectori meo leniter manum” (мягко поднесла руку к моей груди) передается Колвилем с

добавлением дополнительного действия: “she put her hand softelye unto my brest to fele me...” (она мягко положила руку мне на грудь, чтобы коснуться меня...). Использование в переводе исконных английских идиом отражало как определенную стадию развития национального языка, так и общий патристический настрой формирующегося национального самосознания, который выразили Томас Уилсон в “Искусстве риторики” и другие гуманисты в отношении вопросов языкового употребления. В свою очередь идиоматичность текста перевода способствовала лучшей адаптации его в английской культуре и, несомненно, делала более понятным и близким для восприятия получателем перевода середины XVI века. “Очень важно помнить с самого начала, что елизаветинский переводчик писал не только для образованных, но для всей страны” [Matthiessen, 1931. с. 3-4 – перевод наш К.Т.].

Но лучше и отчетливее всего прагматическая адаптация перевода латинского сочинения к мировоззрению и уровню тюдоровского среднего класса проявилась в примечаниях переводчика на полях текста. Встречаясь почти на каждой странице, эти примечания иногда настолько обширны, что в совокупности могли бы составить отдельное произведение Джорджа Колвила. Однако для нашего исследования интересна, прежде всего, функция разных примечаний переводчика. Большая группа таких пояснений на полях нацелена на адаптацию античных реалий и раскрытие символизма художественных образов. К ней относятся приведенные выше пометки переводчика о поэтических музах и о явлении Философии в образе прекрасной женщины. Другая группа примечаний составляет своего рода словарь философских понятий и абстракций, созданный переводчиком для того, чтобы малознакомый с философскими сочинениями получатель перевода мог проследить логику философского рассуждения и не запутаться в понятиях. Приведем отдельные примеры:

перевод Колвила	примечания переводчика
But, do dignities make him honorable	*Honoure is a reuerence gyuen to

and reuerend, that hath them? Is there such vertue in dignyties, that they maye put vertues in the mindes of them that haue dignities and expell vyce? Truelye they be not wonte to expell vyce and wyckednes, but rather to augment the same. (Colvile, 60)	another for a testymonye of his vertur Aristo. 4. Eticorum. *Reuerēce is a decent, and cōuenyente gratytude or thanks Tullius.
--	---

Здесь в тексте перевода Бозций устами Философии ставит вопрос, “делают ли почести достойным чести и уважения того, кто их имеет” и способны ли мирские почести “искоренить порок и принести добродетели в сознание тех, кто имеет почести” /перевод наш – К.Т./. А примечание переводчика на полях гласит: “Честь есть чувство уважения, данного другому за его свидетельство своей добродетели”; и затем – “уважение есть достойная и подходящая благодарность или признательность” /перевод наш – К.Т./. Важно, что в дефиниции таких понятий, как честь и уважение Колвил опирается на признанные античные авторитеты: в определении чести переводчик ссылается на 4-ую книгу “Этики” Аристотеля, а определение уважения основано им на речах Марка Туллия Цицерона. Само по себе создание Колвилем такого “мини словаря” на полях следует, на наш взгляд, рассматривать в совокупности с большей чем в оригинале детализацией описания в переводе, так как оба факта обусловлены определенной стадией развития национального языка, а именно недостатком средств выражения для передачи абстрактных понятий и обобщений. Неслучайно обе эти черты: конкретность детализации и трудность употребления абстрактных наименований – характеризуют большинство переводов XVI века, которые “были не в состоянии передать те абзацы, где требовалось практическое знание абстрактных терминов. Нужные слова не легко было подобрать” [Matthiessen, 1931. с. 47 – перевод наш К.Т.]. А так как каждый этап развития языка неразрывно связан с его носителями через сферу прагматики, то в прагматическом ракурсе это показывает большой разрыв в

уровне знаний и представлений о мире современников Боэция и англичан середины XVI века. Однако апелляция Колвила к трудам Аристотеля и Цицерона не только демонстрировала его широкий кругозор и хорошее знание общекультурного контекста оригинала, но и способствовала адаптации античной мысли в английской культуре эпохи Тюдоров.

Третья группа примечаний переводчика – совсем иного свойства и представляет собой указания на христианских святых и отдельные факты их жизни, которые соотносятся с содержанием определенных частей текста перевода. Проиллюстрируем это на примерах:

латинский оригинал Боэция	английский перевод Колвила
<p>Aliis mista quaedam pro animorum qualitate distribuit: quosdam remordet, ne longa felicitate luxurient: alios duris agitari sinit, ut virtutes animi patientiae usu, atque exercitatione confirment. Alii plus aequo metuunt quod ferre possunt: alii plus aequo descipiunt quod ferre non possunt: hos, in experimentum sui, tristibus ducit. (Boethius, lib. IV, pr. vii)</p>	<p>And god dystributeth and geueth to some folke nowe good, nowe euyll thinges, accordyng to the qualitie of theyr mind. And some good folke he greueth with aduersitie, leste that they should waxe proude, of long prosperitie.^① And other folke he sufferethe to be vexed with harde thynges, that thereby they may confyrme the vertues of their mynde, by the use and exercyse of pacience. Some folke doo feare more then they ought to feare, y thing that they maye well suffer.^② And other dispisethe more then they oughte, the thyng that they cannot suffer, and god ledethe them into experience of them selfe...^③ (Colvile, 110)</p>

- ① The pacience of Job, was confyrm'd by ponishment.
- ② S. Thomas fered to go preche in India.
- ③ Saint Peter sayd, he wold not forsake God, to dye therfore.

Говоря о примечаниях переводчика, мы намеренно включили в таблицу соответствующий текст латинского оригинала, чтобы показать, что у Боэция нет никаких даже косвенных упоминаний о христианских святых и ветхозаветных праведниках. Это античное философское рассуждение о том, что Бог “распределяет смешанно счастье и несчастье в зависимости от качества духа каждого” /перевод наш – К.Т./. И когда Колвил переводит дальше, что “одних добрых людей он обременяет несчастьем, чтобы они не возгордились от долгого благоденствия”, то на полях указывает “①Терпение праведного Иова было подтверждено наказанием”. Следует отметить, что данное утверждение Колвила действительно соответствует как содержанию приведенного отрывка текста перевода, так и описанию жизни праведного Иова в Ветхом Завете и его трактовке в христианской традиции. Этим примечанием переводчик добавляет как бы еще один справедливый аргумент к доводам Философии. Аналогичным образом английской фразе в переводе о том, что “некоторые люди очень боятся, больше чем им следовало бояться того, что они могут сильно пострадать”, соответствует примечание Колвила, что “②Апостол Фома боялся отправиться проповедовать в Индию”. И противоположный пример апостола Петра к тому, что “другие отвергают больше, чем им следовало то, что они не могут пострадать, и бог направляет их испытать самих себя...”. Здесь Колвил на полях указывает, что “③Апостол Петр сказал, что не оставит Бога, даже если ему придется умереть”. Несмотря на очевидную связь содержания отрывков перевода и примечаний следует помнить, что Боэций не опирался на авторитет христианских святых и праведников в своем философском рассуждении, о чем свидетельствует текст оригинала. Однако подобное замечание имеет значение для современных переводов и переводчиков, но, вероятно, Джордж Колвил в середине XVI века не рассматривал свои

добавления с позиции верности оригиналу. Такие примечания вызваны, на наш взгляд, соображениями прагматики данного конкретного перевода, то есть переводчик ориентировался, с одной стороны, на религиозное сознание и чувства получателей среднего класса, а с другой стороны, на политическую ситуацию в своей стране в правление Марии Тюдор.

Четвертую группу примечаний несколько трудно классифицировать из-за разнообразной тематики и необычности входящих в нее добавлений переводчика. Это своего рода очень короткие истории (из неизвестных источников) на тему отдельных отрывков содержания оригинала и перевода. Таких примечаний не много, но их характер лучше всего подтверждает ориентацию переводчика на мировоззрение и вкусы тюдоровской буржуазии и соответствующую адаптацию текста перевода. Приведем несколько примеров:

латинский оригинал Боэция	английский перевод Колвила
<p>Novimus quantas dederit ruinas, Urbe flammata, patribusque coessis, Fratre qui quondam ferus interemto, Matris effuso maduit cruore, Corpus (et) visu gelidum pererans, Ora non tinxit lacrimis, sed esse Censor extincti potuit decoris. (Boethius, lib. II, m. vi)</p>	<p>We haue wel knowē what hurte kynge Nero dyd in his tyme, he brennid y noble Citie of Rome, he slewe all the fathers the counsalors and senators, he in his wodenes, slewe his owne brother. He imbrewed or bathed hym selfe in his mothers bloude whome he kylded. He beholdyng euery parte of her colde deade body or corpus dyd neuer wepte, he was so hard hartyd, that it dyd not greue him to beholde as a huge, her goodlye dead corpus.* (Colvile, 47)</p>
<p>* Nero brenned the Cytie of Rome to lerne therby, howe the Cytie of Troy brēned. He killed his brother to thē tente he hym selfe myghte raygne, without any doubt of hym, he kylded his mother and ripped her belye, to se the place wherin he was conceyued and laye.</p>	

<p>Quid, quod diversarum gentium mores inter se, atque instituta discordant; ut quod apud alios laude, apud alios supplicio dignum judicetur. Quo fit, ut si quem famae praedicatio delectat, huic in plurimos populos nomen proferre, nullo modo conducatur.</p> <p>(Boethius, lib. II, pr. vii)</p>	<p>And what sayest thou to thys, that the maners and lawes of dyuers people do not accorde emonge them selfe, so that the same thyng that some do prayse, other do disprayse and iudg worthy of ponyshmet, whereby it commeth to passe that yf any man delyteth to haue glory and renoune, It behoueth hym that it be not shewed in any wyse emongest dyuers people.**</p> <p>(Colvile, 48-49)</p>
<p>** The Sirians do take it for a prayse, to eat theyr parētes, when they be deed, rather then wormes shoulde. The Jewes to marie, the next of their kin. The Tryualles to kylle their Father, when he is LX yeares olde and bren hym.</p>	

В первом примере латинский оригинал повествует о злодеяниях императора Нерона: “мы знали, какие разрушения принес, сжегши город и убив патрициев, брата однажды в жестокости умертвив, обагрился истекшей кровью матери и, окидывая взглядом ее окоченевший труп, лицо не омочил слезами...” /перевод наш – К.Т./. Английский переводчик XVI века усиливает значение оригинала, как и везде в переводе, добавляя эпитеты и конкретные детали описания: “сжег знатный город Рим”; “убил всех отцов, и консулов, и сенаторов” (хотя Боэций нашел достаточным указать сам факт убийства патрициев, а Колвил подчеркивает также количество жертв); “созерцал все части ее холодного мертвого тела или трупа”. Таким образом, и без того ужасная картина преступлений Нерона в изложении Боэция превращалась перед умственным взором английского читателя в еще более леденящее душу описание в переводе Колвила. Но этого, вероятно, было недостаточно в понимании переводчика XVI века и он добавил на полях историю, которая вполне могла заставить нашего тюдоровского буржуа просто оцепенеть от ужаса. “Нерон сжег город Рим, чтобы этим узнать, как

сгорела Троя. Он убил своего брата, чтобы самому править, без всякого сомнения он убил свою мать и разодрал ее чрево, чтобы увидеть то место, где он был зачат и лежал”. /перевод наш – К.Т./ Такое примечание переводчика опирается на те же факты, которые указаны в оригинале и переводе, но предлагает дополнительные детали произошедшего и свое объяснение мотивов преступлений Нерона. Хотя данное пояснение на полях затрагивает события из истории Рима, его едва ли можно отнести к группе культурных реалий и их прагматической адаптации переводчиком, так как примечания из области культуры (напр. о 9-и поэтических музах, о подвигах Геракла и странствиях Одиссея) основаны на античной мифологии, отраженной в литературе и других памятниках искусства. А эти страшные подробности злодеяний Нерона не имеют под собой ни мифологических, ни исторических оснований, но исходят, вероятно, из области слухов или страшных рассказов, передаваемых из уст в уста.

Во втором примере в латинском тексте говорится о том, что “нравы и установления разных народов различаются между собой; что считается достойным похвалы у одних, то у других – достойным кары” /перевод наш – К.Т./. Это обобщение звучит у Боэция в более широком контексте доводов Философии об относительности суждений и о том, что у других народов он бы не был признан виновным в государственной измене. Джордж Колвил почти ничего не добавляет в переводе, но на полях указывает: “Сирийцы действительно считают за похвалу съедать своих родителей после их смерти, чтобы не черви это сделали. Евреи – жениться на своих ближайших родственниках. Трибаллы – убивать своего отца, когда ему шестьдесят лет, и сжигать его”. И хотя такое примечание действительно иллюстрирует различие нравов и обычаев разных народов, неуместным представляется привнесенный переводчиком контраст, который создается между общим контекстом утешений Философии невинно осужденного Боэция и мрачностью каннибализма, кровосмешения и убийств, приемлемых у других народов. Возможно, этим Колвил хотел подчеркнуть, что

существуют гораздо более серьезные проступки, чем те, которые вменялись Боэцию в вину. Однако следует отметить использование в тексте этого примечания инверсии (do take it for a prayse) и настоящего времени глаголов. Употребление инверсии призвано подчеркнуть реальность сообщаемых фактов, а настоящее время переносит действие в XVI век. При этом переводчик игнорирует тот факт, что упоминаемые им, например, трибаллы, фракийская народность, были почти полностью уничтожены еще Александром Македонским [CA]. В виду этого у английского получателя перевода могло возникнуть ощущение, что пока он у камина читает философское рассуждение Боэция, где-то в других народах практикуются такие страшные обычаи. Создание Джорджем Колвилем подобного эффекта своего перевода нельзя объяснить случайностью или незнанием исторических фактов, так как в других группах примечаний: мифологических, философских, христианских – переводчик демонстрирует хорошее знание предмета и даже может сослаться на труды Аристотеля или Цицерона. Единственное объяснение расположения таких “страшных историй” среди прагматически оправданных примечаний на полях можно найти в установке Колвила на вкусы и запросы английского получателя среднего класса. Как указывалось выше, наш тюдоровский буржуа в своем несколько грубоватом вкусе предпочитал остроту эмоций обоснованности исторических фактов и верности оригиналу. Исходя из такого прагматического фактора становится понятно, почему переводчик XVI века, аккуратно ссылающийся на античных ораторов и философов, вдруг помещает на полях своего труда этот страшный полувывымысел, напоминающий овечью кровь, которую разливали на сцене тюдоровского театра для имитации убийства.

Подводя итоги анализа исследуемого перевода Джорджа Колвила, следует заключить, что, сохраняя различные части содержания оригинала, переводчик последовательно привносит внутри текста и за его пределами собственные добавления: риторические повторы и противопоставления,

пояснения значения художественных образов, эпитеты и конкретные детали описания, идиоматичные выражения, примечания из области мифологии, истории, философии, христианства и т.д. При этом разные виды добавлений создают в переводе различный коммуникативный эффект, отсутствующий в латинском оригинале. Так, риторика переводчика и раскрытие образно-метафорического компонента значения сочинения Боэция придают переводу назидательный и несколько прямолинейный характер; эпитеты, инверсии и бóльшая, чем в оригинале, детализация описаний усиливают эмоциональное значение в переводе; идиоматичность языка и примечания переводчика переносят латинский оригинал из ушедшей греко-римской античности в Англию эпохи Тюдоров. Однако все эти добавления Колвила обусловлены в той или иной степени одним и тем же прагматическим фактором, а именно установкой переводчика на мировоззрение, фоновые знания, вкусы и запросы получателей перевода, которые в большинстве своем составляли нарождавшуюся английскую буржуазию середины XVI века.

В результате такой прагматической адаптации оригинала к культуре ПЯ произошло значительное видоизменение прагматического потенциала исходного текста в переводе. В целом это изменение выразилось в литературной обработке латинского сочинения с элементами “модернизации” в эпохе английского Ренессанса. А так как перевод Джорджа Колвила, как и любой другой перевод, был призван заменить собою оригинал в английской культуре XVI века, то такое “обновление” античного художественного произведения создавало для получателя перевода эффект, что перед ним предстал словно живой “последний римлянин”, но в тюдоровском платье. Такой “оживший” Боэций обращался к нашему английскому буржуа в привычной для того назидательной, несколько прямолинейной манере, в стиле английской литературной традиции XVI века, и при этом упоминая то жития святых, то страшные

истории, которые наш тюдоровский бизнесмен, возможно, сам видел на деревянных подмостках сцены где-нибудь на торговой площади.

С позиций теории перевода, безусловно, прав В.Н. Комиссаров, называя такую модернизацию оригинала при переводе “особым видом прагматической адаптации, далеко уходящей от исходного текста”, которую “нередко вообще нельзя назвать переводом, так как переводчик фактически создает новое произведение “по мотивам” исходного текста” [2002. с. 144]. Это вполне может быть применимо к современным переводам в современном мире. Однако для английского сознания середины XVI века подобная литературная обработка оригинала с соответствующей модернизацией исходного текста была, возможно, единственно верным способом передачи замысла автора. Если вспомнить наш собирательный образ тюдоровского буржуа, с учетом которого Колвил выполнял свой перевод, то становится очевидно, что такой получатель не смог бы понять и адекватно воспринять перевод, выполненный, выражаясь в современных терминах, на более высоком уровне эквивалентности. Неслучайно, перечисленные черты, характеризующие перевод Джорджа Колвила сочинения Боэция “Об утешении философией”, отличают в различной степени переводы последовавшего периода елизаветинского расцвета литературной и переводческой деятельности в Англии [Matthiessen, 1931; Cohen, 1962; Winny, 1960; Whibley, 1932]. Исходя из этого большинство переводов XVI века “не являются переводами в современном смысле точного отражения оригинала. Главным стремлением Голланда и Норта была не скрупулезная передача классического стиля, но создание книги, которая поразит сознание современников. И они направляли все свое внимание на ассимиляцию черт оригинала и представление их во всей полноте перед английским читателем. (...) В их интерпретации Ливий и Плутарх не являются иностранной классикой, но вливаются в море английской литературы” [Matthiessen, 1931. с. 6-7 – перевод наш К.Т.]. Таким образом, сформировавшись на основе установки на конкретную

группу получателей перевода, такая переводческая традиция способствовала обогащению национальной литературы и культуры в целом. Ярким примером здесь может служить использование перевода Томаса Норта Вильямом Шекспиром в своем творчестве. Хотя помимо прямого заимствования из перевода нам представляется более важным развитие национального самосознания, литературного языка и драматургии, которые подготовили благоприятную почву для появления гения Шекспира и в которых немалую роль сыграли многочисленные переводы, нацеленные на литературную обработку оригинала в духе английского Ренессанса. И перевод Джорджа Колвила сочинения Боэция “Об утешении философией” следует, на наш взгляд, рассматривать в рамках мировоззрения и вкусов английской буржуазии эпохи Тюдоров и господствовавшей в тот период литературной и переводческой традиции.

Производя диахроническое сравнение трех переводов одного оригинала Боэция, выполненных королем Альфредом, Чосером и Колвилем, следует отметить, что по мере развития национального языка, литературы и культуры в целом снижается роль личности самого переводчика в определении сверхзадачи данного конкретного перевода. Король Альфред выделил проповедь о житии святого Северина в качестве сверхзадачи своего перевода и составил переводческую стратегию на основе христианской стороны истории личности Боэция. Джеффри Чосер под воздействием собственного литературного гения опирался на текст оригинала и определил в качестве сверхзадачи сделать текст перевода источником творческого заимствования для своих произведений. Подчеркнем, что ни у короля Альфреда в IX веке, ни у Чосера в XIV веке не было четко сформировавшейся и широко распространенной литературной традиции создания прозаических произведений и, как следствие, переводов в прозе. Каждому из них пришлось самому прокладывать путь к достижению цели своего перевода. К середине XVI века развитие литературы в прозе позволило Колвилу опираться на уже имеющиеся

тенденции употребления языка и стиля. А социокультурный фактор формирования нового общественного слоя как получателя перевода со своим мировоззрением, уровнем знаний и вкусами определил сверхзадачу работы Колвила, которая заключалась в литературной обработке и модернизации оригинала в духе эпохи. Мы считаем возможным говорить о наличии сверхзадачи применительно к переводу Колвила, так как влияние установки на получателя в данном случае выходило за рамки традиционной прагматической адаптации текста перевода к фоновым знаниям читателя с целью облегчения понимания и достижения желаемого коммуникативного эффекта. Путем литературной обработки и определенной модернизации оригинала переводчик XVI века по сути создавал новое литературное произведение в форме перевода так, как хотел это видеть тюдоровский буржуа – получатель перевода. Таким образом, сверхзадача перевода Джорджа Колвила заключалась в подобной литературной обработке оригинала согласно вкусам и запросам читателей и определялась не столько самим переводчиком, сколько социокультурными факторами и развивающейся литературной и переводческой традицией.

В этой связи представляется важным еще одно заключение о недолговечности функционирования художественного перевода в качестве собственно перевода. Выполненный в определенный исторический период и так воспринимавшийся своими современниками художественный перевод по прошествии времени перестает восприниматься их потомками как полноценная замена оригиналу и начинает выступать как художественное произведение, образец литературной традиции, стиля и вкусов той эпохи. К такому выводу приходит английский исследователь переводов и переводчик Дж. Коуэн: “Продолжительность жизни перевода редко превышает сотню лет, а те немногие, которые достигают большего долгоденствия, обязаны продолжительной любовью читателей скорее своим внутренним достоинствам, чем своей верности оригиналу. Мы сейчас не обращаемся к “Энеиде” Драйдена или “Илиаде” Поупа, чтобы познакомиться с

произведениями Вергилия и Гомера, но ценим их как великие поэмы своего времени” [Cohen, 1962. с. 47 – перевод наш К.Т.]. С этой точки зрения перевод короля Альфреда является для его современных потомков древнеанглийским прозаическим произведением IX века, а перевод Джеффри Чосера – опытом национального поэта в прозе XIV века. Также и перевод Джорджа Колвила предстает сейчас как яркий образец литературного произведения эпохи Тюдоров. Исходя из такой смены функции в диахроническом измерении, возможно, имеет смысл рассматривать каждый отдельный перевод, выполненный в определенный исторический период, и как собственно перевод со своей сверхзадачей и стратегией по ее реализации, и как литературное произведение, отразившее конкретную традицию и этап развития национального языка и культуры.

3.4. Филологический перевод королевы Елизаветы I как форма аристократического досуга

Всего около 40 лет отделяют два английских перевода “Об утешении философией” Боэция: перевод Джорджа Колвила (1556) и перевод королевы Елизаветы I (1593). Но, как мы указывали в предыдущем разделе, это был период расцвета литературной и переводческой деятельности, подъема английской культуры и национального самосознания. Сферу литературы озарило творчество Вильяма Шекспира (1564 – 1616), сэра Филиппа Сидни (1554 – 1586), Эдмунда Спенсера (1552 – 1599), Кристофера Марлоу (1564 – 1593). Резко увеличилось и количество переводов как с латинского и греческого, так и с других европейских языков. Среди работ по истории были: перевод Энтони Коупа в 1544 году сочинений Тита Ливия; перевод Томаса Николса в 1550 году трудов Тацита; перевод Александра Барклея в 1557 году “Югуртинской войны” Саллюстия; перевод Томаса Норта в 1579 году (выполненный им с французского перевода Эмиота) сочинения Плутарха “Сравнительные жизнеописания”; перевод Филемона Голланда в 1600 году “Римской истории” Тита Ливия.¹⁰ В области философии Джон Вилкинсон перевел с итальянского “Этику” Аристотеля в 1547 году. Популярностью пользовались переводы трактатов по придворному этикету, среди них перевод Томаса Гоуби (1561) с итальянского оригинала Кастильона “Придворный”; перевод Джорджа Петти (1579) с французского перевода итальянского оригинала Гваззо “Вежливый разговор”; перевод Вильяма Джоунса (1595) итальянского “Трактата о благородстве”. Не остались без внимания переводчиков и произведения иностранной художественной литературы, к примеру, такие как “Золотой осел” Апулея, переведенный с французского Вильямом Адлингтоном в 1566 году или “Лазарильо с Тормеса” Мендозы, переведенный с французского Дэвидом Роулэндом, или “Эфиопика” Гелиодора, переведенная Томасом

Андердауном в 1569 году. Из античных поэтов больше всего переводили Овидия, так как его “Метаморфозы”, “Элегии” и другие произведения представляли почти весь мир античной мифологии в поэтической форме. Английские поэтические переводы Овидия были разного качества, среди них переводы Артура Голдинга в 1565 году, Джорджа Турбервиля в 1567 году, Томаса Андердауна в 1577 году и Джорджа Чепмена в 1595 году. Последний из указанных переводчиков также перевел с греческого “Илиаду” Гомера в 1598 году. Однако, хотя вторая половина XVI века продемонстрировала увеличение числа поэтических переводов, они не обладали столь же высоким литературным достоинством, как прозаические переводы. Объяснялось это, возможно, тем, что “в XVI веке перевод в прозе подчинялся такой разумной традиции, что простой переводчик, не из числа великих, мог взяться за эту непростую задачу, не опасаясь явного поражения. Секрет поэзии не так легко можно было перенять, и многое из того, что казалось достойным похвалы в то время, предстает перед нами как ужасные бессмысленные стихи” [Whibley, 1932. с. 16 – перевод наш К.Т.].

Традиция елизаветинских прозаических переводов, на которую ссылается Ч. Уибли, не была ни осознана, ни описана никем из переводчиков или филологов эпохи Тюдоров. Тем не менее она отчетливо видна при сравнении разных работ того времени и независимо от языка, жанра и стиля оригинала делает все переводы в прозе XVI века в чем-то похожими друг на друга. В своем исследовании отдельных, наиболее ярких работ той эпохи Ф.О. Маттиессен [Matthiessen, 1931] анализирует, к примеру, перевод Томаса Гоуби итальянского сочинения Кастильона “Придворный” (1561) и выделяет в нем характерные черты, многие из которых отличают также перевод Джорджа Колвила “Об утешении философией” Боэция, рассмотренный нами в предыдущем разделе. Так, Ф.О. Маттиессен подчеркивает живость и яркость языка перевода, достигаемую за счет добавления переводчиком собственных эпитетов

¹⁰ Указание переводов и дат приводится согласно [Winny, 1960; Whibley, 1932].

(*greedy desire, rotten life*), использования сниженной лексики и эмоционально экспрессивных выражений для передачи нейтральных средств оригинала (*untowardly assheads, they move a manne to vomit, get thee hence in the Dyvelles name*), привнесения в текст перевода синонимов, глаголов действия для передачи состояний, большей детализации описания. При этом исследователь отмечает недостаточное владение средствами выражения абстракций, обобщений, философских понятий (как, например, передача итальянского “*magnanimita*” английским “*stoutnesse of courage*”) [Matthiessen, 1931. с. 8-53]. Результатом явилось, как и в случае перевода Колвила, перевоплощение оригинала в живое и яркое литературное произведение Англии XVI века, переоблачение итальянского придворного в тюдоровское платье и представление его как живого елизаветинца для живых современников Томаса Гоуби. Другой выдающийся переводчик второй половины XVI века Томас Норт выполнил перевод “Сравнительных жизнеописаний” Плутарха в 1579 году с французского перевода Эмиота, где путем использования столь характерных для индивидуального стиля Норта лаконичных ритмических фраз добился аналогичного результата. “Это не Плутарх. Во многих отношениях это антипод Плутарха. Норт создал новый шедевр на тему Плутарха. (...) Не просто слова, но и сам дух оригинала изменен” [Whibley, 1932. с. 10 – перевод наш К.Т.]. Еще один известный переводчик-елизаветинец Филемон Голланд был выдающимся филологом, прекрасно владел классическими языками и в своих переводах “Римской истории” Тита Ливия (1600), “Естественной истории” Плиния (1601), “О морали” Плутарха (1603), “Истории двенадцати цезарей” Светония и “Римской истории” Амиана Марцеллина (1609) обращался прямо к античному оригиналу. Как талантливый лингвист Голланд соавторствовал в переводах греческим и римским классикам в духе английского Ренессанса. “Он любил украшение стиля со страстью эпохи украшения, и он украшал своих авторов всеми богатствами елизаветинского английского языка” [Whibley, 1932. с. 12 – перевод наш К.Т.]. Таким образом,

прозаические переводы второй половины XVI века под влиянием сформировавшейся переводческой традиции отличались между собой не в зависимости от исходной культуры, языка, жанровых и стилистических особенностей оригинала, но в зависимости от индивидуального стиля переводчика-елизаветинца, который не был склонен “урезать свой по обыкновению пышный слог в отдаленных интересах академической точности” [Winny, 1960. с. xv – перевод наш К.Т.]. Благодаря такому подходу английские переводы эпохи Тюдоров дополнили богатое наследие елизаветинской литературы и культуры в целом.

Сама королева Елизавета I (1558 – 1603) также отличалась незаурядным литературным дарованием, высокой образованностью, умом и преданностью своему народу, благодаря чему вся эпоха неслучайно получила ее имя. Родилась будущая королева 7 сентября 1533 года в замке в Гринвиче от второго брака Генриха VIII с Анной Болейн. Скандальные обстоятельства этого брака, для заключения которого английский король порвал с римской католической церковью и стал главой новой англиканской церкви в своей стране, и ввиду этого разное вероисповедание принцессы Елизаветы и ее старшей сестры по отцу Марии, которая после развода родителей была признана “незаконной”, в совокупности определили все превратности судьбы, пережитые будущей королевой в детстве и юности. В 1536 году, когда ее мать Анна Болейн была казнена по обвинению в адюльтере и предательстве, принцесса Елизавета также была признана “незаконной”, хотя, по счастью, это никак не отразилось на качестве и образе ее жизни. Она вместе с принцессой Марией оставалась при дворе и обе были поставлены после принца Эдуарда (сына от четвертого брака Генриха VIII с Джейн Сеймор) в праве престолонаследия. Впоследствии по смерти короля Эдуарда VI в 1553 году на английский престол возшла Мария I, и здесь протестантская вера принцессы Елизаветы в годы католической реакции в стране принесла ей новые невзгоды. По подозрению в заговоре с организаторами восстания 25 января 1554 года она

была заключена на несколько месяцев в Лондонском Тауэре, а затем, когда никаких доказательств ее вины не было обнаружено, находилась под домашним арестом в Вудстоке. После смерти 17 ноября 1558 года Марии I двадцатипятилетняя Елизавета стала английской королевой.

Несмотря на противоречивые обстоятельства ее детства и юности Елизавета I получила прекрасное образование и воспитание. Ее наставниками были выдающиеся гуманисты того времени Джон Чик, Вильям Гриндал и Роджер Ашам. Под их руководством она в совершенстве овладела искусством риторики, а также латинским, греческим, французским и итальянским языками. Известно, что знаменитый лингвист, педагог и гуманист Р. Ашам применял в обучении будущей королевы метод двойного перевода с латинского или греческого на английский и обратно на классический язык. В результате Елизавета I получила столь высокое образование в области классической филологии, что не раз выступала с речью на латыни в Кембридже (1564 г.) и в Оксфорде (1566 г., 1592 г.) перед ученым сообществом университетов. Любовь же к занятию переводом королева пронесла через всю свою жизнь. Одной из первых ее работ был прозаический перевод французского стихотворения королевы Маргариты Наварской “Зеркало грешной души”, выполненный в 1544 году и преподнесенный в качестве новогоднего подарка мачехе, королеве Екатерине Пар (шестой жене Генриха VIII). За ним последовал в 1548 году перевод другого произведения Маргариты Наварской “Божественное размышление христианской души о любви к Богу и Его Христу”. В другие годы она также перевела 90 строк “Триумфа вечности” Петрарки, вторую песнь хора из трагедии Сенеки “Геркулес на Эте”, сочинение Боэция “Об утешении философией” (1593), первые 178 строк послания Горация “Об искусстве поэзии” (1598) и трактат Плутарха “О любознательности” (1598).

Собственные оригинальные произведения королевы Елизаветы I включают стихотворения, написанные на разные случаи ее жизни, и речи, составленные и отредактированные ею самой для публикации, “с помощью

которых она создавала свой образ в народе и утверждала свою власть” [Crane, 1994. с. 86 – перевод наш К.Т.]. Важно отметить, что Елизавета I прекрасно владела искусством слова и умело использовала в своих речах разные стили для достижения разных целей. Так, к примеру, когда королева желала лично уклониться от принятия неизбежного решения о казни Марии Стюарт, она ответила письмом к Парламенту, где говорилось: “Your judgement [that she should execute Mary] I condemn not, neither do I mistake your reasons, but pray you to accept my thankfulness, excuse my doubtfulness, and take in good part my answer – answerless” [цит. по: Crane, 1994. с. 90]. /Ваше решение [что она должна казнить Марию Стюарт] я совсем не осуждаю, а также не заблуждаюсь насчет ваших оснований, но молю вас принять мою благодарность, извинить мою нерешительность и воспринять благосклонно в качестве моего ответа мое молчание (перевод наш – К.Т.)/. Подобное ритмическое построение сложного предложения с использованием параллельных синтаксических конструкций, глаголов мыслительной деятельности с разными оттенками значения, а также развертывание и противопоставление значений морфем (thank**ful**ness, doubt**ful**ness, answer**less**) с естественным акцентом на последнем значении как кульминационным в данном высказывании было вполне характерно для индивидуального стиля королевы Елизаветы I, когда она желала заставить подтекст говорить сам за себя. С другой стороны, при необходимости резко пресечь нежелательную для нее деятельность или полемику ее стиль становился отрывистым, откровенно прямолинейным с использованием кратких утверждений и разговорной лексики. Так, когда в 1566 году Парламент вновь обратился к Елизавете I с настойчиво повторяющейся во весь период ее правления просьбой либо выйти замуж, либо назначить себе наследника, королева написала ответ, который заканчивался словами: “And though I be a woman, yet I have as good a courage, answerable to my place, as ever my father had. I am your anointed queen. I will never be by violence constrained to do anything. I thank God I am endued with such qualities that if I

were turned out of the realm in my petticoat, I were able to live in any place in Christendom” [цит. по: Crane, 1994. с. 88]. /И хотя я всего лишь женщина, у меня все же есть достаточно мужества, подобающего моему положению и которое всегда было у моего отца. Я ваша законная королева. Меня никогда насилием не заставят ничего делать. Я благодарю Бога, что я наделена такими качествами, что если бы меня выгнали из королевства в нижней юбке, я смогла бы жить в любом месте христианского мира. (перевод наш – К.Т.)/ Подобную прямоту и резкость высказываний в сочетании с просторечными метафорами (turned out ... in my petticoat) Елизавета I не раз использовала в своих речах и письмах для выражения своего неприятия каких-либо событий или действий [Crane, 1994].

Венцом правления и пиком славы королевы стал 1588 год, когда английские войска разгромили Непобедимую армаду Испании. Знаменитое обращение Елизаветы I к своей армии при Тилбери представляет собой яркий пример высокого мастерства риторики. Вот небольшой отрывок: “I know I have the body of a weak and feeble woman, but I have the heart and stomach of a king, and of a king of England too, and think foul scorn that Parma or Spain, or any prince of Europe should dare to invade the borders of my realm” [Britannica, 1961]. /Я знаю, что телом я слабая и хрупкая женщина, но сердцем и мужеством я король, и при этом король Англии, и считаю омерзительным, что Парма или Испания, или любой государь Европы смеет вторгаться в пределы моего государства. (перевод наш – К.Т.)/ В этих словах Елизавета I эффектно использует идею о двойном естестве монарха: смертном физическом теле и бессмертном государственном теле; при этом проводя параллель между военным вторжением и насилием над слабой женщиной. Вместе с тем отбор стилистических и лексических средств выражения показывает установку королевы на уровень и психологию получателя обращения. Повтор несложных синтаксических конструкций, употребление сниженной лексики (foul scorn) сделали речь доступной для восприятия на слух и понятной простому войску. Так, избегая

дорогостоящих для казны и кровопролитных военных кампаний на чужой территории, прибегая только к оборонительным военным действиям, последовательно отстаивая особый путь англиканской церкви между традиционным католицизмом и крайним протестантизмом, не преследуя никого за религиозные убеждения, покровительствуя наукам и искусству, королева Елизавета I утверждала свою власть не огнем и мечом, но искусством слова с пером в руках и горячей любовью к своему народу в сердце. Скончалась последняя представительница династии Тюдоров 24 марта 1603 года, и на престол взошел Иаков VI, король Шотландии, который стал английским королем Иаковом I из династии Стюардов.

К сожалению, королева Елизавета I не оставила ни дневниковых записей, ни предисловия, ни высказываний, записанных за ней, по которым можно было бы судить о ее мотивации к выбору и созданию перевода “Об утешении философией” Боэция. Здесь мы можем лишь строить предположения, опираясь на косвенные факты. Возможно, сочинение выдающегося римского государственного деятеля, приближенного ко двору, но в одночасье потерявшего все и находящегося на пороге казни, пробудило психологический интерес королевы, с детства познавшей все опасности близости к трону. Нельзя также исключать возможность творческой мотивации в желании Елизаветы I, пробовавшей себя в поэзии и некоторых жанрах прозы, перевести на родной язык блестящий образец античной литературы.

Перевод английской королевы сочинения Боэция “Об утешении философией” сохранился в рукописи, написанной от руки частично самой Елизаветой I, частично под диктовку ее секретарем. Этот уникальный экземпляр 1593 года хранится в Британской библиотеке. В печатном виде перевод впервые увидел свет лишь в 1899 году благодаря стараниям Мисс Каролины Пэмбертон, издавшей его с предисловием и примечаниями для Общества ранних английских текстов [Pemberton, 1899]. Затем издание было перепечатано в 1975 году. В своем исследовании мы обращались к

единственно доступному нам тексту К. Пэмбертон (1899). К сожалению, данное издание нельзя назвать критическим из-за иногда очевидных неточностей в транскрипции рукописного текста и отсутствия указаний на возможный вариант латинского оригинала, который могла использовать королева Елизавета I для своего перевода. Сама К. Пэмбертон приводит внизу страниц латинский текст только поэтических метров Боэция и одновременно указывает на ошибки в переводе королевы. Однако большая доля того, что редактор считает за неточности в переводе, может быть вызвана расхождениями именно в вариантах оригинала, а не погрешностью переводчика. В единственной обнаруженной нами попытке анализа перевода королевы Елизаветы I американский исследователь Дж. Б. Ридхау посвящает более трети своей статьи критике издания К. Пэмбертон и перечислению ошибок редактора как в транскрипции английской рукописи XVI века, так и в понимании латинского текста, указанного ею в сносках и примечаниях [Riddehough, 1946. с. 88-90]. Не имея намерения оспаривать справедливость или несправедливость обвинений Дж. Б. Ридхау в адрес редактора издания 1899 года, хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день это единственное типографское издание (вместе с репринтом 1975 года) рукописи Елизаветы I, и только благодаря нему и сам американский исследователь, и другие лингвисты могут обращаться к переводу королевы. Поэтому объективно оценить издание К. Пэмбертон со всей полнотой ответственности сможет, на наш взгляд, лишь тот, кто предпримет попытку осуществить критическое издание перевода 1593 года.

При обращении непосредственно к изучению самого перевода с латинского королевы Елизаветы I останавливает на себе внимание очень близкое следование оригиналу как в передаче поэтических метров поэзией, так и в переводе отрывков прозы. Как указывалось в начале нашей работы, мы не будем отдельно анализировать поэтический перевод королевы, так как перевод поэзии представляет собой особую сферу переводческой деятельности, не являющуюся объектом нашего исследования. Однако

Елизавета I настолько близко следует оригиналу Боэция в целом, что иногда понять поэтическую форму перевода можно только при сравнении с латинским метром. Поэтому мы считаем необходимым проиллюстрировать это на примере для демонстрации общей стратегии перевода королевы Елизаветы I, а также для указания некоторых прагматических аспектов подобных действий переводчика. Вот отрывок¹¹ первого метра первой книги Боэция, приведенный построчно с английским переводом 1593 года:

Carmina qui quondam studio florente peregi,

1. Righmes that my groing studie ons perfourmed

Flebilis, heu, maestos cogor inire modos.

2. In teares, alas! cumpeld, woful staues begin.

Ecce mihi lacerae dictant scribenda Camenae,

3. My muses torne, behold what write I shuld indites,

Et veris elegi fletibus ora rigant.

4. Wher tru woful uerse my face with dole bedews.

Has saltem nullus potuit pervincere terror,

5. Thes at lest no terror might constrain,

Ne nostrum comites prosequerentur iter.

6. that felowes to our mone our way they shuld refrain.

Gloria felicitis olim viridisque iuventae,

7. The glory ons of happy griny Youthe,

Solatur maesti nunc mea fata senis.

8. Now, fates of grounting Age, my comfort all.

Venit enim properata malis inopina senectus,

9. Unlookt for Age hied by mishaps is come.

Et dolor aetatem iussit inesse suam.

10. And Sorow bidz his time to add withal.

Intempestivi funduntur vertice cani,

11. Unseasond hore heares upon my hed ar powrd

¹¹ Латинский текст набран курсивом, английский перевод – обычным шрифтом.

Et tremit effeto corpore laxa cutis. (Boethius, lib. I, m. i)

12. And loosed skin in feable body shakes. (Elizabeth, 1-2)

Здесь Елизавета I стремится настолько близко воспроизвести поэтическую форму оригинала, что некоторые английские строки (например, 2; 5; 7) почти повторяют латинский порядок слов. Королева также следует насколько возможно синтаксису оригинала и передает отдельные грамматические конструкции и формы (например, латинскому обороту Accusativus cum infinitivo “aetatem iussit inesse suam” соответствует в 10-й строке английский Complex Object “bidz his time to add”; а латинскому герундиву в аккузативе множественного числа со значением долженствования “scribenda” соответствует в 3-й строке английская фраза “what write I shuld”). В некоторых случаях переводчик передает даже морфологическую структуру слова, так, латинский префикс in- в словах “**in**opina” (нежданная), “**in**tempestivi” (несвоевременные) соответствует в переводе английскому отрицательному префиксу un- в строке 9 “**un**lookt” (нежданный) и в строке 11 “**un**seasond” (ранний, преждевременный). Результатом такого близкого воспроизведения латинских метров стал английский перевод, который, как указывалось выше, иногда трудно воспринимать без обращения к античному оригиналу. Возможно, ввиду этого Дж. Б. Ридхау в своем критическом разборе весьма нелестно отзывается о поэтическом переводе Елизаветы I: “Все же нигде эта резкость не принимает столь отвратительную форму, чем когда знаменитая королева, чье имя связано со многими хорошими стихотворениями, пытается перевести поэтические отрывки сочинения “Об утешении философией”, или: “только человек с испорченным слухом может перевести...” [Riddehough, 1946. с. 92 – перевод наш К.Т.]. Со своей стороны, мы считаем, что как прагматика, охватывающая цель любого коммуникативного акта и стратегию по ее реализации, подчиняет себе другие аспекты текста и перевода, так и морально-этическая сторона любой критики, охватывающая

уважение к национально-историческому наследию и памяти любого народа, должна возобладать над желчностью иных замечаний.

Исходя из прагматического принципа рассмотрения любого перевода в культурно-историческом контексте эпохи его создания, попытаемся ответить на вопрос, почему королева Елизавета I, сама успешно занимавшаяся поэзией всю свою жизнь, избрала тактику столь близкой передачи латинских поэтических форм в своем переводе. На наш взгляд, этому могло быть две причины. Во-первых, как указывает Ч.Уибли, вторая половина XVI века в Англии была эпохой экспериментов в литературе и особенно в поэтическом переводе. “Век, который желал ничего не оставить неизведанным, прилагал все усилия, чтобы привнести гекзаметры в английскую поэзию, и, так как Вергилий и Овидий сочиняли свои поэмы в гекзаметрах, некоторым переводчикам казалось вполне уместным последовать иноязычному примеру” [Whibley, 1932. с. 16 – перевод наш К.Т.]. Следует отметить, что “рождение” английских гекзаметров получило столь горячий отклик в литературных кругах Англии того времени, что новая поэтическая форма не просто использовалась для перевода античных поэтов, но стала объектом теоретического изучения, отраженного в трактатах и литературной критике. И хотя в случае перевода королевы Елизаветы I речь не идет непосредственно об имитации гекзаметров, вполне возможно предположение, что попытка столь близкого воспроизведения поэтических метров Боэция была предпринята переводчиком в порядке эксперимента, характерного для английской поэзии конца XVI века. Вторая возможная причина, на наш взгляд, заключается в том, что знаменитый наставник будущей королевы Роджер Ашам фактически инициировал эти эксперименты с английскими гекзаметрами, вставив отдельные строки в свою книгу “Токсофил” (1545) и составив ряд правил по употреблению этого поэтического размера. И хотя впоследствии Р.Ашам отверг как несостоятельные всякие попытки использования античных форм поэзии в английском стихосложении, нельзя исключать, что стремление к близкому

воспроизведению латинских метров могло быть данью памяти Елизаветы I своему учителю.

В конечном итоге, “мертворожденность” английских гекзаметров, как и некоторая натянутость столь близкого поэтического перевода королевы латинской поэзии Боэция были обусловлены интралингвистическими особенностями языка. “Что касается музыкальных сторон, елизаветинский английский, также как и более поздний английский, имел определенные выраженные ограничения. Это был язык, переполненный согласными, многие из которых резкие и неблагозвучные; а именно преобладание согласных окончаний обедняло язык рифмами в противоположность итальянскому, который изобиловал словами с гласными окончаниями. Елизаветинский английский также обладал большим количеством редуцированных гласных, которые были ни длинные, ни краткие, и которые разрушали все попытки ареопагитов заставить язык влиться в классические формы” [Atkins, 1932. с. 464 – перевод наш К.Т.]. Помимо особенностей фонетического строя имитации античной поэзии препятствовал также фиксированный порядок слов аналитического английского языка в отличие от более свободного порядка слов синтетических языков. Однако, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что при рассмотрении близкого воспроизведения поэтических метров Боэция в переводе королевы Елизаветы I следует учитывать общий контекст литературных экспериментов в английской поэзии конца XVI века.

Для нашего исследования подобный подход переводчика в передаче стихотворных частей оригинала представляет несомненный интерес, так как в совокупности с очень близким следованием латинскому тексту в прозаических отрывках демонстрирует общую стратегию Елизаветы I, нацеленную на максимально полное сохранение различных частей содержания и особенностей оригинала в переводе. Проиллюстрируем это сравнением двух текстов:

латинский оригинал Боэция	английский перевод королевы Елизаветы I
<p>1. Haec dum mecum tacitus ipse reputarem, quaerimoniamque lacrimabilem styli officio designarem, adstitisse mihi supra verticem visa est mulier reverendi admodum vultus, oculis ardentibus et ultra communem hominum valentiam perspicacibus, colore vivido, atque inexhausti vigoris, quamvis ita aevi plena foret ut nullo modo nostrae crederetur aetatis, statura discretionis ambiguae.</p> <p>2. Nam nunc quidem ad communem sese hominum mensuram cohibebat; nunc vero pulsare caelum summi verticis cacumine videbatur: quae cum caput altius extulisset, ipsum etiam caelum penetrabat, respicientiumque hominum frustrabatur intuitus.</p> <p>3. Vestes erant tenuissimis filis, subtili artificio, indissolubilique materiae perfectae; quas uti post eadem prodente cognovi, suis manibus ipsa texuerat.</p> <p>4. Quarum speciem, veluti fumosas imagines solet, caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat. (Boethius, lib. I, pr. i)</p>	<p>1. While of al this alone in silence I bethought me, and tearesful complaint in stiles office ment, ouer my hed to stand a woman did apeare of stately face, with flaming yees, of insight aboue the comun worth of men; of fresche coulour and unwon strength, thogh yet so old she wer, that of our age she seamed not be one; her stature suche as skarse could be desernd.</p> <p>2. For sume while she skanted her to the comen stature of men, strait she semed with croune of hed the heauens to strike, and lifting up the same hiar, the heauens them selues she enterd, begiling the sight of lookars on.</p> <p>3. Her wides thé wer of smalist thrides, parfaict for fine workmanship and lasting substance, as, after by her selfe I knewe, was by her handes al wrought.</p> <p>4. Whose forme, as to smoky imagis is wont, a certain dimnis of dispisid antiquitie ouerwhelmed. (Elizabeth, 2-3)</p>

Как видно из приведенной таблицы, перевод королевы имеет то же членение на предложения, что и в оригинале, несмотря на то, что данные латинские предложения отличаются сложной разветвленной структурой. Иногда переводчик воспроизводит даже порядок слов оригинала (см. предложение 4). В своем переводе Елизавета I стремится сохранить отдельные грамматические конструкции, употребленные в сочинении Боэция. Например, в предложении 1 латинский оборот *Nominativus cum infinitivo* “adstittisse mihi supra verticem visa est mulier” соответствует английской конструкции “ouer my hed to stand a woman did apeare”, которая также состоит из существительного в номинативе “a woman” и инфинитива “to stand”, зависящих от личной формы глагола “did apeare”. Аналогичным образом переводчик воспроизводит в предложении 2 еще один оборот *Nominativus cum infinitivo* “pulsare caelum summi verticis cacumine videbatur”, которому соответствует английская конструкция “she semed with croune of hed the heauens to strike”. В обоих случаях королева переводит указанный латинский грамматический оборот английским сложным подлежащим.

Также близко Елизавета I стремится передать лексические особенности оригинала. Это, в первую очередь, выражается в попытке воспроизвести различные оттенки значения. Так, в предложении 1 латинские синонимы “aevum” (время, вечность, жизнь) во фразе “ita aevi plena foret” и “aetas” (век, возраст) во фразе “ut nullo modo crederetur aetatis” переводчик передает в первом случае прилагательным “old” (so old she wer) и во втором – существительным “age” (that of our age she seamed not to be one). В предложении 4 еще одному латинскому синониму этого ряда “vetustas” (древность, прошлое, век) во фразе “neglectae vetustatis” соответствует английское существительное “antiquitie” (dispidid antiquitie). Далее по тексту другой латинский синонимический ряд: 1) “acies” (проницательность, зрение, взгляд) во фразе “cujus acies lacrimis mersa caligarat”; 2) “visus” (взгляд, физическое зрение) во фразе “visuque in terram defixo”; 3) “vultus” (лицо, выражение лица, взгляд) во фразе “meumque intuens vultum luctu

gravem” – соответствует в английском переводе: 1) “sisght” (whose sisght, drowned in teares, was dimed); 2) “yees” (setteling my yees on ground); 3) “looke” (vewing my looke of hevvy woe). Наряду с отражением различных оттенков значения оригинала в переводе Елизавета I также раскрывает в отдельных случаях внутреннюю форму слова, стремясь передать значения некоторых морфем. К примеру, в предложении 1 латинское прилагательное “perspicax” /*per+specio/ (oculis ardentibus et ... perspicacibus) со значением “зоркий, прозорливый, проницательный” переводчик передает английским существительным “insight” /*in+sight/ (of insight aboue the comun worth of men) со значением “проницательность, способность проникновения в сущность”, что, надо признать, вполне соответствовало мифическому образу Философии у Боэция. Также в предложении 1 латинскому прилагательному “inexhaustus” /*in+exhaust/ (inexhausti vigoris) со значением “неистощимый” соответствует английское прилагательное “unwon” /*un+won/ (of unwon strength) с аналогичным значением и всего слова, и отрицательного префикса un-. В предложении 4 латинскому глаголу “obduxerat” /*ob+duco/ (caligo ... obduxerat) со значением “покрывать, обтягивать” соответствует английский глагол “ouerwhelmed” (a certain dimnis ... ouerwhelmed), имеющий значение “накрывать, заполонять” и раскрывающий внутреннюю форму латинского слова.

При передаче античных мифологических и культурных реалий королева редко применяет прием генерализации (ср. “Camenaе” как “poetz musis”; “lares” как “retired roomes”). В большинстве случаев переводчик сохраняет без пояснений разные культурные реалии оригинала, например: “Sirenes swite”; “Stoike and Academique study”; “Senat / Senates order”; “Anaxagoras flight”; “Hisperias waters”; “boreas sent from his tracien den” и т.д. То же можно сказать и о передаче Елизаветой I художественного символизма Боэция. Большинство авторских образов встречаются в тексте перевода без каких-либо примечаний или раскрытия метафорического значения (см., например, описание явления Философии, приведенное в

таблице). Аналогичным образом символизм одежд Философии сохранен в переводе так, как он представлен в оригинале: “of thes wides in the loweste skirtz II, in the upper side a Θ, was reade, al woven. And betwine bothe lettars, ladarwise, certain steps wer marked, by wiche from lowest to hiest element ascent ther was” (Elizabeth, 3). В этом примере образное значение греческих букв, их расположение по краям и соединение лестницей между собой никак не объясняется переводчиком ни в тексте, ни на полях перевода.

С точки зрения стиля перевода Елизаветы I обращает на себя внимание тот факт, что вразрез с распространенной в английской литературе XVI века традицией королева не использует прием употребления парных синонимов в прозаическом тексте. Это объясняется, по нашему мнению, стремлением настолько близко следовать оригиналу, что исключало возможность любых добавлений со стороны переводчика. При этом интересны факты употребления Елизаветой I архаизмов как лексических, например, “skanted” /shrunk/ в предложении 1 или “wides” /vestures/ в предложении 3, так и грамматических, например, архаичная форма генитива “stiles office”; “poetz musis”; “stagis harlotz”, которые являлись устаревшими словами и формами еще во времена Чосера (OED), и, вероятно, поэтому не использовались им в переводе. Возможно, употребление архаизмов королевой Елизаветой I было призвано подчеркнуть античный характер и период создания латинского сочинения и тем самым несколько возвысить художественный стиль изложения. Хотя при отсутствии каких-либо примечаний или предисловия, или иных свидетельств от переводчика это остается всего лишь предположением.

Итак, перевод латинского оригинала “Об утешении философией” Боэция, выполненный королевой Елизаветой I в 1593 году, ясно показывает общую стратегию переводчика, нацеленную на наиболее полное воспроизведение формы и содержания оригинала как в переводе поэтических метров, так и отрывков прозы. Исходя из этого, данный перевод Елизаветы I можно классифицировать как филологический, “когда

переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные особенности языка оригинала” [Комиссаров, 2002. с. 144]. Однако, согласно В.Н. Комиссарову, любой филологический перевод представляет собой определенный вид прагматической адаптации, используемый переводчиком для достижения конкретных целей или решения собственных задач, как, например, учебно-методическая цель современных филологических переводов или создание подстрочника для последующего художественного перевода. [2002. с. 143-144]. Поэтому, характеризуя перевод королевы Елизаветы I как филологический, следует одновременно указать на возможную сверхзадачу, которую решал переводчик, выполняя подобную прагматическую адаптацию текста. Для этого обратимся к более широкому культурно-историческому контексту создания данного перевода.

Как известно, Елизавета I взяла на себя этот труд в конце 1593 года в возрасте шестидесяти лет. По свидетельству приближенных королевы, она перевела сочинение Боэция в Виндзорском замке за довольно короткое время [Pemberton, 1899. с. viii-x]. Как указывает редактор, к тексту перевода прилагаются три отдельные страницы почтовой бумаги с наблюдениями разных лиц, записанные, вероятно, ими самими, где содержатся подсчеты дней и часов, которые королева уделила этому труду: “Ваше Величество начали перевод Боэция в десятый день октября 1593 года и закончили его пятого ноября того же года, что в сумме составляет двадцать пять дней. Из этих двадцати пяти дней следует отнять четыре воскресенья, три других праздника и шесть дней, в которые Ваше Величество выезжали отдохнуть. (...) За вычетом 13 дней из 25-и остается только 12 дней. И затем, учитывая лишь два часа, уделяемые переводу изо дня в день, получается, что за двадцать четыре часа Ваше Величество начали и закончили Ваш перевод” [цит. по: Pemberton, 1899. с. ix. – перевод наш К.Т.]. К. Пэмбертон справедливо указывает на несколько льстивое преувеличение в подобных подсчетах, так как “при всем должном уважении к великому гению доброй королевы Бэсс, мы едва ли можем признать за ней способность переводить

не только прозу, но и трудную поэзию за то же время, за которое простой смертный смог бы лишь записать текст” [Pemberton, 1899. с. viii. – перевод наш К.Т.]. Тем не менее несомненный интерес для нас представляет само описание ситуации создания данного перевода в совокупности с вышеупомянутым фактом, что большая часть текста написана рукой самой Елизаветы I, а часть – под ее диктовку. Из этого следует, что, выполняя перевод сочинения Бозция “Об утешении философией”, королева таким образом проводила свой досуг. Отметим, что в Англии XVI века такая форма проведения свободного времени была довольно распространенной среди переводчиков-елизаветинцев, для которых перевод не являлся основным видом профессиональной деятельности. Так, к примеру, Томас Гоуби был английским послом, Томас Норт – юристом, Филемон Голланд – врачом. И для них перевод был также способом проведения досуга. Однако они переводили согласно бытовавшей в их эпоху традиции, как указывалось выше, добавляя, украшая, обновляя оригинал в переводе. И в этом отношении филологический перевод Елизаветы I резко отличается от современных ей работ. При этом также следует учесть, что в отличие от других переводов эпохи этот труд, во-первых, не был предназначен для печати (как явствует из отсутствия редактирования и каких-либо попыток к опубликованию ранее 1899 года), во-вторых, не содержит ни посвящения, ни предисловия с прямыми или косвенными указаниями на предполагаемого получателя, и, в-третьих, в нем сохранены без каких-либо пояснений и примечаний почти все культурные, мифологические и другие реалии оригинала, авторский символизм и художественные образы. Последний факт свидетельствует о том, что перевод Елизаветы I создавался с учетом такого потенциального получателя, глубина познаний и уровень классического образования которого были равны уровню самого переводчика. Таких людей в Англии конца XVI века были единицы, однако и те благодаря своей высокой образованности при необходимости обратились бы скорее к оригиналу, чем к переводу (а то, что основной массе

английских получателей требовались детальные пояснения и примечания, явствует из различных способов прагматической адаптации текста, применяемых, к примеру, в переводе Джорджа Колвила). Исходя из всех перечисленных выше фактов, нам представляется наиболее вероятным вывод о том, что целью создания перевода сочинения Боэция королевой Елизаветой I было проведение интеллектуального досуга просвещенного монарха, и соответственно сверхзадачей переводчика стало выполнение своего рода лингвистического упражнения по подражанию античному оригиналу, или иными словами выполнение перевода ради собственно перевода. Если вспомнить личный опыт королевы в получении образования, ее любовь к поэзии и переводческой деятельности, высокое мастерство владения словом, применяемое для решения государственных задач, то возможно предположить что, такой филологический перевод вполне мог соответствовать психологическим и творческим запросам личности уже немолодой королевы, пребывавшей в зените своей славы. Решение подобной сверхзадачи личностного характера объясняет, по нашему мнению, избранную Елизаветой I стратегию, нацеленную на максимально близкое воспроизведение оригинала в переводе как поэзии, так и прозы “последнего римлянина”.

Еще одним подтверждением наличия указанной сверхзадачи в переводе королевы может служить сопоставление небольшого его отрывка с оригиналом и соответствующим местом из перевода Джорджа Колвила, где стратегия переводчика и отбор языковых средств выражения наглядно отражают как поставленную им цель своего перевода, так и личность самого переводчика. Вот отдельный пример:¹²

латинский оригинал Боэция	перевод Джорджа Колвила (1556)	перевод королевы Елизаветы I (1593)
Sentisne, inquit, haec, atque animo illabuntur	Perceyuest thou not those thynges that be spoken, and be	Knowest thou al this, and yet hast forgotten

¹² Фразеологические единицы в таблице выделены нами – К.Т.

tuo? Es ne asinus ad lyram? Quid fles? Quid lacrymis manas? (Boethius, lib. I pr. iv)	they not prynted and well fyred in thy mynde? Art thou no more apt to understand them then an asse to play on the harpe? Why wepest? Why shedest thou teres? (Colville, 18)	them? art thou the Ass to the Lute? heare and remembar If thou Looke. (Elizabeth, 8)
--	--	---

Приведенная таблица ясно показывает, насколько различные стратегии перевода находят свое отражение в том числе и в объеме конечного текста: отрывок из текста Джорджа Колвила значительно больше параллельного отрывка из перевода королевы Елизаветы I из-за привнесенных им в текст добавлений, пояснений и синонимов, рассчитанных, как указывалось в предыдущем разделе, на получателей перевода из среды растущего среднего класса. Перевод же королевы, напротив, состоит из кратких лаконичных фраз обращения Философии к Боэцию, соответствующих латинскому тексту. Очевидно, что воспроизведение формы оригинала играло более важную роль для Елизаветы I, чем для Колвила.

Здесь следует также отдельно рассмотреть выбор фразеологического соответствия в данных переводах XVI века как отражение особенностей личности самого переводчика и его установки на потенциального получателя. Латинская поговорка “*asinus ad lyram*” (осел у лиры) обозначает тупого, бездарного человека. Прозрачность значения данной фразеологической единицы позволяет калькировать ее при переводе. Так, Джордж Колвил в своем переводе употребляет фразеологическую кальку “*an asse to play on the harpe*”, раскрывая образное значение пояснением “*art thou no more apt to understand them then an asse to play on the harpe*” (разве ты не способен понять их /слова/ более, чем осел играть на арфе). Королева Елизавета I в своем переводе никак не поясняет образ оригинала, но также использует фразеологическую кальку “*the ass to the lute*” (осел у лютни). Обе английские кальки следует признать адекватными переводческими соответствиями в данном случае, так как они отражают различные

компоненты значения латинского устойчивого выражения и передают его прагматический потенциал.

Однако представляет интерес замена национально-этнического компонента значения как элемент прагматической адаптации фразеологических калек, созданных переводчиками, к английской культуре. Это выражается в изменении части предметного значения фразеологизма, той части, которая относится к объектам материальной культуры народа, а именно, к музыкальным инструментам. В латинском фразеологизме “*asinus ad lyram*” прямой компонент значения имеет в себе указание на лиру – “струнный музыкальный инструмент, похожий на кифару, но меньших размеров. Этим именем, по-видимому, назывались близкие по характеру инструменты. Лiry больших размеров называли барбитон” [Античная культура, 1995. с. 163]. Таким образом, латинское слово “*lyra*” встает в один ряд с наименованиями “кифара”, “барбитон”, но при этом является общим обозначением данного вида струнных музыкальных инструментов и, вероятно, благодаря этому входит в состав указанной фразеологической единицы. В переводе 1556 года Джордж Колвил заменяет римскую лиру на английскую “*harpe*” (арфу), так как слово “*harpe*” также обозначало струнный музыкальный инструмент и происходило от древнеанглийского “*hearpe*”, связанного с древнескандинавским “*harpa*” и древневерхненемецким “*harfa*” (OED). На основе этимологии этого слова можно заключить, что данное понятие имело глубокие национально-исторические корни в сознании английского получателя XVI века и, вероятно, поэтому было выбрано переводчиком при калькировании фразеологизма в качестве элемента его прагматической адаптации в принимающей культуре.¹³ Однако королева Елизавета I в своем переводе заменяет римскую лиру на английскую “*lute*” (лютню). Здесь слово “*lute*” также обозначает струнный музыкальный инструмент (хотя более

¹³ Для сравнения в переводе Джеффри Чосера также использовано слово “*harpe*”: “*Artow lyke an asse to the harpe?*” (Chaucer, bk. I, pt. iv, 2 – выделено нами К.Т.).

напоминающий гитару), но оно было впервые зафиксировано в английском языке лишь в XIV веке от старо французского “lut”, через старо провансальский язык из арабского “al ūd” /буквально: “дерево”/ (OED). На основе этимологии этого слова можно заключить, что оно пришло в английский язык как элемент придворной культуры, бóльшая часть которой была позаимствована англичанами из Франции после Норманнского завоевания. Здесь следует вспомнить, что сама королева Елизавета I и вся ее жизнь были неразрывно связаны с английским двором, а Джордж Колвил, напротив, не имел аристократического происхождения и выполнял свой перевод согласно распространенной в XVI веке традиции елизаветинского перевода и с учетом нового растущего сословия английской буржуазии как получателей перевода. Таким образом, изменение национально-этнического компонента значения фразеологизма произошло под воздействием прагматических аспектов перевода и отражает, с одной стороны, особенности личности самого переводчика, а с другой стороны, его установку на конкретного получателя перевода. Применительно к рассмотренному нами переводу Елизаветы I это еще раз подчеркивает отсутствие в стратегии королевы установки на конкретного получателя из среды ее современников и ориентацию всего текста 1593 года на внутренние психологические и творческие запросы личности самого переводчика.

Подводя итоги, проведем диахроническое обобщение на основании сравнения четырех ранних английских переводов одного латинского оригинала Боэция “Об утешении философией”, выполненных соответственно королем Альфредом в IX веке, Чосером в XIV веке, Колвилем в середине XVI века и королевой Елизаветой I в конце XVI века. При изучении прагматических аспектов указанных переводов на первый план выходит наличие у всех из них экстрапереводческой сверхзадачи, определившей стратегию выполнения каждого конкретного перевода.

Взяв за основу христианскую сторону истории личности самого автора, король Альфред произвел последовательную прагматическую адаптацию текста, направленную на христианизацию языческого оригинала, ориентируясь таким образом на религиозное мировоззрение своих сограждан.

Руководствуясь осознанием высоких литературно-художественных достоинств и глубины философского содержания оригинала, Джеффри Чосер создал в контексте своей эпохи филологический перевод с целью последующего заимствования из него в собственные произведения.

Опираясь на психологию, мировоззрение, вкусы нового сословия английской буржуазии, с одной стороны, и на сформировавшуюся к середине XVI века литературную и переводческую традицию, с другой стороны, Джордж Колвил дополнял, украшал, обновлял оригинал в своем переводе, создавая по сути новое литературное произведение “по мотивам” латинского сочинения.

Исходя из личного опыта в получении классического образования, а также собственных психологических и творческих запросов королева Елизавета I выполнила филологический перевод для себя с целью подражания античному оригиналу как способ проведения досуга, при этом ни ориентируясь на конкретного получателя, ни предназначая текст для публикации.

Таким образом, можно выделить главенствующую роль экстралингвистических и экстрапереводческих факторов в определении целей и задач данных переводов и соответственно переводческой стратегии на разных исторических этапах. Подобными определяющими факторами явились: религиозное сознание общества IX века для короля Альфреда; литературная практика заимствования сюжетов, идейного и лексического материала, распространенная в XIV веке, для Джеффри Чосера; социокультурный аспект появления нового класса общества и конкретная переводческая традиция XVI века для Джорджа Колвила; личные

психологические и творческие интересы для королевы Елизаветы I. Рассмотрев данные переводы с учетом поставленных переводчиком экстрапереводческих сверхзадач и стратегий по их реализации в текстах, можно заключить, что все исследованные нами переводы разных исторических эпох обладают высокой прагматической ценностью, т.е. “степенью соответствия текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода” [Комиссаров, 2002. с. 411].

Обзор критики указанных переводов показывает, что игнорирование вышеперечисленных прагматических факторов и оценка исторических переводов с современных позиций точного воспроизведения оригинала приводит к необъективности суждений и умаляет ту роль, которую данные переводы сыграли в развитии национального языка и культуры. Проведенное диахроническое исследование различных переводов, учитывающее эпоху их создания и рассматривающее условия каждого конкретного переводческого акта, подтверждает ведущую роль прагматических аспектов как для процесса, так и для результата перевода, выполненного в иной, не современный исторический период. В этой связи можно заключить, что необходим дифференцированный подход в оценке переводов разных эпох, однако главным и неизменным критерием при этом должна оставаться прагматика.

С позиций современности рассмотренные нами переводы иллюстрируют смену функции в диахроническом измерении, когда исторические тексты перестают выступать в наше время как полноправная замена оригиналу, но становятся образцами литературной и переводческой традиции каждой отдельной эпохи. Изучение таких переводов относительно оригинала предоставляет обширные сведения не только по истории перевода, но и о тенденциях развития языка, уровне познаний общества о мире, господствующем мировоззрении и культурной традиции конкретного исторического периода. Исходя из этого значение переводов и переводческой деятельности как средства обогащения национальных

языков и культур трудно переоценить. В своем развитии народы переходят от одного культурно-исторического периода к другому, начиная каждый последующий этап не с нулевого уровня, но накапливая, переосмысляя и ассимилируя достояние предыдущих веков, которые через призму истории культуры проступают не столько в хронологической последовательности, сколько по высоте порожденных ими духовных ценностей. И именно благодаря этому эпоха античности сохраняла свое огромное влияние на всю европейскую цивилизацию в течение более тысячелетия после своего заката. И в этом процессе обогащения и развития национальных культур через соприкосновение с духовными ценностями греко-римской античности важная роль принадлежит переводам, последовательно выполнявшимся на всех исторических этапах.

Заключение

Данная диссертация посвящена диахроническому исследованию зависимости процесса и результата переводов, выполненных на ранних этапах развития национального языка и культуры, от прагматических факторов, повлиявших на их создание. Результатом работы явилось определение целей выполнения конкретных исторических переводов на основании выявления переводческой стратегии по их реализации в текстах в совокупности с учетом культурно-исторического контекста эпохи создания каждого из ранних переводов.

Подобный ракурс исследования текстов отдельных исторических переводов через призму комплексного рассмотрения коммуникативной ситуации их создания (независимо от удаленности во времени) позволил выявить важную научную роль изучения прагматики перевода в современном переводоведении. При таком подходе рассмотрение прагматических аспектов перевода открывает область макропереводоведения, охватывающую самые разные проявления переводческой деятельности в процессе исторического становления и развития национальной самобытности народа.

В процессе исследования нами было установлено, что цели выполнения всех проанализированных переводов были связаны с наличием сверхзадачи, различной у отдельных текстов, но при этом неизменно имеющей экстралингвистический и экстрапереводческий характер. Постановка переводчиком определенной сверхзадачи выполнения перевода была продиктована следующими прагматическими факторами воздействия на переводческий акт: религиозное мировоззрение получателей перевода; этап развития национального языка и литературы в совокупности с распространенной практикой литературного творчества той эпохи; социокультурный аспект появления нового сословия, определившего вкусы, запросы и, как следствие, литературную и переводческую традицию того периода; личные психологические, творческие интересы и потребности

самого переводчика. Таким образом, наличие экстрапереводческой сверхзадачи, определившей стратегию выполнения перевода, представляется неизбежным на заре развития национального языка и культуры и вызвано следующими прагматическими характеристиками межкультурной коммуникации при переводе античного автора на английский на раннем этапе существования последнего:

- огромное различие в уровне развития культуры ИЯ и ПЯ (в пользу языка и культуры оригинала), выражающееся в общем фонде познаний о мире, человеке и человеческом обществе, разнообразии отраслей и направлений науки и искусства, распространенности образованности, развитии национального самосознания и исторической памяти народа и т.д.;
- различие в этапах становления и развития ИЯ и ПЯ, когда язык оригинала является высоким образцом национального литературного языка, обладающего сформировавшейся нормой, узусом и жанрово-стилистическим разнообразием, а язык перевода находится на одной из донациональных или ранних национальных стадий своего формирования, не выработав еще единой литературной нормы, многих жанров и стилей;
- исторически сложившаяся религиозная, научная и культурная зависимость мировоззрения и бытия социума ПЯ от духовных ценностей, выработанных цивилизацией ИЯ, как часть общего контекста влияния греко-римской античности на всю европейскую цивилизацию.

Рассматриваемая с позиций современного переводоведения, подобная межкультурная коммуникация не может иметь своей целью точное воспроизведение оригинала, требование чего предъявляется к большинству самых разных современных переводов. Однако следует учесть, что при их выполнении данные прагматические характеристики межкультурной коммуникации отсутствуют. Из этого следует вывод о

неприемлемости современных критериев оценки, выражающейся в терминах “вольный”, “буквальный”, по отношению к ранним переводам, так как при таком заключении игнорируются вышеуказанные прагматические условия, присутствующие в акте создания каждого из ранних переводов. С другой стороны, обусловленное данными прагматическими характеристиками обязательное наличие экстрапереводческой сверхзадачи, определившей стратегию выполнения перевода, указывает на необходимость рассмотрения и оценки ранних переводов относительно реализации поставленной сверхзадачи и цели создания конкретного текста.

Представляет несомненный интерес выявленная роль личности самого переводчика в определении характера экстрапереводческой сверхзадачи. Хотя данное исследование, основываясь на анализе 4-х различных переводов одного оригинала, не может быть всеобъемлющим и не претендует на статистическую достоверность, тем не менее, нам представляется важным наблюдение об обратной зависимости между ролью личности переводчика в определении целей и задач перевода и господством сложившейся литературной и переводческой традиции. Иными словами, при отсутствии сформировавшейся традиции переводчик сам определял сверхзадачу перевода и стратегию по ее реализации в тексте в соответствии с собственной ролью в истории своей страны и народа. Так, король Альфред как правящий монарх превратил древнеанглийский перевод в религиозно-дидактическое сочинение с целью проповеди о новопрославленном святом и утверждения христианской веры. Джеффри Чосер, великий национальный поэт, создал среднеанглийский перевод как рабочую тетрадь писателя с целью последующего заимствования из нее в собственные поэмы. Джордж Колвил, напротив, переводил Боэция в условиях широко распространенной традиции т.н. елизаветинского перевода и в соответствии с ней дополнял, украшал, обновлял оригинал в переводе, превращая его тем самым в яркое литературное произведение эпохи английского Ренессанса. Перевод королевы Елизаветы I, созданный также в период расцвета литературной и

переводческой традиции, несмотря на это демонстрирует явное отступление от нее. Однако его ориентация исключительно на внутренние психологические и творческие потребности самого переводчика, отсутствие установки на потенциального получателя являются косвенным подтверждением нашего наблюдения, что в условиях господства сложившейся переводческой традиции переводчик определяет следование ей в качестве сверхзадачи выполнения перевода, в то время как любая другая цель сильно сокращает потенциальную аудиторию получателей перевода и низводит его до уровня индивидуальных интересов личности.

Диахронический подход к изучению переводов позволил также выявить смену функции текста, происходящую на временной оси, когда текст, созданный изначально как перевод с опорой на соответствующий оригинал, по прошествии времени перестает выступать как полноправная замена оригиналу и начинает восприниматься в своем народе как самостоятельное литературное произведение, отразившее определенную традицию и этап развития национального языка и культуры. Подобная утрата переводом своего предназначения замещать оригинал в принимающей культуре связана на диахронной оси с рядом собственно языковых и экстралингвистических факторов, а именно с различными сменяющимися друг друга историческими этапами формирования и развития как самой нации, так и национального языка; постепенной выработкой литературной нормы, узуса, жанрово-стилистической дифференциации; возникновением разных традиций перевода, обусловленных широким культурно-историческим контекстом эпохи. Таким образом, указанная смена функции в диахроническом измерении выявляет тесную взаимосвязь художественного перевода и литературного творчества, с одной стороны, и показывает пути обогащения национальной литературы посредством перевода, с другой стороны. Из этого следует возможный вывод о том, что при анализе ранних переводов художественных произведений необходимо рассматривать их не только как собственно переводы конкретных

оригиналов, но и как факт национальной литературы того или иного исторического периода.

Основываясь на сравнительно-историческом сопоставлении различных стадий развития языка в целом и перевода в частности, диахронический анализ неразрывно связан с установлением основных закономерностей, констант, характеризующих изучаемую область во времени. По результатам данного исследования ранних английских переводов на диакронной оси мы можем заключить, что прагматика выступает в качестве переводческой универсалии, неотъемлемой составляющей процесса и результата перевода как акта межкультурной и межкультурной коммуникации. Таким образом, основной закономерностью переводческой деятельности можно считать то, что прагматические аспекты любого перевода подчиняют себе другие аспекты текста как в синхронии, так и в диахронии. В проведенном исследовании было продемонстрировано, что независимо от этапа развития ПЯ, от уровня различия культур ИЯ и ПЯ, возможностей ПЯ в воспроизведении различных сторон оригинала прагматический аспект доминирует над лингвистическими аспектами в определении переводческой стратегии и ее реализации в текстах донациональных и ранних национальных переводов.

В этой связи нам представляется перспективным диахроническое исследование английских переводов как античной, так и средневековой латинской литературы различных жанров с целью изучения роли прагматических аспектов в зависимости от жанра оригинала, что не входило в задачи настоящей работы. Однако подобное выявление конкретных прагматических факторов воздействия на переводческий акт с учетом жанрово-стилистической дифференциации языка могло бы способствовать созданию иерархии различных прагматических характеристик, оказывающих неодинаковую степень влияния на процесс и результат перевода. Данные таких исследований станут несомненным вкладом в

дальнейшее развитие диахронического подхода в современном переводоведении.

Библиография

1. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Ярхо. – М.: Высшая школа, 1995. – 383 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
3. Арутюнова Н.Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: “Лингвистическая прагматика”. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
4. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389-390.
5. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. – М.: Издательство “Менеджер”, 2003. – 392 с.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 230 с.
7. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Философия и герменевтика. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
8. Гак В.Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.90.
9. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: “Лингвистическая прагматика”. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
10. Добровольский Д.О. Семантика идиом как переводческая проблема // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 96-104.
11. Дорохова Ю.Э. Взаимодействие текстовых факторов и словарных соответствий при выборе переводческого эквивалента: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 173 с.

12. Дроздова Т.В. Предпонимание в процессе понимания научного текста // Лексика в разных типах дискурса. – М., 2003. – С. 60-68 (Вестник МГЛУ; вып. 478).
13. Ишкова Т.Н. Концепт языковой личности в английском языке в сопоставлении с русским языком: На примере анализа вариантов переводов пьесы Б. Шоу “Пигмалион”: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 18 с.
14. Кириченко Н.А. Прагматически адекватный перевод // Вопросы теории и методики преподавания перевода. – М., 1988. – С. 70-77 (Тр./МГИИЯ им. М. Тореца; вып. 319).
15. Комиссаров В.Н. Когнитивные аспекты перевода // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 7-22.
16. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
17. Комиссаров В.Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 4-20.
18. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
19. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
20. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – Вып. 3: “Проблемы языкового изложения”. – М.: Прогресс, 1963. – С. 143-346.
21. Кубрякова Е.С. О типах дискурсивной деятельности // Лексика в разных типах дискурса. – М., 2003. – С. 5-10 (Вестник МГЛУ; вып. 478).
22. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. СЛЯ: 1994. - № 2. – С. 3-15.
23. Кузнецов В.Г. Коммуникативная и прагматическая роль отношений противопоставления в тексте // Семантико-прагматические аспекты текста и перевода. – М., 1987. – С. 88-95 (Тр./ МГИИЯ им. М. Тореца; вып. 297).

- 24.Латышев Л.К. К проблематике переводческих ошибок // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 87-95.
- 25.Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
- 26.Миньяр-Белоручев Р.К. Лингвистика перевода // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 136-143.
- 27.Моррис Ч.У. Основания теории знаков. Пер. с англ. // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
- 28.Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 185-201.
- 29.Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
- 30.Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. – Минск: Высшэйшая школа, 1983. – 456 с.
- 31.Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: “Теория речевых актов”. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
- 32.Падучева Е.В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.
- 33.Розенцвейг М.Ю. Проблемы языковой интерференции: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 366 с.
- 34.Рычкова Н.В. Некоторые лингвистические и прагматические особенности перевода абстрактных существительных в общественно-политической лексике // Семантико-прагматические аспекты текста и перевода. – М., 1987. – С. 53-58 (Тр./МГИИЯ им. М. Тореца; вып. 297).
- 35.Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев: Вища школа, 1964. – 151 с.
- 36.Семенец О.Е. Панасьев А.Н. История перевода. – Киев: Издательство при Киевском университете, 1989. – 296 с.

- 37.Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: “Теория речевых актов”. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.
- 38.Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: “Теория речевых актов”. – М.: Прогресс, 1986. – С. 130-150.
- 39.Текст и перевод / В.Н. Комиссаров, Л.А. Черняховская, Л.К. Латышев и др. – М.: Наука, 1988. – 165 с.
- 40.Университетское переводоведение. Вып. 2. Материалы II Международной научной конференции по переводоведению “Федоровские чтения” 23-25 октября 2000 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 410 с.
- 41.Уколова В.И. “Последний римлянин” Боэций. – М.: Наука, 1987. – 159 с.
- 42.Федоров А.В. Язык и стиль художественного произведения. – М.-Л.: Гослитиздат, 1963. – 130 с.
- 43.Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 32-37.
- 44.Цвиллинг М.Я. Туровер Г.Я. О критериях оценки перевода // Тетради переводчика. Вып. 15. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 3-9.
- 45.Чиронова И.И. Теоретические и практические аспекты дословности в переводе: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 171 с.
- 46.Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Пер. с англ. И.А. Кашкина, О.Б. Румера, Т.И. Поповой. – М.: Грантъ, 1996. – 832 с.
- 47.Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 20-31.
- 48.Швейцер А.Д. Перевод и культурная традиция // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 64-75.
- 49.Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1985. – 215 с.
- 50.Язык и стиль античных писателей / Отв. ред. А.И. Доватур. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1966. – 224 с.

51. Языки культуры и проблемы переводимости. – М.: Наука, 1987. – 254 с.
52. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX – XV вв. – М.: Наука, 1985. – 247 с.
53. Adams J.K. Pragmatics and fiction. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1985. – 78 p.
54. Amos F.R. Early theories of translation. – N.Y.: Columbia university press, 1920. – 184 p.
55. Atkins J.W.H. The language from Chaucer to Shakespeare // The Cambridge history of English literature / Ed. by A.W. Ward and A.F. Waller. – Cambridge: Cambridge university press, 1932. Vol. 3. – P. 439-465.
56. Baker M. In other words. A coursebook on translation. – London and New York: Routledge, 1994. – 304 p.
57. Bax E.B. Introduction // Boethius' Consolation of philosophy. Translated from the Latin by George Colville, 1556. – London: David Nutt, 1897. – P. iv-xx.
58. Bindoff S.T. Tudor England. – England: Penguin Books, 1977. – 320 p.
59. Brewer D.S. The criticism of Chaucer in the twentieth century // Chaucer's mind and art / Essays ed. by A.C. Cawley. – Edinburgh-London: Oliver and Boyd, 1969. – P. 3-28.
60. Brewer D.S. The relationship of Chaucer to the English and European traditions // Chaucer and Chaucerians. Critical studies in Middle English literature / Ed. by D.S. Brewer. – London: Nelson, 1967. – P. 1-38.
61. Cicero M.T. De optimo genere oratorum // Opera quae supersunt omnia ... Tomus III. – Lipsiae, 1814. – P. 371-382.
62. Cohen J.M. English translators and translations. – London: Longmans, Green and co., 1962. – 56 p.
63. The compact edition of the dictionary of national biography. Vol. 1 (I-II). – Oxford: Oxford university press, 1975. – P. 417.
64. Crane M.T. Elizabeth I // Dictionary of literary biography: Sixteenth-century British nondramatic writers. Second series / Ed. by D.A. Richardson. – Detroit: Gale research Inc., 1994. Vol. 136. – P. 85-93.

- 65.Davis N. Chaucer and the fourteenth-century English // Writers and their background: Geoffrey Chaucer / Ed. by D.S. Brewer. – London: Bell, 1974. – P. 58-84.
- 66.Dictionary of literary biography: Sixteenth-century British nondramatic writers. First series / Ed. by D.A. Richardson. – Detroit: Gale research Inc., 1993. Vol. 132. – P. xi-xvi.
- 67.Drew-Bear T. Ezra Pound's "Homage to Sextus Propertius" // American Literature. – 1965. – N 2. – P. 204-210.
- 68.Dronke P. Chaucer and the Medieval Latin poets // Writers and their background: Geoffrey Chaucer / Ed. by D.S. Brewer. – London: Bell, 1974. – P. 154-183.
- 69.Dwyer R.A. Another Boece // Romance Philology. – 1965. – N 2. – P. 268-270.
- 70.Elliot R.W.V. Chaucer's reading // Chaucer's mind and art / Essays ed. by A.C. Cawley. – Edinburgh-London: Oliver and Boyd, 1969. – P. 46-68.
- 71.Ellis R. Introduction // The Medieval translator. The theory and practice of translation in the Middle Ages: Papers read at a conference held 20-23 August 1987 at the University of Wales conference centre / Ed. by R. Ellis. – Cambridge: Brewer, 1989. – P. 1-14.
- 72.Folia Translatologica. Translation strategies and effects in cross-cultural value transfer and shifts. Prague, 20-22 October 1992: The 8th International conference on translation and interpreting. Prague, 1992. – Vol. 2. – 171 p.
- 73.Geoffrey Chaucer. A critical anthology / Ed. by J.A. Burrow. – Harmondsworth: Penguin Books, 1969. – 323 p.
- 74.Giles. Harmony of the chroniclers during the life of King Alfred; A.D. 849-901 // The whole works of King Alfred the Great: with preliminary essays illustrative of the history, arts and manners of the ninth century. – N.Y.: AMS Press, 1969. Vol. 1. – P. 1-128.
- 75.Hammond E.P. Chaucer. A bibliographical manual. – N.Y.: Smith, 1933. – 579 p.

- 76.Hargreaves H. From Bede to Wyclif: Medieval English Bible translations // Bulletin of the John Rylands Library. – 1965. – N 1. – P. 118-140.
- 77.Heath J. Borrowing // The encyclopedia of language and linguistics / Ed. by R.E. Asher. – Oxford: Pergamon Press Ltd., 1994. Vol. 1. – P. 383-394.
- 78.Houghton W.E. S.E.M. – “Translator” of Boethius // The Review of English Studies. – 1931. – N 26. – P. 160-167.
- 79.Jefferson B.L. Chaucer and the consolation of philosophy of Boethius. – N.Y.: Haskell house, 1965. – 168 p.
- 80.Leech G.N. Principles of pragmatics. – London and New York: Longman, 1983. – 250 p.
- 81.Leonard S.A. The doctrine of correctness in English usage. 1700 – 1800. – Madison: University of Wisconsin, 1929. – 361 p.
- 82.Lindsay T.M. Englishmen and the classical Renaissance // The Cambridge history of English literature / Ed. by A.W. Ward and A.R. Waller. – Cambridge: Cambridge university press, 1932. Vol. 3. – P. 1-24.
- 83.Machan T.W. Chaucer as translator // The Medieval translator. The theory and practice of translation in the Middle Ages: Papers read at a conference held 20-23 August 1987 at the University of Wales conference centre / Ed. by R. Ellis. – Cambridge: Brewer, 1989. – P. 55-67.
- 84.Mathewson R. Taking liberties with Horace. Some practical considerations on translation // Greece and Rome. – 1970. – N 2. – P. 142-165.
- 85.Matthiessen F.O. Translation: an Elizabethan art. – Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1931. – 235 p.
- 86.Mersand J. Chaucer’s Romance vocabulary. – N.Y.: The Comet press, 1939. – 179 p.
- 87.Neale J.E. Essays in Elizabethan history. – London: Cape, 1958. – 255 p.
- 88.Nida E.A. Language structure and translation. – Stanford, CA: Stanford university press, 1975. – 284 p.
- 89.Partridge A.C. Tudor to Augustan English. A study in syntax and style from Caxton to Johnson. – London: Evans, 1969. – 372 p.

90. Pemberton C. Editor's forewords // Queen Elizabeth's englishings of Boethius' *De consolazione philosophiae*... / Ed. from the unique MS, partly in the Queen's hand, by Miss Caroline Pemberton. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner and co., 1899. – P. vii-xv.
91. Pym A. Book review // *The Translator. Studies in intercultural communication*. – Manchester, UK: St Jerome Publishing, 1996. Vol. 2. – N 1. – P. 89-93.
92. Rastorguyeva T.A. *A history of English*. – M.: Vyscschaya shkola, 1983. – 347p.
93. Riddehough G.B. Queen Elizabeth's translation of Boethius' *De consolazione philosophiae* // *The Journal of English and Germanic Philology*. – 1946. – N 1. – P. 88-94.
94. Schlaugh M. *The art of Chaucer's prose* // *Chaucer and Chaucerians. Critical studies in Middle English literature* / Ed. by D.S. Brewer. – London: Nelson, 1967. – P. 140-163.
95. Semple W.H. St Jerome as a biblical translator // *Bulletin of the John Rylands Library*. – 1965. – N 1. – P. 227-243.
96. Serjeantson M.S. *A history of foreign words in English*. – London: Kegan Paul, 1935. – 354 p.
97. Shepherd G. Religion and philosophy in Chaucer // *Writers and their background: Geoffrey Chaucer* / Ed. by D.S. Brewer. – London: Bell, 1974. – P. 263-289.
98. Skeat W.W. Introduction to Boethius // *The complete works of Geoffrey Chaucer* / Ed. from numerous manuscripts by W.W. Skeat. – Oxford: Clarendon press, 1926. Vol. 2. – P. iii-xl.
99. Soane G. *Domestic manners and habits of the Anglo-Saxons* // *The whole works of King Alfred the Great: with preliminary essays illustrative of the history, arts and manners of the ninth century*. – N.Y.: AMS Press, 1969. Vol. 1. – P. 413-491.

100. Sources and analogues of Chaucer's Canterbury Tales / Ed. by W.F. Bryan and G. Dempster. – Chicago: University of Chicago press, 1941. – 765 p.
101. Sullivan J.P. Ezra Pound and Sextus Propertius. A study in creative translation. – Austin: University of Texas press, 1964. – 192 p.
102. Tatlock J.S.P. The mind and art of Chaucer. – England: Syracuse university press, 1950. – 114 p.
103. The Translator. Studies in intercultural communication. – Manchester, UK: St Jerome Publishing, 1996. Vol. 2. – N 1. – 126 p.
104. Tupper M.F. A metrical English version of King Alfred's poems: to illustrate Anglo-Saxon poetry in general // The whole works of King Alfred the Great: with preliminary essays illustrative of the history, arts and manners of the ninth century. – N.Y.: AMS Press, 1969. Vol. 1. – P. 157-254.
105. Whibley C. Translators // The Cambridge history of English literature / Ed. by A.W. Ward and A.R. Waller. – Cambridge: Cambridge university press, 1932. Vol. 4. – P. 1-25.
106. Winny J. Elizabethan prose translation. – Cambridge: Cambridge university press, 1960. – 151 p.
107. Wright L.B. Middle-class culture in Elizabethan England. – Chapel Hill: University of North Carolina press, 1935. – 733 p.

Цитируемая литература и принятые сокращения

I. Оригиналы, переводы и другие произведения как источники цитат

- Alfred = King Alfred's Anglo-Saxon version of Boethius De consolatione philosophiae / Ed. with a literal translation into English by the Rev. S. Fox. – London, 1901.
- Boethius = Anicii Manlii Severini Boetii De consolatione philosophiae // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Accurante J.-P. Migne. – Tomus LXIII: Manlii Severini Boetii Opera omnia. – Parisiis, 1847.

- Caesar = Caesar C.J. De bello civili. Liber I. – London, 1705.
- Calvin = Calvin J. Institutio christianae religionis. – Vienna, 1592.
- Chaucer = Chaucer G. Boethius De consolatione philosophiae // The complete works of Geoffrey Chaucer / Ed. from numerous manuscripts by W.W. Skeat. – Vol. 2: Boethius and Troilus. – Oxford, 1926.
- Colville = Boethius' Consolation of philosophy. Translated from the Latin by George Colville, 1556 / Ed. by E.B. Bax. – London, 1897.
- Edmundes = Observations upon Caesars Commentaries. By Clement Edmundes, Remembrancer of the Cittie of London. – London, 1609.
- Elizabeth = Queen Elizabeth's englishings of Boethius' De consolatione philosophiae... / Ed. from the unique MS, Partly in the Queen's hand, by Miss Caroline Pemberton. – London, 1899.
- MnkT = Chaucer G. The Monk's Tale // The complete works of Geoffrey Chaucer / Ed. from numerous manuscripts by W.W. Skeat. – Vol. 4: The Canterbury Tales. – Oxford, 1924.
- Norton = Calvin Jean. The institution of Christian religion. Translated by T. Norton. – London, 1578.
- PF = Chaucer G. Parliament of Fowls // The complete works of Geoffrey Chaucer / Ed. from numerous manuscripts by W.W. Skeat. – Vol. 3: The House of Fame, The Legend of Good Women, Parliament of Fowls. – Oxford, 1926.
- TC = Chaucer G. Troilus and Criseyda // // The complete works of Geoffrey Chaucer / Ed. from numerous manuscripts by W.W. Skeat. – Vol. 2: Boethius and Troilus. – Oxford, 1926.

II. Словари и энциклопедии

1. БСЭ = Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд-е 3-е. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

2. Латинско-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под общ. ред. С.И. Соболевского. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
3. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х томах / Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1993.
4. СА = Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993.
5. An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T. Northcote Toller. – London: Oxford university press, Humphrey Milford, 1898.
6. Britannica = Encyclopedia Britannica. In 23 volumes. – London: Encyclopedia Britannica Ltd., 1961.
7. A Middle-English dictionary. Containing words used by English writers from the 12th to the 15th century / Ed. by F.H. Stratmann. – London: Oxford university press, 1963.
8. OED = The Oxford English dictionary. In 12 volumes. – Oxford: At the Clarendon press, 1933.

Приложение

латинский оригинал Бозция	древнеанглийский перевод короля Альфреда (IX в.)	среднеанглийский перевод Джеффри Чосера (XIV в.)	ранненовоанглий- ский перевод Джорджа Колвила (1556 г.)	ранненовоанглий- ский перевод королевы Елизаветы I (1593 г.)
Sed abite potius Seirenes usque in exitum dulces, meisque eum Musis curandum, fanandumque relinquite. His ille chorus increpitus, dejecit humi maestior vultum, confessusque rubore verecundiam, limen tristis excessit. At ego cujus acies lacrymis mersa caligarat, ne dignoscere possem, quae nam haec esset mulier tam imperiosae auctoritatis, obstupui, visuque in terram	Ða clipode se Wisdom & cwæþ. Gewitaþ nu awerǣde woruld sorȝa of mines þeȝenes Mode. forþam ȝe sind þa mæstan sceapan. Lætaþ hine eft hweorfan to minum larum. Ða eode se Wisdom near. cwæþ Boetius. minum hreowsiendan ȝewohte. & hit swa niowul hwæt hweȝa uparærde. adriȝde þa mines Modes eaȝan.	But goth now rather away, ye mermaidenes, whiche that ben swete til it be at the laste, and suffreth this man to be cured and heled by myne Muses, that is to seyn, by noteful sciences. And thus this companye of Muses y-blamed casten wrothly the chere downward to the erthe; and, shewing by reednesse hir shame, they passeden sorowfully the threshfold. And I, of whom the sighte, plounged in teres, was	But yet get you hence maremaides (that seme swete untill you haue brought a man to deathe) and suffer me to heale thys my man wyth my muses or scyences that be holesome and good. And after that philosophy had spoken these wordes the sayd companye of the musys poeticall beynge rebukyd and sad, caste downe their countenance to the grounde, and by blussyng confessed their shamfastednes,	Get you away, Sirenes swite; til ende be seen, to my musis leve him for cure and helthe. To this the checked rabel, with looke downe cast with wo, with blusche confessing shame, doleful out of doores the went. But I, whose sigth, drowned in teares, was dimed, could not knowe what she was, of so imperius rule, and setteling my yees on ground, what she wold more

<p>defixo, quidnam deinceps esset actura, exspectare tacitus coepi. Tum illa propius accedens, in extrema lectuli mei parte consedit, meumque intuens vultum luctu gravem, atque in humum maerore defectum, his versibus de nostrae mentis perturbatione conquesta est. (Boethius, lib I pr. i)</p> <p><i>Но отойдите лучшие, сладкие Сирены, в самую погибель и оставьте его моим Музам для заботы и посвящения. Тогда этот кричавший хор (Камен) опустил в землю печальный взор и, покрасневший от стыда, скорбный вышел за порог. И я, зрение которого слезами покрытое притупилось,</i></p>	<p>and hit fran bliþum wordum. hwæþer hit oncneowe his fostermodor. mid ðam þe ða þ Mod wiþ hit bewende. ða Ʒecneow hit swiþe sweotele his aƷne modor. þ wæs se Wisdom þe hit lanƷe ær tyde & lærde. (Alfred, 4)</p> <p><i>Тогда Мудрость обратилась и сказала: Отойдите сейчас же вы, презренные мирские заботы, от разума моего ученика, так как вы есть величайшие враги. Дайте ему снова обратиться к моим поучениям. Тогда подошла Мудрость ближе, сказал Божий, к моему скорбному рассудку и его, столь обессиленного, несколько приободрила; затем отерла очи моего разума и спросила</i></p>	<p>derked so that I ne mighte not knowen what that womman was, of so imperial auctoritee, I wex al abaissed and astoned, and caste my sighte doun to the erthe, and bigan stille for to abyde what she wolde don afterward. Tho com she ner, and sette hir doun up-on the uttereste corner of my bed; and she, biholdinge my chere, that was cast to the erthe, hevy and grevous of wepinge, compleinede, with thise wordes that I shal seyen, the perturbacioun of my thought. (Chaucer, 3-4)</p> <p><i>Но идите теперь прочь, вы русалки, которые сладкие, пока не погубят, и оставьте</i></p>	<p>and went out of the dores. But I (that had my syght dull and blynd with wepyng, so that I knew not what woman this was hauing soo great auctoritie) was amasyd or astonyed, and lokyng downeward, towarde the grounde, I began pryuylye to loke what thyng she would saye ferther, then she had said. Then she approching and drawynge nere unto me, sat downe upon the uttermost part of my bed, and lokyng upon my face sad with weping, and declynynd toward the earth for sorow, bewayled the trouble of my minde wyth these sayinges</p>	<p>do, in silence, I attended. Than she, drawing nar, on my bedsfite sat doune, and, vewing my looke of hevy woe and with my dole to the erthe throwne downe, in versis thes of my mynds pane complaineth thus. (Elizabeth, 3)</p> <p><i>Убирайтесь, сладкие Сирены, в самую погибель, моим музам оставьте его для исцеления и здоровья. На это умолкнувшая толпа, опутив взгляд со скорбью, краской лица признавая стыд, печальные за двери они вышли. А я, чье зрение, залитое слезами, затуманилось, не мог узнать, кто она была столь величественной власти, и, опутив глаза в землю, что она</i></p>
---	--	--	--	---

<p>так что я не мог узнать, кто была эта женщина столь могущественного влияния, окаменел и, опустив глаза в землю, молча, стал ждать, что она будет затем делать. Тогда она, подойдя ближе, на самом краю моего ложа воссела и, пристально смотря на мое лицо, отягченное скорбью и устремленное от горя к земле, такими стихами стала сетовать на смятение нашего ума. (перевод наш – К.Т.).</p>	<p>приятными словами, знает ли он свою кормилицу. После того как разум повернулся, он очень ясно узнал свою собственную мать, которой была Мудрость, которая задолго до этого наставляла и учила его. (перевод наш – К.Т.)</p>	<p>не погубят, и оставьте этого человека для лечения и исцеления моим Музам, иначе говоря, значимым наукам. И тогда эта компания Муз, пристыженных, опустила печально лица вниз к земле; и, выказав краской (лица) свой стыд, они скорбно вышли за порог. А я, чье зрение, покрытое слезами, затуманилось так, что я не мог узнать, кто была эта женщина такого величественного влияния, я был весь потрясен и окаменел и, опустив взгляд к земле, начал молча ждать, что она будет делать после. Затем подошла она ближе и села на самый край моей постели; и она, оглядывая мое лицо, опущенное к земле, мрачное и горестное от рыданий, стала</p>	<p>folowyngе. (Colvile, 13) Но уже убирайтесь вы вон, русалки, (которые кажутся милыми, пока не приведут человека к смерти) и оставьте мне исцелять этого моего человека с моими музами или науками, которые здоровы и полезны. И после того как философия проговорила эти слова, упомянутая компания поэтических муз, пристыженная и печальная, опустив свой лик в землю и краской на лице признав свой стыд, вышла за двери. А я (взгляд которого потускнел и помутился от рыданий, так что я не знал, кто была эта женщина, имеющая столь огромное влияние) был поражен или окаменел, и, глядя вниз в землю, я начал тихо ждать, что она скажет дальше после</p>	<p>будет дальше делать, в тишине я ждал. Тогда она, подойдя ближе, на мою постель села, и созерцая вид меня в тяжелом горе, в скорби устремленном к земле, в таких стихах о болезни моего разума жаловалась так. (перевод наш К.Т.).</p>
---	--	--	---	--

		<p><i>жаловаться такими словами, которые я сейчас скажу, на смятение моего ума. (перевод наш К.Т.).</i></p>	<p><i>скажет дальше, после того что уже сказала. Тогда она, подойдя и приблизившись ближе ко мне, села на самый край моей постели и, глядя на мое лицо, печальное от рыданий и склоненное к земле от скорби, оплакивала несчастье моего разума такими словами далее. (перевод наш К.Т.).</i></p>	
--	--	---	--	--